ВЛАДИМИР БЫСТРЯКОВ

ЯВКА С ПОВИННОЙ

БАЙКИ ОТ ВОВЧИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Владимир Быстряков — композитор, лауреат международного конкурса пианистов, заслуженный артист Украины, автор музыки более чем к 150 фильмам и мультфильмам (среди них «Остров сокровищ», «Алиса в Зазеркалье» и др.), мюзиклам, балетам, спектаклям…. Круг исполнителей его песен разнообразен: от Пугачёвой и Леонтьева до Караченцова и Малинина. Киевлянин. Дважды женат. Дети: девочка — мальчик, девочка — мальчик. Итого — четыре. Сыновья похожи на мам, дочери — на папу. Возрастная разница с тёщей составляет 16, а с женой 36 лет. Умеет шикарно готовить, характер жуткий. Капризен. Не любит моду, стадное чувство и календарные праздники со всенародными гуляниями. Не любит свои молодые годы, число 13 считает своим родовым числом и свято верит в слова отца, что у них в роду всё сдвинуто лет на двадцать по сравнению с «нормальными» людьми. А еще — записной остряк, шоумен, колоритный соведущий телеклуба любителей анекдотов «Золотой гусь». И — автор ароматных баек «от Вовчика», которыми он делится со своими читателями, — о смешных случаях из жизни, забавных фактах, комичных казусах и совершенно невероятных ситуациях, приключившихся с ним и его многочисленными друзьями.

- Владимир Быстряков
  - Предисловие от автора
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Владимир Быстряков
Явка с повинной. Байки от Вовчика

Предисловие от автора

Предпосылкой к созданию того «безобразия.», которое вы, мой уважаемый читатель, сейчас держите в руках, стало предложение от моего друга и соавтора, киевского поэта и издателя «МК в Украине» Володи Гоцуленко разместить на оных страницах пару-тройку анекдотов «от Быстрякова». Чему я и внял, стараясь излагать всё присущим мне языком.

Спустя какое-то время Володя возьми да и скажи мне: «Вовик! Понимаешь, анекдоты — дело всенародное, и в основном народ — „в курсе“ всех свежих и не очень… А я вот знаю, что у тебя по жизни немало произошло смешных случаев, казусов и т. д. И вот ЭТОГО-то народ в основной массе своей и не знает. А попробуй-ка!»

Я как-то достаточно вяло согласился, потому как, покопавшись в собственной черепушке, с трудом набрал ну пять, ну десять… А потом произошла достаточно странная вещь: моя память в автоматическом режиме стала выдавать такое количество «нужного» материала, что на сегодняшний день перед вами — лишь малая часть из случавшегося со мной по жизни. И для себя я понял — нужно достаточно ИРОНИЧНО относиться к жизни, не зацикливаться на негативе. И мир тогда повернётся к тебе стороной, сверкающей парадоксальными ситуациями, неожиданными поворотами сюжетов, наполнит твои мозги забавными словечками и фразами, а люди… А люди вдруг, как по команде, станут относиться к тебе, как… Знаете, попробуйте когда-нибудь усилием воли, прямо с утра пораньше встать и заставить себя (как в прорубь с головой!) поверить в ПОЗИТИВ. И улыбаться в душе. Весь день. И на всё — с лёгкой иронией! И на тёщу, которая уверена, что она — истина в последней инстанции, и на тех, кто там «наверху» никак не может нажраться денег, и на жлоба, что мнит себя всенародным мессией… И помните, что не красота спасёт мир, а улыбка.

Кому-то в этой книжке покажутся забавными и смешными ситуации и факты, а кто-то, вчитавшись, обратит внимание на язык автора, на «аромат» той или иной байки. Скажу честно, именно для таких вот людей я и старался. Что получилось, судить вам. Единственное, что могу добавить: всё изложенное здесь — основано на РЕАЛЬНЫХ событиях, а поскольку — байки… ну пару деталей, может, и «дорисовал».

Благодарю за внимание к моему скромному «творчеству»!

Владимир Быстряков. *1980-е годы*

Владимир Быстряков. *Начало 1980-х гг.*

Вова Быстряков *(3 года)*

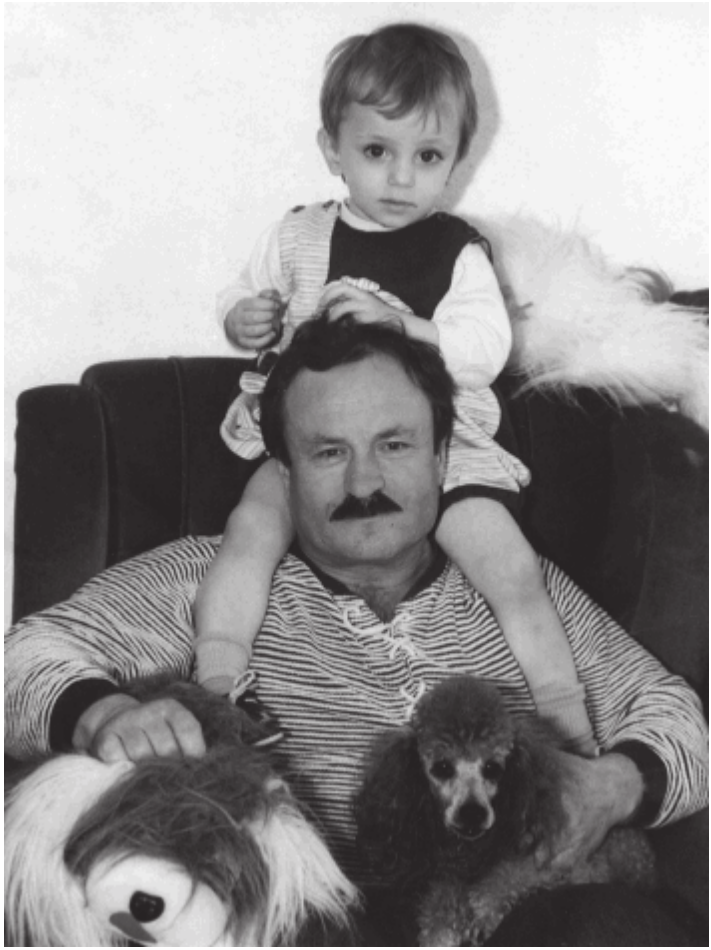
Детство. ТОТ ещё мальчик с мамой. *1950-е гг.*

Как в Голливуде — отпечаток на века. *Юбилей 1996 г.*

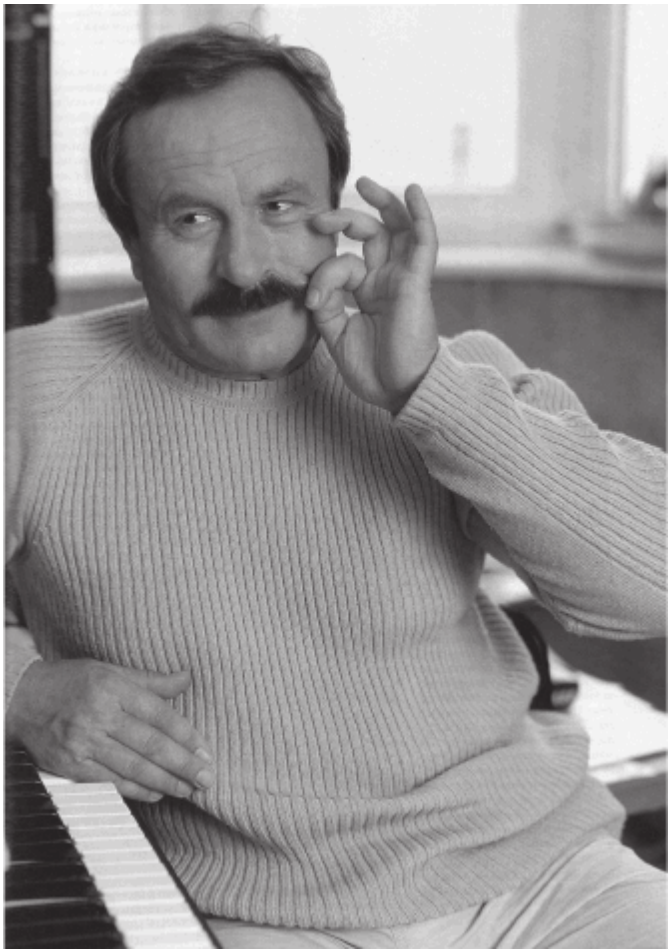
Лауреат Международного конкурса пианистов В. Быстряков. *1972 г.*

Моя вторая свадьба. Жена Оля. *2006 г.*

С любимой бабулей Марией Максимовной. *1980-е гг.*



С сынулей Жориком



Сегодняшний

1
ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

В любой уважающей себя семье существуют легенды о первых проявлениях жизнедеятельности Чада. На моей памяти остались два факта, бережно сохранённые для меня бабушкой и мамой. Первое — это то, что когда я появился на свет Божий, вместо того чтобы «дежурно» зарыдать — заорать популярным словом «У-а-а-а-!», я хитро поглядел на всех и неожиданно сказал «Эй!». Большего от меня, сколько ни пытались окружающие, добиться не удалось. А второе — это тот факт, что меня, новорожденного, умудрились… оставить в такси по дороге из роддома. Вернее, я сам каким-то макаром выскользнул из одеяла ещё в машине… Пустой сверток торжествующая семья поволокла домой, и где-то на полпути решили ещё раз сверить тождественность отпрыска с родителями…(!) А меня-то как раз в наличии и не оказалось.

Шухер случился ещё тот!

Эти два факта, думаю, во многом определили основную ТОНАЛЬНОСТЬ будущего существования.

Исторический поцелуй

А вот скажите мне, знаете ли вы хоть одного человека, который может похвастаться тем фактом, что в жизни своей (пусть даже и в разное время) целовался, к примеру, с Джиной Лоллобриджидой, с Лайзой Минелли и … с маршалом Советского Союза легендарным Семён Михалычем Будённым. Нет ТАКОГО человека, скажете вы и, наверно, будете правы. Однако такой человек существует, и я даже хорошо его знаю! Хотя бы потому, что человек этот — я САМ!

Ну хорошо, возразите вы мне, девчонок типа там Лайзы и Джины с присущим вам, Володя, обаянием ещё можно было как-то уболтать поцеловаться, но БУДЁННОГО?! Как же ЕГО удалось вам заполучить для такого памятного факта?

Не буду вас томить, это случилось отнюдь не в гражданскую, после очередной его «виктории», и не в Отечественную, где наш бравый рубака пытался вместе со своей конницей порубать танки гражданина Гудериана, а случилось это уже в мирное время, в Киеве. На праздновании очередной даты Октябрьской революции. Из самой Москвы ожидались почётные гости, поговаривали,

возможно, и САМ Семён Михалыч пожалуют.

Я в те годы был таким себе шкетом или, как говорят в Одессе, «ТЕМ ещё мальчиком». Меня знала вся окрестная шпана, а всю шпану знала моя бабуля. Она безуспешно пыталась вытрясти из меня подростковую дурь и наставить на славный путь служения Искусству. Дело закончилось определением меня в музыкальную студию при районном Доме пионеров, а местное хулиганьё тут же прилепило мне обидную кликуху Вовка-песенька. Именно так, с мягким знаком в слове «песенька». Как я подозревал, из-за созвучия со словом «писенька». У нас на улице образованных не то чтобы не любили, но относились как к слегка обиженным судьбой. И жалели. Да ещё запойный дядя Жора Столяров стал называть меня «Тащ Битховин», т. е. товарищ Бетховен. Этим он проявлял свои недюжинные познания в классической музыке, в то время как все остальные знали только «про Шульберта» и марш «Прощание славянки».

Будённый держит на руках Вову Быстрякова. *1955 г.*

И тут вдруг, громом средь бела дня! Меня отбирают в числе нескольких счастливцев вручать цветы членам партийно-правительственной делегации. Это ж я буду стоять с ними на трибуне и, может, увижу САМОГО Будённого?! Я так волновался, что умудрился… «загудеть» на Владимирской горке с самого откоса, сметая кусты и ломая деревца… В результате все колени были ободраны, а кто ж меня — «калеку» допустит к высоким гостям?! Ведь советский пионер должен быть чистым, опрятным и, естественно, без ссадин-порезов и прочих «украшений»…

Два дня моя бабуля колдовала над моими ранами, мазала стрептоцидом, что-то шептала… и случилось чудо! Вавки прошли,

и я, как Мальчиш-Кибальчиш, был «будь готов— всегда готов!»

И вот настал ИСТОРИЧЕСКИЙ день. Понятно, что ночь семья не спала, утюжила-крахмалила-подшивала… Утром вся моя «коммуналка» вышла меня провожать. Со стороны это выглядело, как если бы я был Ильёй Муромцем, а провожали бы меня на смертный бой с чудищем поганым. Бабушка украдкой крестила внука, мама в сотый раз просила как следует высморкаться ДО ТОГО, дабы мои нечаянные сопли не подпортили торжественности момента.

… И вот я, с громадным букетом цветов, среди таких же счастливцев, марширую в сторону универмага, где уже на трибуне стоят наши партийные руководители вперемежку с приехавшими москвичами. Эх, не понять нынешнему молодняку всего пафоса того момента! Ну, это примерно как если бы сейчас вам разрешили подержаться за локоток самой Мадонны или ущипнуть за попку Бритни Спирс!

Мы подходим ближе, и среди однообразия серо-габардиновых плащей партийных функционеров я различаю пышные УСЫ, а по бокам от них — маршальские погоны…

Теперь самое главное — опередить моих «гавриков» с цветами, которые наверняка тоже «усекли» Его. Я уже упоминал, что по шустрости я был (и остаюсь) чемпионом мира, так что изловчиться, кого-то втихаря лягнуть, кого-то оттеснить попой не составило для меня большой проблемы. Минута — и я уже возле Будённого, секунда — и у него на руках юный пионер Вова Быстряков!

Маршал крепенько так меня держит, а у меня только ОДНА мысль — как-то отметиться, «а чтоб было ШО вспомнить!»

«Точно! Надо ПОЦЕЛОВАТЬ! Но КАК?»

Из своего дворового «опыта» я знал точно, что когда дядя целует тётю — это нормально. Когда мальчик целует маму или папу — это тоже нормально. Но когда мальчик целует ЧУЖОГО дядю — в этом есть что-то нехорошее, тайком подслушанное нами-шкетами у великовозрастных обалдуев во дворе (хотя до «эпохи Бори Моисеева» было ещё — как до Луны.)

… Время шло, парад заканчивался, скоро (как я понимал) закончится мой «момент славы», а нужного предлога облобызать Живую Легенду не придумывалось. И вот, когда подуставший маршал уже собрался опустить меня на землю, я вдруг выпалил:

— А можно я вас сейчас поцелую???

Слегка обалдевший и не ожидавший от меня такого пассажа Будённый спросил:

— А за ЧТО?

— А ЗА ВСЁ! — отчеканил я и чмокнул в пышные

кавалерийские усы.

Задача была выполнена, я понимал — этот поцелуй уже вошёл в историю моей жизни, и даже сам Маршал стал теперь меня интересовать меньше. Хотелось домой, скорее всё рассказать маме, бабуле и соседям…

Лет через пятьдесят я вспомнил об этом и решил разыскать в киноархиве что-либо, касающееся того дня. Вместе с женщиной-монтажёром мы просмотрели несколько киножурналов. Ничего нигде не было… Я уже стал одеваться, как вдруг она воскликнула: «Ну, вот же вы!»

На экране стоял «ТОТ ещё мальчик», в коротких штанишках, со шкодливой рожицей, а поддерживал его САМ Семён Михайлович Будённый!

И поверьте мне, что с точки зрения мировой Истории это было гораздо круче, чем если бы просто ущипнуть за попку Бритни Спирс!

Виртуозный подход, или Как я поступал в вечернюю музшколу

Был у меня в молодые годы дружбан закадычный, Лёня Русановский. Какое количество девчонок «склеили», подумать страшно! А сколько методов незапатентованных изобрели… теперешним Казановам расти да расти! К примеру, Лёня жил в начале Десятинной улицы, а я — в конце её. Лёня из своего окна высмотрит красотку и звонит мне… Я трубочку сымаю, а красотка, ничего не подозревая, бодро топает по улице в моём направлении (а Лёня из своего окна её уже «оценил», детальки подметил…)

И тут я высовываюсь из окна (а жил я на первом этаже) и кричу очаровашке:

— Девушка! Вас — к телефону!

И протягиваю трубку. Та, естественно, в полной непонятке, откуда и кто… а Лёнчик-то уже её видел и начинает «разводить по полной», мол, вы опять — в моей любимой синей юбке (а она-то как раз в синей юбке!), а помните, как мы с Вами прошлым летом на море вышивали (а кто ж из девчонок на море не «вышивал»!) … и пока ошарашенная бедняжка туго вспоминает, с КЕМ она прошлым летом на море… Лёник её кадрит. По всем правилам полового искусства! Это, так сказать, лишь эпизод из жизни джентльменов.

И процентов на девяносто мы с ним (как результат) обретали желаемое, завоёвывая многочисленные женские сердца киевлянок

и гостей столицы.

Но случались и осечки… Напротив моего дома располагалась 25-я средняя школа, в которой по вечерам имела место быть ВЕЧЕРНЯЯ музыкальная школа. И там преподавала некая красотка с неполным высшим образованием, что не мешало ей быть чрезвычайно гордой и неприступной. И именно на неё и «запал» мой Лёнчик, слегка к тому времени подуставший от лёгких половых побед…

Красотка сия, как я теперь понимаю, «торчала» от своего неполного высшего образования, от своей причастности к великому миру Искусства и совсем не горела желанием поделиться частицей своего духовного мира с моим другом. А тем более, телом.

Скажите мне, что может больше распалить душу юного Ромео, привыкшего с ходу брать женские «крепости», как не подобное вяловатое «Динамо», да ещё со всеми признаками сексуальной атрофии?!

…И Лёнчик ВОСПЫЛАЛ! Но ЧТО бы он не предпринимал, на какие ухищрения он не шёл, дама его сердца оставалась равнодушной, как отмороженная нога полярника со стажем.

Но Лёнчик был бы не Лёнчик, если бы не нашёл выход из этой дохлой ситуации.

Как раз в то самое время я вернулся с Международного конкурса пианистов им. Б. Сметаны, что проходил в Чехословакии. Причём не просто вернулся, а привёз Гран-при в виде почётного диплома и наградного пианино от фирмы «Петроф». Ну, это сейчас лауреатов — как грязи, а в те годы нас было — по пальцам пересчитать, что, однако, не мешало широкой публике нас НЕ ЗНАТЬ в лицо. Это ж вам не эстрада! На этом-то и строился коварный Лёнин план…

… В один из вечеров он пришёл ко мне, протянул старый «убитый» ватник, засаленную кепочку «а ля питерский рабочий» и посвятил меня в тонкости предстоящей операции.

Я напялил всю эту «роскошь», подмазал грязью руки и кое-где на лице, обул оставшиеся в наследство от пьющего соседа ботинки-«говнодавы»… и в таком виде проследовал за моим озабоченным другом в вечернюю музыкальную школу.

— Здравствуйте, Светлана, — протянул Лёня, когда мы вошли к ней в класс. — Вы извините, но у меня тут товарищ мечтает поступить в вашу школу! Он хоть и работает на стройке, но в свободное время подбирает по слуху на старом бабушкином пианино всякие мелодии. Если бы вы нашли хоть пару минут, чтобы его послушать, а то он меня просто задрал своими просьбами «своди да своди в школу»…

Тут Светлана впервые заметила меня… Взгляд её напоминал взор богини с Парнаса на навозного жука. Она мгновенно оценила и мой ватник, и кепочку, и возраст «глубоко за двадцать», и простецкую физиономию…

— Ну вы понимаете, что в вашем возрасте уже поздновато начинать! И потом — эта ваша стройка ну никак не гармонирует с тем, что вы хотите играть классиков.

Тут вмешался Лёня:

— Светочка, он меня так достал с этой дурацкой идеей. Я обещал ему, что такой крупный специалист, как вы, послушаете, что он там наподбирал по слуху, и оцените по достоинству его ерунду. Уделите ему секунду, и мы пойдём.

— Ну, ладно, — кисло согласилась Светочка, кляня себя за убитое с нами время, — давайте, только быстро!

Я снял кепочку, сунул её в карман, обтер об себя руки — и присел к роялю. Левой рукой я, тщательно примериваясь, взял ля-минорный аккорд, как говорится «навсегда», а правой рукой в до миноре заиграл вальс «Амурские волны», ежесекундно сбиваясь и не попадая в такт с левой рукой…

…Светочка сидела с видом профессора, которого непонятно откуда взявшийся жлоб отрывает от святого служения Искусству. Но воспитание не позволяло девушке прервать жлоба, и она мило терпела мои «муки». Наконец я закончил, шумно высморкался в несвежий носовой платок, извлечённый из аналогичного ватника, и уставился на неё.

— Ну что вам сказать? Играйте себе дома на радость вашей бабушке, а вот к нам поступать, поверьте моему опыту, вам поздновато. Да и руки у вас, как для пианиста, очень неподходящие. Слишком широкая ладонь, а пальцы коротковаты. Да и со слухом тоже проблемы! (Эх, знала бы она, КОМУ это всё говорит!)

Я прикинулся огорчённым, а друг — Лёнька — говорит ей:

— Я, мол, тоже ему это всё говорил, только он не верит. Своди, говорит, к настоящему специалисту, а то — не отстану!

И тут я, настойчиво так, к «профессорше»:

— А я ещё одну мелодию по слуху подобрал, по радио передавали…

И не давая ей опомниться, «врубил» с ходу этюд Листа «Дикая охота». А пьеска эта, надо сказать, оченно виртуозная, повышенной сложности, и ею обычно «убивают» жюри на международных конкурсах и никак не ниже.

Пока я шпарил как заведённый октавы и головокружительные пассажи, Лёня внимательно смотрел на предмет своей страсти. Со стороны Светочка напоминала шар, из которого медленно

выпускали воздух. Она менялась в лице, и было отчётливо видно, что она никак не может понять, ОТКУДА у хлопца со стройки такая филигранная техника и исполнительская мощь. Единственно, что она поняла, это то, что её жутко «прикололи».

…Я отчесал страницы две листовского текста и резко остановился:

— А в этом месте бабушка выключила радио, и я дальше не знаю…

— Да знаете вы и дальше, — сказала помрачневшая Светочка… и я вдруг понял, что «крепость» пала и Лёнька возьмёт «профессора» голыми руками если не завтра, так в ближайшем обозримом будущем.

Я ошибся на «чуть-чуть». Уже наутро Лёнчик пришёл ко мне с победным видом и сказал:

— Ох, мы с ней сегодня так ржали над вчерашней «разводкой», и она всё допытывалась, на какой стройке вкалывают такие виртуозы. Ну ты ж знаешь меня, я тебя не сдал!

И я понял, что ЭТО произошло у них уже вчерашним вечером. И порадовался за друга.

Как я поучаствовал в спектакле Театра на Таганке

А ещё был случай. Со мной. Где-то в 60-х годах в Киев приехал легендарный Театр на Таганке. Супермодный, суперреволюционный, с популярнейшим Высоцким, с блестящими режиссёрскими находками Юрия Любимова…

В общем, не театр, а вкуснейшее блюдо для киевских театралов. А уж для нашего бомонда — тема засветиться, ну вы понимаете!

Естественно, билеты достались в первую очередь партийной элите и … мясникам. Кое-что перепало и театралам, но — чуть-чуть. И понятно, что без нужных знакомств простому хлопцу, кем я тогда и являлся, нечего было и соваться к Театру оперетты, где проходили гастроли.

Счастье улыбнулось мне в виде моего товарища Вовы Кошубы, который появился у меня дома с парой таганских барышень, то ли гримёрш, то ли костюмерш из легендарного театра. Понятно, что проблема билетов перестала существовать для меня после первых посиделок с оными дамами. И я засобирался на спектакль. Спектакль назывался «Десять дней, которые потрясли мир». Всё в нём было непривычно: вместо старушек-билетёрш стояли матросы-балтийцы, накалывавшие

билеты на штыки. В фойе маршировали патрули, вместо ламп горели фитили в снарядных патронах… В общем, Киев ТАКОГО ещё не видел и приготовился КО ВСЕМУ!

Мои новые подружки протащили меня вовнутрь через какие-то подвалы, но о билете не могло быть и речи. Они сказали:

— Володя, мы тебя поставим на сцене за занавесом. Как только полностью вырубят свет — прыгай в ложу! Там никого нет — это правительственная ложа, а сегодня правительства там не будет. Прыгай смело — и устраивайся по-барски.

И откуда им было знать, что машинист сцены дядя Вадик провёл в ту же ложу своего кума — матерщинника, и тот уже вовсю кайфовал на «моём» месте. В общем, я дождался полной вырубки, и в темноте ПРЫГНУЛ! Со сцены! Высота — полтора метра! Прямо на ногу куму — матерщиннику!

И тот — в полной тишине! Со всей дури! На весь театр — «… ТВОЮ МАТЬ!»

Я уже говорил, что киевская публика, обалдевшая от любимовского авангарда, ожидала ВСЕГО. Но чтоб так революционно, с матерной фразы начать спектакль — такого не мог представить себе никто! Секунда оцепенения — и зал взорвался овациями!

И потом, уже позже, я слышал, как люди восхищённо рассказывали о ТОМ спектакле, и когда им возражали, мол, на следующих спектаклях подобного не было, то аргументом было — а что ж вы хотите, вы что, не знаете, где живёте, это наша киевская цензура запретила, и всё такое.

А я до сих пор считаю себя невольным соучастником любимовского авангарда той поры.

Как я рыбалкой «семью кормил»

Из актуального. 2009 год, кризис протянул свои костлявые ручонки к горлу, а уже журналюги наши засуетились и давай обзванивать всех, у кого, как говорится, «медийное» лицо. Или ещё говорят — «рок»…

А вопросец задавался один — как будете переносить этот самый повсеместный катаклизм и думаете ли наконец ОТКАЗАТЬСЯ от любимой вами чёрной икры.

Позвонили и ко мне (типа значит — тоже «з1рка»!). Слово за слово, и надо же мне было в ответ на сакраментальный вопрос ответить, что надеюсь не пропасть, поскольку окромя зарабатывания Искусством ещё могу тучу разных вещей: начиная

от археологии и заканчивая элементарной рыбной ловлей. И (как сейчас понимаю, СДУРУ) вспомнил случай из моей рыбацкой практики, когда однажды привёз килограмм тридцать крупного карася (и всё на удочку!). Родня тогда опешила, не зная, где взять такое количество аппетита, чтобы рыбку эту умять и не подавиться… Плюс тёща КАТЕГОРИЧЕСКИ отказывалась чистить ЖИВУЮ рыбу!!! Это у неё — от великих гуманистов прошлого.

Тогда я шутя предложил Олькиной бабуле… ПРОДАТЬ улов возле ближайшего супермаркета. «Будет вам пару копеек на чулочки да на кино!» Не поленился и, одев чёрные очки, сгрузил весь улов возле ближайшего «стихийничка». Рыбку размели в момент, поскольку бабуля наша не жадная и цену назначила самую демократичную, в районе червонца за кило.

«…Так что, говорю, не пропадём в кризис, в крайнем случае удочки выручат!» — это я корреспонденту.

…Мелю эту хрень, а сам ни сном ни духом не могу даже представить, что шуточка моя будет иметь неожиданное продолжение.

Да, забыл сказать, что время для отдыха я, как правило, отвожу себе либо зимой, либо ранней весной, поскольку люблю обуглиться физиономией где-нибудь в Малайзии или на Карибах. И потом пугать друзей нехарактерным загаром в неподходящее время. (Летом неинтересно, летом ВСЕ могут.) А ещё имеется дежурная фраза-ответ на вопрос «Где так умудрился сгореть?» Звучит она так: «НА РЫБАЛКЕ!» И предоставляю друзьям возможность МУЧИТЕЛЬНО размышлять, ГДЕ она, такая рыбалка, существует, когда вокруг слякоть и дождь с мокрым снегом.

…Так и в этом феврале, вернувшись с женой из Таиланда и гордо освещая киевские улицы горящим даже в темноте облупленным носом, я нарвался на дежурный вопрос от моего (не помню какого) друга. И конечно же, «дежурно» ответил, что, мол, обгорел НА РЫБАЛКЕ.

— А я знаю, — говорит, — ты теперь на жизнь себе так зарабатываешь. Вчера по телику… у Шустера о тебе рассказывали!

Тут я оцепенел. «По какому телику, у какого Шустера?» (хотя понимаю, что «телик», естественно, киевский, да и Шустер — «тот самый»!)

— Ну-ка, ну-ка, поподробнее!

— Ну была, — говорит, — передача вчера о том, как бедствует нынче народ, и в частности люди искусства. И Риточка Сичкарь, сердобольная душа, поведала аудитории, что Быстряков ТАК оголодал, что ВЫНУЖДЕН ловить рыбу, а бабушка его жены… продаёт! А когда появился твой портрет в полный рост С

ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ, то все начали дружным хором сочувствовать и говорить, мол, ежли уже Быстряков, который многое УМЕЕТ, голодает, то что ж говорить об остальных…

— Слушай, говорю, а ДЕНЕГ мне всем миром не предлагали собрать?

— Да вроде не слышал, может, что и пропустил, — ответил друг.

Мы посмеялись, а я представил себе, как где-нибудь в районе Бенгальського залива я с вечера закармливаю место «под карася», на зорьке ловлю какую-нибудь «экзотику» на кобру или скорпиона, а в гостинице уже томится наша бабуля, чтобы успеть с ближайшим авиарейсом переправить улов в Киев.

…Ну что вам сказать, были и звонки мне после ТОЙ передачи, и предложения помочь (правда, в основном — «морально поддержать»), а благодаря Рите Сичкарь вкупе с Шустером я убедился, как МНОГО у нас ещё отзывчивых и добрых людей.

Но с тех пор, правда, стараюсь «фильтровать» шутки во время интервью. А то вдруг сработает опять «сарафанное радио»… А я жутко не люблю, когда меня жалеют!

Явка с повинной

70-е годы. Я вернулся с Международного конкурса пианистов им. Сметаны из Чехословакии в звании лауреата и обладателя Гран-при. Открывались нехилые перспективы в области исполнительского искусства плюс приличная зарплата солиста местной филармонии плюс гастроли по всему Союзу. А учитывая, что подобных лауреатов на Украине в те годы было по пальцам пересчитать, — стоило ли говорить, что это вызывало уважение окружающих, в том числе и представительниц слабого пола. А это нам, двадцатилетним пацанам, ох как щекотало ВСЁ, что только можно было щекотать!

А жил я тогда на Десятинной улице, в аккурат через дом от «самого» Щербицкого, тогдашнего хозяина Украины. И там же проживал человек номер два в стране, некто Лутак. Заведовал он сельским хозяйством, но по авантажности не уступал Хозяину. И была у него дочурка, заканчивающая школу как раз напротив моих окон, что на первом этаже. И хотя моя «коммуналка» роскошно контрастировала с её жильём, но развешанные по стенам афиши с моим «фейсом», по-видимому, действовали бодряще на неокрепшее девичье воображение. Как я теперь

разумею, дружба с «человеком с афиши» в какой-то мере повышала ейный авторитет в глазах собственных подруг.

Короче, однажды в моё окошко осторожно поскрёбся нежный девичьий маникюр, и уже через пять минут в комнате сидели… несколько крепких старшеклассниц, умело попыхивая сигаретками и поминутно высовываясь в окно, дабы не опоздать на урок. Мало-помалу эти посиделки приобрели систематический характер, а поскольку девули смолили, как боцман с сорокалетним стажем, я называл всю эту компашку «курятник».

Оговорюсь сразу, ни распития горячительного, ни тем более интима не имело места быть, т. к. рядом постоянно находилась моя бабуля. Кто-кто, а она чётко знала, что от «мажорных» детей ничего хорошего ожидать не приходится, а посему была начеку подобно славному погранцу Карацупе.

Но тем не менее, а — случилось! Когда я однажды вернулся домой, в комнате никого не было, а на одной из афиш мне были пририсованы… УСЫ.

Возмущения моему не было предела: «Кто???»

— Да сидели твои курильщицы, видно, они и нарисовали, — сказала бабця.

— Чтобы ноги их больше здесь не было, поняла???

— Яволь, — ответила бабуля, и я успокоился, зная, что мимо неё комар не пролетит.

На следующий день бабуля решительно завернула весь «курятник», объяснив им, что к чему. И — понеслось!!!

С утра в Укрконцерте зазвонил телефон. Звонили из… ПОЛИТБЮРО ЦК КПУ! Насмерть перепуганному директору было приказано раздобыть… афишу некоего Быстрякова. И НЕМЕДЛЕННО! Сотрудники Укрконцерта пребывали в состоянии, близком к долгожданному инфаркту!

«Пианина», которую сам собрал. *1972 г.*

Ну а я всего этого не знал и весьма удивился, увидев новенькую афишу вместо испорченной. «Это ОНА принесла!» — отрапортовала бабуля, ещё не догадываясь, что в моей жизни наступил новый, весьма неприятный период. Назывался он «Как по-быстрому спровадить музыканта в армию».

Уже на следующее утро под моими окнами стал регулярно появляться Второй Человек В Стране. Прогуливаясь, он становился на цыпочки и заглядывал в окно. Как я теперь понимаю, ему доложили и о «притоне», и о шалопае-музыканте ПРИЗЫВНОГО возраста. И этот факт, по-видимому, весьма согрел его трепетную «цековскую» душу, поскольку уже через пару дней меня любезно пригласили в военкомат с понятной целью. На моё возражение, мол, за неделю до Нового года в ПРИЛИЧНЫХ странах не принято призывать, разъяснили: «ВРАГ — У ВОРОТ! (А тогда как раз погрызлись с китайцами на Даманском.) Стране

нужно УСИЛИТЬ вооружённые силы именно с помощью вас, молодой человек!!!»

Не буду долго рассказывать, КАКИЕ были подключены «рычаги», начиная от министра культуры и заканчивая зам. командующего ОКРУГА, дабы оставить меня при оркестре в Киеве, но всё — тщетно!

В результате, 26 ДЕКАБРЯ, остриженный под ноль, я появился в городе Коммунарске, в «убитой» войсковой части. Местные офицеры никак не могли «вдуть», что это за странный пацан так настойчиво и не вовремя рвётся служить. Повеселившись по полной, определили меня(международного лауреата!!!) в… автороту в качестве мастера-химика.

В армейской самодеятельности. *1972 г.*

По всему полку немедля разнеслась новость о «химике» с высшим образованием. «Высшее» среди срочников имелось только у одного грузина, который, следуя давнему грузинскому обычаю, купил его за рубли.

На третий день ко мне пришёл знакомиться завклубом прапорщик Попов.

— Музыкант? — спросил.

— Музыкант, — ответил я.

— А пианину собрать сможешь?

— Из чего собрать, из запчастей к автомату Калашникова? — поинтересовался я.

— Ну зачем же «к Калашникову». Вот!

И он протянул мне два мешочка. В одном были клавиши, а в другом молоточки…

Вы не поверите, двое суток каторжной работы… И «пианина»

заиграла!!!

Подобного чуда не ожидал никто! Через клубную сцену (без брехни!) прошёл ВЕСЬ личный состав части. Каждый считал нужным побренчать на ТОМ, что ещё недавно являло собою дрова, и одобрить.

Довольный как слон завклубом смотался к командованию и отрапортовал о невероятном достижении в сфере культуры, после чего меня НЕОЖИДАННО… отправили в отпуск. Через неделю после призыва! Где вы такого (как говорят в Одессе) видели?

И понятно изумление моих домашних, когда я, уже оплаканный всеми и отправленный на долгий год служить в Красную армию, через НЕДЕЛЮ с бухты-барахты возникаю дома. В совершенно жутком ватнике, в кармане которого мой предшественник разлил пол-литра клея, в солдатской ушанке 1918 года выпуска, с немытыми руками и небритый…

И естественно, моя бабуля, видавшая виды и ситуации похлеще, вполне резонно «вычислила» — «ДЕЗЕРТИРОВАЛ! Любимый внучок! Не выдержал солдатской муштры!»

Проснувшись утром, я увидел стоящую над кроватью бабулю. В руках у неё был узелок, лицо было решительно и напряжено…

— Вова! Ты должен СДАТЬСЯ!

— Кому? — спросонья не врубился я.

— Ты должен сдаться ВЛАСТЯМ! Я — с тобой! Скажем им, что ты у нас лауреат, что в армии — первый раз, что явился С ПОВИННОЙ!

— А это что? — кивнул я на узелок.

— А это продукты! Тебе — В ТЮРЬМУ!

Я начал ржать, а бабушка никак не могла понять — или я тихо тронулся, или её жизненный опыт стал давать сбои. А поскольку в своё время натерпелась от весёлого сталинско-советского быта, то поверила мне ох как не сразу!

Смех смехом, но сколько потом я ни рассказывал знакомым о том, что умеючи можно из армии приехать в отпуск ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ после призыва, никто не верит до сих пор. А зря!

Как ставят на рога?

А ещё был случай. Со мной. В Тбилиси. Но всё — по порядку.

Я давно догадывался, ЧТО ТАКОЕ кавказское гостеприимство, и наконец мне представилась возможность ощутить это на себе.

Лет двадцать назад я, будучи солистом Киевской филармонии, поехал с сольными концертами в тогдашнее ещё

советское Закавказье. Первым городом был славный Тбилиси, а следом — Ереван и Баку. В Баку у всех без исключения академических гастролёров, как правило, наблюдался День печати. Поясню. По причине дремучей лени местных филармонических администраторов все запланированные концерты классической музыки заменялись встречей с очаровательным дядей, который отмечал в путёвке тот факт, что «кАнцерт прАшЁл с бА-Альшим успЭхом», ставил тебе печать и говорил:

— Атдыхай, дарагой! С Днём печати тебя!

Но такая лафа наблюдалась исключительно в этом милейшем городе, а в остальных приходилось пахать «по полной». В Тбилиси я отыграл сольник, и следующий день выдался свободным. И тут я совершил крупную ошибку. Я позвонил каким-то знакомым моих киевских, в общем-то, не очень знакомых и передал привет. И всё! Ну, у нас в Киеве, наверно, поблагодарили бы и повесили трубку. У нас, но не в ТБИЛИСИ!

Уже через пятнадцать минут меня нашли. Уже через двадцать две минуты мы были лучшими друзьями, а ещё через полчаса меня вели под белы руки в дом, где стол буквально ломился в честь дорогого киевского гостя. Увидев внушительное количество бутылок, я успел что-то вякнуть о том, что вечером поезд, что завтра концерт в Ереване, что давайте «по чуть-чуть». Тщетно. Меня никто не слушал. Все были озабочены только тем, как лучше принять дорогого гостя с Украины.

А тогда только вышел фильм «Кавказская пленница» и вся страна в упоении повторяла шутки и хохмы «от Гайдая». Это я и успел вспомнить, когда в ответ на робкую просьбу дать мне РЮМОЧКУ, я получил РОГ стакана на три. Поставить на стол его, естественно, было невозможно, и пришлось держать это славное произведение местных кустарей на весу. И это было только начало! Мне наполнили рог лёгким белым вином, и я решил слегка сачкануть, отпивая помаленьку за каждым тостом.

Первый тост был, естественно, за гостя, т. е. меня. Я, понятно, пригубил… И тут же получил риторический вопрос от соседа справа:

— Дарагой! Ты нас уважаишь?

Я кивнул.

— А себья уважаишь? — это был вопрос от соседа слева.

Я снова кивнул.

— А пачыму не пьёшь?

— Да я вот тут понемногу…

— Он нас нэ уважаит!!! — это сказала бабушка-соседка напротив меня.

Я тут же бросился доказывать своё уважение и со всей дури засандалил весь рог в себя.

Минутки две мы закусывали. Затем прозвучал второй тост. За МАМУ хозяина!!! Мой рог был снова — до краёв, а в голове тикало знаменитое никулинское «Кергуду!» с переводом, что, мол, «он тебя зарэжит» (в скобках — «шутка»). Я храбро выдул и эту «чашу», понимая, что это только — очередная. Затем слово взял младший сын той самой Мамы и предложил выпить за детей Мамы, погибших на фронте. «Не выпью — точно будет „Кергуду“», — пронеслось в голове… но «процесс» уже пошёл, и третий трёхстаканник уже бодрее наполнил утробу винцом.

Дальше пили за детей мамы, НЕ погибших на фронте, за соседей, живых и «не очень», за… Помню только, кому-то пришла в голову мысль показать мне Тбилиси, хотя в этом состоянии мне — что Тбилиси, что Кутаиси, что Миссиписи было, что называется, — «по барабану».

Как я понимал, меня вывели под белы рученьки и куда-то повели. Дальше были провалы в моей, в общем-то музыкальной, памяти, но иногда память странно возвращалась, и я пытался шутить типа: «Не бросайте, ребята! Лучше пристрелите!»

Вся эта честная компания поволокла полуживого гастролёра куда-то на крутую гору, и в сознании послышалась фраза, что это вот — знаменитый некрополь на Мтацминде, где погребены лучшие из лучших… Позже мне рассказывали, что больше всего меня впечатлила драматическая история жены Грибоедова — прекрасной Нины Чавчавадзе. Я радостно плакал и просил постелить мне тут же, рядом с ней.

Дальше опять был дом, опять рог, пили уже за соседей по кварталу, за их детей, за друзей детей…

Пришёл в себя уже утром в поезде, подъезжающем к Еревану. Кроме кофра с фраком со мной была… огромная авоська, в которой спокойно мог поместиться небольших размеров слон. Но! Вместо слона там находилось… бутылок тридцать самого разного грузинского вина, от Цинандали до Мукузани. «Дали на дорожку!» — догадался я.

И вот выхожу в Ереване из поезда, помято-небритый, с могучим перегаром, с авоськой, где 30 «фаустпатронов», и… удивляюсь, что меня, заслуженного артиста, НИКТО не встречает. Народ как-то шустро исчез с перрона, и остались только двое каких-то «фрунзиков мкртчянов», которые уже раз десять мимо меня прошли туда-сюда… пока мы не остались с ними на перроне одни. И тут «фрунзики», не смотря на меня, а на эту злополучную авоську, как-то очень неуверенно подошли и спросили (опять же таки не у меня, а у авоськи!), не являюсь ли я тем самым

пианистом из Киева, что должен давать сегодня концерт у них в филармонии.

— Да, — сказал я, — тот самый! — И стал суетливо извиняться, что, мол, встретил в Тбилиси школьных друзей, и всё такое.

Они выслушали меня по-кавказски терпеливо.

— В следующий раз берите из Киева ПРЯМОЙ до Еревана, свежее будете!

Баллада об уборщице

Интересная история произошла, когда мы гастролировали по Украине с тенором Константином Огневым. Был концерт в Мариуполе. Зал — битком. По общему женскому мнению, Огневой был душка и в тот вечер пел удивительно. И женщины, как всегда от избытка эмоций, охотно падали в обморок. И откуда нам было знать, что местный завклубом приказал уборщице ПЕРЕД концертом протереть рояль. Ну та, естественно, подзабыла, и вспомнила… когда концерт уже вовсю шёл… Проходит минут двадцать программы. Огневой заливается, как соловей… И тут на сцену из-за кулис тихо выходит… бабулька. В руках у нее жёлтые байковые трусы, которые сразу стали радостно выделяться своей желтизной на фоне черного рояля. Бабуля посмотрела на меня, приложила палец к губам, мол, понимаю, что — КОНЦЕРТ, и стала… этот рояль вытирать. Публика «завелась с полоборота» и заржала как профессиональная беговая лошадь… Огневой не может понять, в чем дело, покосился на брюки (может, не застегнуто что?). Потом замолк, потому как люди уже находились в легкой истерике. Всё это время певец бабулю не видел, т. к. она «орудовала» позади него. Кульминация наступила, когда бабуля переместилась поближе, аккуратно взяла его под локоточек, малость подвинула, сказала «Извините» и продолжила вытирать рояль. Я потерял дар речи. Хотя, конечно же, должен был отреагировать хоть жестами, хоть мимикой, на худой конец цыкнуть… Но от полной неожиданности тупо сидел как отмороженный… И в этот момент из за кулис, как Мефистофель, появился местный завклубом и утащил старушку со сцены.

— Бабуля работала здесь два раза, — резюмировал грустно Огневой, — первый и последний…

Как стать гением

Называли ли вас когда-нибудь ГЕНИЕМ?! Нет, ну я, конечно, понимаю, когда ты заявляешься к пацанам в компашку и у тебя совершенно неожиданно в сумке (как говорится, «очень в тему») оказывается пара холодненького «Черниговского», то все пацаны с редким единодушием скажут: «Ну, Вовик, ты гений!!!» Но таких «гениев» у нас в стране пруд пруди, а вот чтобы так вот, по-настоящему, «по серьёзу», солидные люди, да ещё и прилюдно окрестили тебя этим вот титулом… не дождётесь. А я вот однажды удостоился сего, и скажу вам — преприятнейшая штука «на халяву» побыть гением, ну хоть на пару минут.

Дело было лет семь назад. Пригласили меня с коллективом (кто не знает, есть у меня женская группа «Альтана») выступить на юбилее некоей немецкой фармацевтической фирмы. Весь праздник проходил в Пуща-Водице, в шикарном ресторане на территории бывшего партийного санатория. Приехали, переоделись, ждём.

…Объявили наш выход, мы выходим, и я вижу большущий стол, густо обсаженный гостями, а в центре, на почётном «президентском» месте, восседает… эфиоп. Это я потом узнал, что это НЕМЕЦКИЙ эфиоп, а поначалу просто смотрю — дядечка из солнечной Африки. Я ещё, помню, переспросил организаторов, правильно ли мы нарисовались тут, вроде говорили, фирма — немецкая, а во главе угла — самый что ни есть загоревший донельзя хлопец…

Меня тут же успокоили, мол, всё соответствует, фирма немецкая, а шеф у них самый что ни есть землячок нашего Александра Сергеича, того самого, что стихи очень удачно писал. Про лукоморье, про Балду, да ещё про «товарищеский» поединок Онегин — Ленский…

Кто не в курсе: родичей А.С. Пушкина действительно в своё время импортировали из Эфиопии, и современные эфиопы, из тех, кто поначитаннее, жутко гордятся «земляком».

Немаловажная деталь: у меня в группе поёт темнокожая красотка Каролина, чей папа (родом из Индонезии) в своё время принял активное участие в изготовлении дочери в Киеве, а позже благополучно затерялся на просторах Индокитая. А нужно сказать, жители Эфиопии, хоть и африканцы, но сильно отличаются, скажем, от жителей так называемой Чёрной Африки с носами на пол-лица и губами толщиной с гамбургер. Эфиопы скорее смахивают на жителей Юго-Восточной Азии, те же тонкие черты лица, только «загарчик» потемнее.

Ну, всё бы ничего, но администратор нам попалась девуля «палец-в-рот-не-клади», да ещё с нездоровой тягой ко всевозможным розыгрышам и хохмам, сыпавшимся из неё, как

обещания из депутата.

Как сейчас помню, концерт шёл «на ура», гости отбивали ладоши… И в одну из пауз «наш» эфиоп жестом подозвал администраторшу и поинтересовался, что за очаровашка мелькает среди певиц. Ну и та, как говорится, на одном дыхании, не моргнув, сообщила, что эта вот «тёмненькая» является законной… дочкой Быстрякова. А тёмненькая оттого, что сам он, Быстряков по происхождению… из Эфиопии. Где-то в четвёртом-пятом поколении… Тут эфиоп обалдел (а вы бы не обалдели на его месте?!), но сразу же поинтересовался, а отчего ж тогда сам Быстряков — БЕЛЫЙ?!

— Уважаемый, — сказала ему девица, — вы бы видели его бабку! Чёрная, как ночь над Чили!!! А на самом Быстрякове в аккурат африканская-то кровь и не проявилась. Зато дочечка его — полюбуйтесь, вся в свою прабабку, т. е. — в бабку Быстрякова!

Поскольку «наш» эфиоп напоминал об Африке только цветом лица, а по воспитанию являлся 100 %-ным европейцем, то ему и в голову не могло прийти, что его «разводят» как кроликов на даче у дяди Бори. Всю эту «пургу» он принял за чистую монету и попросил слова…

— Леди и джентльмены! Сегодня мы наслаждаемся чудесными песнями в исполнении великолепного ансамбля. И все эти песни написал вон тот скромный молодой человек у стены. Зовут его Владимир Быстряков, он композитор, но МАЛО КТО знает (я вот сам только что узнал!), что родом Быстряков — из моей родной Эфиопии! И если раньше мы все гордились нашим великим земляком поэтом Пушкиным, то отныне я со всей ответственностью заявляю: теперь у нас в Эфиопии есть ДВА ГЕНИЯ — Пушкин и Быстряков!!!

…Послышались аплодисменты, мои девчата стояли в полной «непонятке», и в таком же ступоре застыл и я, поскольку ни сном ни духом не знал ни о своих «эфиопских корнях», ни о моей бабульке, что была черна, «как ночь над Чили», ни о том, что «шоколадка» Каролина приходилась мне «дочерью». Это уже потом в автобусе слегка «вмокнутая» администраторша со смехом поведала мне о розыгрыше. Я её чуть не убил…

Но, сказать честно, «оченно» приятно, когда тебя так вот, пусть даже «на халяву» обзывают гением. Думаю, что сам Александр Сергеич вряд ли задумывался по этому поводу — «гений не гений», да и некогда ему было: то в картишки резал, то стихи кропал — семья-то большая, детей куча — всех прокормить надо, оттого и недосуг было зацикливаться на определении… То ли дело — мы! Тщеславные и слегка наивные…

Голубчик

Моя первая тёща Тамара Ильинична была человеком с юмором и за словом в карман, как говорится, не опаздывала. Тем паче, что работала в торговой сети. А по части реакции с ней мог посоперничать разве что легендарный хоккейный вратарь Владислав Третьяк.

…Вечер. Послерабочее настроение, семья в полном составе, на сковородке шкварчит яишенка, тесть Гриша наворачивает круги вокруг холодильника, где вовсю потеет заветная «сиротская слеза»… как вдруг — телефонный звонок. Тёща берёт трубку и — бархатным интеллигентным меццо:

— Алло! Я вас слушаю!

…Судя по всему звонивший ошибся номером, поскольку в следующий момент тёща так же бархатно и так же интеллигентно проворковала:

— Голубчик! Вы не туда попали!

На что звонивший вдруг взвился кречетом под небо и истерически проорал в трубку:

— Какой я тебе «голубчик»?!! Я, между прочим, — ИНСТРУКТОР РАЙКОМА ПАРТИИ!!! Ты что себе смеешь?!

Тёща терпеливо выслушала весь этот «оргазм души» инструктора райкома партии, после чего, ни на йоту не меняя свой доброжелательный бархатный тембр, проворковала в трубку:

— А мне по телефону НЕ ВИДНО, что ты. УДАК!!!

Минут через пять всеобщей паузы тесть Гриша, внимательно разглядывая люстру через запотевший стопарик, философски изрёк:

— Да-а-а, Тома! Благодари Бога, а вместе с ним и Никитку Хрущёва за нынешние времена! Лет сорок тому уже б паковали бельишко-сухарики, да — на экскурсию в солнечную Якутию за твоего «голубчика»! А так — наслаждись свободой и… по паре капель за 20-й съезд КПСС!!!

Почти по Гоголю

А ещё был случай…

В начале 90-х годов меня пригласили писать музыку к очередному фильму. Режиссёр был талантливый, подбор актёров замечательный, в главной роли — Янковский, сценарий — по Гоголю… В общем, работа предстояла интересная.

И как это бывает часто, на съёмках не обошлось без курьёзов.

Одной известной ныне, а тогда начинающей актрисе предстояло в образе девки-русалки проплыть озером в обнажённом виде. «Кино-обнажёнка» в те годы была большой редкостью (не то что сейчас: чтоб пробиться на экран, нужно зачастую прежде всего… снять трусы!). Молодая актриса была «дуже цнотлива», и когда режиссёр поставил перед ней задачу обнажиться в кадре, поначалу вспыхнула и гордо отказалась. Но затем, обдумав всё, мол, будучи будущим «народным кумиром», негоже от народа скрывать собственную роскошную фактуру, согласилась. Но!!! Поставила жёсткое условие: чтобы НИКОГО из съёмочной группы не было в радиусе ста километров от места съёмки. Никого, кроме режиссёра и оператора! Нужно сказать, что съёмки проходили в одном из живописных мест Украины и имело место быть в кадре укромное лесное озеро на околице села. Немаловажная деталь: озеро было окружено многолетними вербами, которые склонялись над водой, уютно его обрамляя.

В назначенное время группа из трёх «кшомитщв» — режиссера, оператора и нашей героини — уединилась в укромном местечке: крохотная полянка, удобный вход в озеро и, ГЛАВНОЕ, — ниоткуда, даже с самолёта, ни фига никому не увидать! Так что все условия нашей «цнотливой» были соблюдены.

Пошёл первый дубль… Наша «мавка» сбрасывает спщничку, входит в воду, отплывает немного…

— Стоп! — говорит режиссёр. — Умница, ещё дублик! Только отплыви на середину, а там перевернёшься мечтательно так на спинку… И закайфуй!

Актриса так и сделала: отплыла на середину, перевернулась на спинку… и обомлела: ветки окружающих озеро столетних верб буквально гнулись под тяжестью висящих на них людей. Кроме присутствующей в ПОЛНОМ составе мужской половины группы на вербах уютно разместилось полСЕЛА. А что вы хотите: с телепорнухой в те годы была напряжёнка, тем более в селе — а тут ТАКОЕ!!!

Наша «Мавка» ахнула… и ушла под воду. Нужно ли говорить, что спасать её бросилась вся киногруппа. И ещё полсела!

Ну оч-чень «непьющая» киногруппа

Первая моя супруга по профессии своей — актриса. Профессия, на первый взгляд, завидная, но, как показывает жизнь, небезопасная в первую очередь для нервной системы.

А началось всё с того, что пригласили её сниматься в кино на одной из киевских студий. Предстояли съёмки на натуре и, как следствие сего, выезд за пределы Киева с последующим обживанием какого-нибудь местного «Хилтона» в селе Велик Запроданщ…

«Хилтон» оказался трёхэтажным «убитым» сооруженьицем, и это бы ещё ничего! Но! Съёмочная группа супруге попалась крепко пьющая, с киношно-профессиональным алкогольным стажем, и когда после первого съёмочного дня зарядили сплошные дожди, вся группа с восторгом восприняла это как знак Неба — мол, НАЛИВАЙ!

И почалось… Понятно, мужика после литра тянет на «лирику». И понятно, вмиг были разобраны все имеющиеся в группе девушки… И понятно, что начали подбираться и к «свежачку», т. е. к «моей», рисуя девушке будущие киноуспехи, естественно, в случае понимания оной сиюминутных половых проблем имярек.

«Моя» стойко держала «облико морале», баррикадируя ежевечерне дверь и включая на всю дурь стенной трёхпрограмный «матюгальник»…

А нужно сказать, что местная гостиничная администрация не была избалована столичными визитёрами, да ещё и в таком количестве, и поначалу даже очень и гордилась, что, мол, в такую глушь, да ещё из Киева!.. И до поры терпела ихние столичные «розвап» с распитием всего, что пьётся, страстными криками и стонами по ночам…

И как часто бывает у сельских, стеснялись сделать замечание «городським». Но дожди не стихали, пьянки-крики продолжались, и тогда администрация пошла на крайнюю меру: рано утром над окошечком дежурной появилась бумага, на которой значилось: «Шановш господа артюти! Огромная прозьба не вибрасувати презши за в1кна, бо ГУСИ 1'ДЯТЬ І ДАВЛЯТЬСЯ!..»

Стоит ли говорить, что фильм вскоре закрыли, а группу расформировали.

А дожди прекратились…

Рояль за кулисами

80-е «застойные» годы. Я работал в Киевской филармонии. И была в филармонии легендарный администратор — Бетя Миндель. Маленькая, шустрая, талантливая… Организовать концерты могла везде: от продуктового киоска до проходной

завода. Ходили слухи, что могла даже на крыле самолёта…

Звонит мне:

— Володенька, сегодня выступаешь в «Киевской троянде» (была у нас в Киеве такая танцплощадка).

Я не удивился. В те годы мы выступали везде: от колонных залов до общежитий ткацких фабрик.

Пришёл. Крохотная сценочка битком уставлена пультами, стульями оркестра. Спрашиваю:

— Где рояль?

— А вон там за сценой.

— Давайте, — говорю, — мне человека, будем двигать!

— А двигать нельзя, он там прибит, — отвечают.

— … Навсегда?!

— Навечно!!!

Подскакивает Бетя:

— Володя, я всё гениально продумала! Значит так: я тебя представлю, ты выйдешь на сцену, поклонишься и пойдёшь играть…

Я спрашиваю:

— Куда, ЗА сцену?

Она говорит:

— Володя, не волнуйся, акустика здесь отличная! Всем всё будет слышно!

Тут я ей и говорю:

— Бетенька, акустика здесь отличная, но рояль плоховат. А у меня дома есть рояль получше, поэтому ты меня ЗДЕСЬ объявишь, я выйду, поклонюсь, а играть пойду ДОМОЙ!

… И пошёл домой «выступать».

Семнадцатая ёлка

Рассказывал однажды мне кореш Лёнька. Где-то в середине 80-х довелось ему халтурить баянистом при Деде Морозе на детсадиковских ёлках то ли в Иванковском, то ли в Бориспольском районе. Дед Мороз (он же закадычный Лёнькин друган Тимоня) подписал его на нехилый заработок, посулив целых ВОСЕМНАДЦАТЬ (!!!) ёлок в течение одного рабочего дня.

А день этот, между прочим, начиная с девяти утра, по идее должен был закончиться к шести. На вопрос Лёньки, каким образом они «отработают» восемнадцать ёлок за ДЕВЯТЬ часов, Тимоня ответил кратко:

— Не ссы, Лёнчик! И не такое поднимали! У меня — опыт и

наработки! Главное — не тормозить в процессе и не реагировать на молоденьких воспитательниц! «Темпо-темпо», как говорят итальянцы… и всё будет «хоккей».

Первые четыре ёлки прошли чётко по тимониному графику. Перед восторженными детскими глазёнками появлялся бодрый моложавый Дед Мороз и, выпалив дежурную речь, принимался с детьми искать Снегурочку.

А нужно отметить, что в целях экономии гонорара наши красавцы придумали роскошный ход: перед представлением «назначать» Снегуркой кого-нибудь из местных нянечек. На что те охотно шли. Ещё бы! С настоящими артистами на сцене засветиться в качестве равноправной звезды…

Итак, найдя Снегурочку, наш Дед так же, в темпе «аллегро», запускал деток с их подготовленными номерами, по-быстрому раздавал подарки и так же по-быстрому исчезал внутри старенького «москвича», следовавшего за ними неотступно.

…Но на пятой ёлке случилась первая осечка. Уже на пути к «москвичу» дорогу им перегородила заведующая садиком, дородная молодычка, и со словами «ffi, так не пшде! А пригоститись? Трішечки квакнуть на посошок! Ті ні вщпущу!» решительно завернула наш творческий дуэт в сторону своего кабинета. Хлопцы, глянув на часы, прикинули: минут десять у них есть в запасе, да и проголодаться уже успели к тому ж. Да ещё и «поляну» аппетитную молодычка подготовила… В общем, «по пять капель» да по вареникам выступили, в машинку — юрк! и на шестую ёлочку помчались.

Отыграли шестую с вдохновением (тем более что внутри охотно танцевали варенички с горилкой!), но тут, словно чёрт из табакерки, возникла очередная заведущая и безапелляционно (вот у кого развит нюх на то, что уже «до того» было «взято»!) повела их в кабинет. Ну вы же знаете Нашего человека, ежли он впустил в себя хоть каплю, то она тут же начинает играть роль троянского коня и отворяет «двери своим» моментально! А тут как раз и запретик горбачёвско-лигачёвский, как говорится, «в тему», и с продуктами негусто на рынке… А здесь такая халява!

Лёнчик — на Тимоню. Тот — Лёнчику:

— Пацан, не ссы! Прорвёмся!

И на седьмую ёлочку не поехали, а полетели на крыльях, вдохновлённые внутренне, а также тем фактом, что с каждым новым садиком Снегурочки, а тем более заведующие, становились всё прекраснее, а «поляны» всё вкуснее.

Уже в районе десятой ёлочки Тимоня вдруг «вспомнил», что отказываться, да ещё под Новый год вообще… считается… большим грехом, а потому…

«Лёнчик, не боись, прорвёмся!» стало своеобразным рефреном их нелёгкой работе.

На четырнадцатой ёлке Лёнчик вдруг с ужасом обнаружил, что его товарищ пытается склонить к роли Снегурочки бабку-уборщицу лет на семьдесят, а завсадиком безуспешно пытается пролоббировать на это место нянечку на полтинник моложе уборщицы. Наконец с помощью Лёнчика ей это удалось, и Снегурочка заняла своё «законное» место рядом с Дедушкой. Тот, уже вовсю путая буквы, объявил её «СнеРугочкой», вызвав одобрительную реакцию малышни, которой, видно, частенько доставалось от сей няньки.

Дальше было ещё веселей. Уже перестали считать количество садиков, угощений, но что было удивительно — то, с каким поистинне суворовским упорством Дед Мороз Тимоня рвался вперёд, на следующий детский праздник. «Врёшь, не возьмёшь!» — цитируя Чапая, бурчал Тимоня, и очередная, …надцатая, ёлочка неотвратимо надвигалась на наших друзей…

Трагедия случилась на СЕМНАДЦАТОЙ, когда до победоносного завершения сей нелёгкой работы оставалась всего ОДНА последняя ёлочка.

Друзья уже не обращали внимания на то, что Лёнчик «чешет» не по тем кнопкам, что молоденькие няньки стали табунами отказываться от «сотрудничества» с «артистами», что буквы у Дедушки Мороза то ли по старости, то ли от творческого волнения стали меняться местами… и вот уже вместо «Дед Мороз» выходило «Дем Дороз», а вместо «Баба Яга»… что-то совсем уж неприличное — «Бага Иба»…

И это бы всё ничего, но когда Дедушку стошнило прямо на крохотную пожилую нянечку-Снегурочку, с большим скрипом согласившуюся на эту повинность, и она, не сдержавшись, обматерила Тимоню прямо на сцене… на детей всё это произвело НЕИЗГЛАДИМОЕ впечатление, и совершенно неожиданно зал разразился хохотом и аплодисментами.

…Но Тимоня всего этого «триумфа» уже не ощущал. Зайдя за ёлочку, он отключился от всего происходящего… и заснул богатырским сном.

Восторженных детей кое-как успокоили, подарки раздали «от имени Дедушки Мороза», но уже БЕЗ Дедушки Мороза, возмущённые родители увели своих чад по домам, и нужно было уже закрывать и сам садик…

Но! Оставался вопрос: ЧТО делать с могучим телом Деда, бездвижно валявшимся за ёлочкой (семнадцатой по счёту). Наш Лёнчик в помощники уже тоже не годился, поскольку, будучи в полной отключке, находился рядом, крепко вцепившись в свой

баян и напоминая собой сражённого пулемётчика из фильма.

Выручил всех безгласный до того времени водила «москвича», у которого, как оказалось, имелся телефон Тимониной супружницы. Немедля был сделан звонок, и спустя минут сорок в дверях нарисовалась САМА. Нужно сказать, жену себе Тимоня подобрал явно не под стать себе самому. (А может, просто НЕДОКАРМЛИВАЛ!) Небольшого росточка, она смотрелась с крупным телом мужа, как Александра Пахмутова рядом с Колей Валуевым.

— Да-а-а! — протянула завсадиком, — на грубую мужскую силу, так же как и на крепкое женино плечо, рассчитывать нам не придётся!

Ох, как она оказалась не права!!! Крохотная Тимонина жена прильнула к бездыханному телу мужа и вдруг стала… НАСВИСТЫВАТЬ «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ». Все остолбенели! Потому как уже в следующее мгновение Тимоня, находясь в ПОЛНОМ ОТРУБЕ, стал подобно зомби… медленно подниматься. И точно в такой же отключке, не открывая глаз, медленно и важно … двинулся за своей крошкой в сторону двери.

Со стороны всё это напоминало финальную сцену из «Ревизора». Когда все — в шоке и в безмолвии…

И так вот, свистя, она вывела своё «зомби» из садика, водрузила в машину и только после этого перестала свистеть. После чего пояснила всем свидетелям ЧУДА, что «ЭТО у него — ещё от армии, по-видимому последствия нервного стресса».

Лёнчика-с-баяном-в-обнимку грузить было — пару пустяков, после чего машина тронулась в сторону столицы… На восемнадцатую ёлку, как вы понимаете, «артисты» уже не попали.

Тесть, кум и бычок

Рассказывал мой нынешний тесть Володя.

Поехали мы как-то с кумом к родичам в село. Родичи — мои, автомобиль его.

Едем, значит, в хорошем настроении. Перетираем «за жизнь», предвкушаем предстоящий приём (ну вы ж знаете, КАК в селе накрывают!) и не замечаем, что впереди трусит бычок. А мы, увлёкшись беседой, и не врубились сразу, что бычкам (особенно тем, кто помоложе и поглупее) иногда свойственно останавливаться ПО НУЖДЕ, не предупреждая двигающийся за ними транспорт. Так оно и случилось. В то время как кум увлечённо повествовал мне о происшедшей в наших сёлах

сексуальной революции и о массовой доступности местного женского пола… бычок вдруг стал как вкопанный и, подняв хвост, стал ПО-БОЛЬШОМУ опорожнять утробу. Распалившийся от собственных рассказов кум… так и въехал тому бычку прямо в зад. После чего бычка вынесло с дороги в кювет, по всему лобовому стеклу растеклась его «продукция», а хозяин, матерясь по-чёрному, рванул вызывать гаишников.

Мы понимали, что за бычка нам светит как от ментов, так и от хозяина…

Стали лихорадочно соображать, ЧТО делать, и тут кума ОСЕНИЛО!

— Слушай, — говорит мне, — есть выход! Ты смотри, КАК он ТОЧНО серанул! Просто герой войны снайпер Зайцев! Ты что-то видишь через лобовое?? Я, например, с трудом…

И действительно, коровий кизяк добросовестно покрывал наше лобовое стекло, мешая любоваться живописным деревенским закатом.

— Это ж наше спасение! Менты сразу поймут, что это сначала ОН серанул, и мы потеряли видимость. И как следствие — въехали этому идиоту в зад.

Я было засомневался, но кум так убедительно аргументировал…

Стали ждать гаишников, и тут… пошёл дождь. Вначале тихий, он стал усиливаться, и мы вдруг с ужасом осознали, что этот дождик СМОЕТ наше «алиби» за несколько минут. Тут кум с редким проворством ламанулся в багажник, вытащил оттуда зонтик… и в следующую минуту завис над лобовым стеклом, как квочка над цыплятами. Сам вмиг промокший, он держал зонтик над «автографом» клятой тварюки… и понимал, что ливень — сильнее нас. И что через минуту мы будем иметь чистое стекло и, как следствие, кучу неприятностей.

…Ливень стих так же внезапно, как и начался. Мы с кумом стояли продрогшие, а наше лобовое стекло было предательски чисто и напоминало лучшую цейсовскую оптику.

— Придумал! — вдруг гаркнул кум над ухом. — Смотри, Вовка, а на земле этого добра вон сколько! Помоги, сейчас мигом набросаем на лобовуху!

Мы с лёгким отвращением стали черпать кизяки руками и набрасывать их на стекло. За этим занятием нас … и застали подъехавшие тихо гаишники. Как я понимаю сейчас, «накрыли» нас оттого, что мы с кумом — люди увлекающиеся, а когда увлечены по-настоящему ИНТЕРЕСНЫМ делом, зачастую не замечаем происходящего вокруг.

Короче, кум на полгода лишился прав, а я чуть было не

лишился кума и дружбана в одном лице. Но потом, как в лучших сказках, всё утряслось, куму вернули права, а вместе с правами прошла и обида… И вот мы снова трясёмся по убитой просёлочной дороге, направляясь к родичам в село. Родичи — мои, машина — его.

Фамилия — Блядюк

Рассказывала моя первая тёща. Из школьных воспоминаний. Девичья фамилия её была Агеева, и в учительском журнале стояла первой в списке. А второй значилась девочка по фамилии Блюдюк (или Блядюк, что, впрочем, не играет особой роли, потому как по звучанию… ну, в общем, дело не в этом).

И всё было бы ничего, не появись у них новой учительницы. А та, как на грех, оказалась такой себе рафинированной интеллигенткой, что при слове «…опа», услышанном случайно, мгновенно заливалась алой краской, и я сейчас думаю, не приведи Господь оказаться ей на концерте группы «Ленинград» и услышать пару песен в исполнении Шнура… Наверняка её вынесли бы оттуда ногами вперёд. Это сейчас интеллигенция стала покрепче, а в те далёкие 50-е…

В общем, заходит она в класс, естественно, начинается всё с переклички. Она раскрывает журнал и бодро начинает:

— Агеева!

Ну, моя тёща так же бодро встаёт и отвечает:

— Есть!!

Тут училка смотрит на следующую фамилию и начинает густо заливаться краской. И я понимаю её врожденную интеллигентность, ну не может она произнести до боли знакомое слово! Потом она «автоматом» переводит взгляд на тёщину фамилию, и снова произносит:

— Агеева!

Моя тёща тупо поднимается во второй раз и говорит:

— Есть!

И тут, найдя для себя спасительный компромисс, училка говорит:

— ВТОРАЯ?!

Девочка по фамилии Блюдюк (или Блядюк, точно не помню, да и какая разница!) печально поднимается и говорит:

— Есть!

С того дня так и пошло:

— Агеева?!

— Есть!
— Вторая?!
— Есть!
И т. д.

2
ДАВИД ЧЕРКАССКИЙ

Он же Додик, он же Дэви (Дэзи, по выражению А. Джигарханяна), он же Яныч-Иваныч-…уяныч, он же Рауль, он же Старик Похабыч, он же… Элегантен, нетороплив. Для всевозможных донжуанов местного разлива — непререкаемый ГУРУ Семейное положение — полухолост-полуженат. Сексуальная ориентация трогательно НЕСОВРЕМЕННА (по старинке обожает женщин). Слабо уповаю на то, что Он считает меня своим другом. Всего написанного мною о себе Он ещё НЕ ЧИТАЛ (ужас!).

Как раньше клеили барышень

А это — из реальной жизни. Мой давнишний друг, замечательный режиссёр-мультипликатор, буду называть его Додик, совершенно роскошно повествует о своей богатой событиями жизни, а так как он — профессиональный эротоман, то львиная доля мемуаров посвящена именно ЭТОЙ стороне бытия.

Итак, лет этак …надцать тому в Киеве имела место быть компания друзей, которые лихо клеили на киевских улицах красавиц. У каждого из приятелей имелся приличный арсенал отработанных и апробированных приёмов, приносивших владельцу успех.

При этом КПД сих телодвижений составлял где-то процентов 60–75. Ребята неделями оттачивали мастерство, шлифуя лексику и придумывая всё новые приёмы овладевания красотками.

Но был среди них и ГЕНИЙ. Звали его Джуки-Пуки. Естественно, не по паспорту, а из-за своего «жанра». Так вот у него коэффициент побед был высочайшим — где-то около 95 %!

Не к столу будет сказано, но он умел совершенно немыслимо… пукать (!) По воспоминаниям друзей, мог воспроизвести ЭТО в любое время суток и в любом настроении. И не просто так, на «бытовом уровне», но даже что-нибудь «из классики», простенькое типа «Лунной сонатки» или «Полонеза Огинского». Ну, естественно, не полностью, а фрагментарно… но — МОГ!

Что, как ни странно, являлось предметом тайной зависти всех

остальных.

…И вот в то время, когда его коллеги по половой охоте «горбатились», канюча у встречных девуль о встрече и традиционно рисуя радостные перспективы будущих совместных телодвижений… наш ГЕНИЙ, присмотрев вышагивающую красотку, некоторое время шёл следом, затем резво обгонял её и, занявши позицию перед объектом будущей страсти, бодро… «РАЗРЯЖАЛСЯ»! На всю катушку!

Как правило, после ЭТОГО некоторое время «объект страсти» пребывал в состоянии шока, вызванного столь нетрадиционным способом знакомства… Вот тут-то и подгребали остальные джентльмены с традиционным вопросом «как пройти на ёлочный базар», что звучало особенно актуально где-нибудь в июле.

И пока ошарашенная девушка приходила в себя, попутно стараясь отдышаться, она каким-то фантастическим образом подпадала под обаяние Джуки-Пуки… Непостижимо, но факты — вещь упрямая.

Как говаривал классик, «немало в мире истин есть, Гораций, что неподвластны нашим мудрецам».

Давид Черкасский в Ташкенте

Рассказывает Давид Черкасский. В молодые годы пришлось как-то ему побывать в Ташкенте, где в троллейбусе он умудрился слегка подтолкнуть какого-то местного аксакала. Понятное дело, сразу извинился и тут же прошёл дальше.

И вот стоит Давид и замечает, что аксакал наливается праведным народным гневом и в середине его происходит процесс словообразования. Наконец того прорвало:

— Культурни нада бить, гавна такая!!!

Потом ещё больше скомпрессировался и прокричал:

— Бездюх!!!

Как говорит Черкасский, с тех пор он Ташкент объезжал стороной.

Давид Черкасский и молодая киноактриса

Мой большой друг, выдающийся режиссёр анимационного кино, не будем называть его фамилии, назовём условно Давид Янович, находился где-то в периоде середины начала своей

будущей славы.

Тогда он ещё не обладал нынешней моментальной ТВ-узнаваемостью, но в тусовках о нём уже ходили легенды.

И вот однажды его знакомят с молодой привлекательной барышней, актрисой по специальности и, что немаловажно, обладательницей осиной талии и впечатляющей феллиниевской попы, что являлось непреходящим идеалом нашего героя. Его ей представили как одного из талантливейших (что вполне соответствовало) и перспективнейших режиссёров нашего кинематографа, что безумно впечатлило молодую актрису.

Дальше была ночь безумной страсти с демонстрацией всего арсенала страстей, имеющегося у ея. А потом было утро…

И под утро вскользь из разговора она вдруг с ужасом узнала, что он является, да! режиссёром, да! кинематографа, но кинематографа — АНИМАЦИОННОГО, т. е. снимает мультики!

Можете себе представить отчаяние юного дарования, которое видело себя в мечтах главной героиней его фильмов, будущие «кинотавры», а может, даже и «Оскары»… А тут такой облом!

Мой режиссёр, увидев процесс преображения юной Джульетты в профессиональную мегеру, мигом просёк ситуацию и гениально нашёлся:

— А знаете, милая, я вас НАРИСУЮ в главной роли в одном из своих фильмов!

И как говорят злые языки, Тёща у доктора Айболита срисована действительно с той очаровашки. Только слегка сшаржирована…

Дамы с собачками

Давид Янович (или Додик, как называют его близкие друзья) за свою долгую, плотно насыщенную событиями жизнь умудрился отковать сына Александра, поставить около десятка киношедевров в жанре анимации, среди которых «Капитан Врунгель», «Доктор Айболит», «Остров сокровищ», завести четырёх кошек и вырастить целое поколение юных аниматоров. Почему я говорю «умудрился», так это только по той причине, что ПАРАЛЛЕЛЬНО с нелёгким процессом творчества им были осчастливлены сотни (а знающие люди говорят, что счёт идёт на тысячи!!!) прелестниц женскага пола. А сие, как вы уже догадываетесь, очень энергозатратное занятие, требующее у нормальных людей уйму времени: на знакомство, убалтывание (ах, простите, хотел сказать — ОЧАРОВЫВАНИЕ!), на культпоходы по злачным местам, на сбор информации, ГДЕ и у

КОГО отъезжает жена и освобождается ХАТА (пардон, ЧЕРТОГ!), на саму ПРЕЛЮДИЮ (вот где тратится уйма нервов!), последствием которой и является желанная ЦЕЛЬ…

Наш герой непостижимым образом сокращал «обязательный» томительный отрезок времени между Первым знакомством и тем моментом пленительного Счастья, которое иные циники называют «нелепыми телодвижениями». КАК он этого добивался — это отдельный рассказ, а точнее, повесть. Или даже захватывающий роман, если хотите!

Важно, что всё это проделывалось Давидом лихо, деловито, с напором заезжего гусара, безо всяких там «Девушка, а что вы делаете сегодня вечером?? А может, встретимся???»

На повестку дня сразу выносился вопрос, а будем ли мы полезны друг другу в КОЙКЕ… и далее (в случае благосклонности красотки) следовало уже… знакомство как таковое.

Подобный «стахановский» метод позволял Давиду максимально высвобождать время для творчества, посиделок с друзьями и употребления популярного напитка «водовка», что к тому же абсолютно не помешало хлопцу добраться до циферки 78, оставаясь в шикарной «форме» касательно как горячительного, так и прелестниц.

Я сильно подозреваю, что без существования в мире женщин, обладающих ОСИНОЙ талией и КАПИТАЛЬНОЙ территорией НИЖЕ (см. фильмы великого Феллини), на свет не появились бы все его мультшедевры, на которых выросло не одно поколение детского народа. Это ж какой мощный стимул для творчества — радостный «целлюлит», что «согревал» многих от г-на Рубенса до тов. Кустодиева и обратно.

Женщины, НЕ ИМЕЮЩИЕ вышеупомянутой талии и попы, попросту НЕ СУЩЕСТВОВАЛИ для Давида. Но! Если, к примеру, где-нибудь в Крыму он, опаздывая на съёмочную площадку, ВДРУГ узревал (боковым зрением) подобную «искомую» комплектацию, то вмиг превращался в зомби, в охотника… и круто менял маршрут.

И неважно, что в это же время на площадке уже вовсю парились в средневековых латах Джигарханян с Фарадой, обливался потом толстый Мамука Кикалеишвили… Наш герой крался за Девушкой Мечты, внутренне оттачивая Первую фразу. В условиях временного цейтнота Первая должна была мгновенно ножом рассечь ВСЮ жизнь красотки на — ДО встречи с Ним и на ПОСЛЕ.

Мы, тогда ещё зелёные сопляки, обретаясь рядом с корифеем «жанра», жадно интересовались, а каков процент УДАЧНЫХ «попаданий». Давид, солидно попыхивая трубкой, «устанавливал

планку» где-то в районе 60–70 %.

— А те 30 %, что НЕ СОГЛАСИЛИСЬ?!! (мучились мы.)

— Ну, иногда таких финдюлей вламывали мне, что мама родная!!! Но остальные… это такая НЕСУСВЕТНАЯ (выраж. Давида) радость, что компенсировала все физические и моральные издержки «профессии».

В одной из баек я упоминал телефестиваль «Бархатный сезон» и случай в Иерусалиме.

…На сей раз — тот же фестиваль, примерно та же компашка из телевизионщиков, артистов, профессиональных тусовщиков, «телевшйних бюрократа»… только другой корабль и другой маршрут. От Майорки и до Венеции, включая Барселону и Лазурный берег. На этом самом Лазурном Додик отличился, проигравшись «по полной» в течение ОДНОЙ ночи в казино… Ниццы, Монте-Карло и Канн. Спустивши ВСЮ наличность, он успокоился и занялся привычным и менее расточительным делом — «склеиваньем» фестивальных красоток с мало-мальскими признаками целлюлита.

А тут и экскурсийка наметилась автобусная. По Ницце и её замечательным достопримечательностям. И гидша нарисовалась «из бывших» с чудесным чуть картавым прононсом. (У нас в Киеве такой сохранился только на Подоле у бабушек, по какой-либо причине не отбывших на ПМЖ в Израиль.)

… И вот мы катим по этим самым достопримечательностям, и бабуля-гидша мило картавит, что «в особняке спГава останавливался „Сам Шаляпин“, а вот в той стоГоне — цеГквушка, постГоенная на деньги импеГатоГа Николая ВтоГоГо, а в этом доме жил Иван Алексеич Бунин, а в этой гостинице…» и т. д. и т. п. В общем, «чешет» по высокой культуре, адресованной нашим предполагаемым высоким ДУХоВныМ запросам.

И всё так поэтично, а самое главное — ИНТЕЛЛИГЕНТНО! И чего её дёрнуло «спГосить у туГистов, есть ли у тех вопГосы»?! Тут все слегка поднапряглись, типа что б такое поумнее спросить, как вдруг «нашенький», т. е. Додик, на секунду отвлекшись от очередного «целлюлита», врезал вопросик! Подозреваю, он его мучил с того самого момента, когда Дод спустил всю наличку у местных казиношных акул. «Наша» бабушка, воспитанная в пуританских условиях «той» ещё эмиграции, ожидала что-либо эдакое о «твоГчестве» великих, что обитали в этих местах. Или подобное…

Но Додика сейчас мало интересовало, где и в каком месте лечил свой туберкулёз очередной гений. Вопрос был по-солдатски прямым и конкретным:

— А как обстоят дела с КРИВОЙ РОСТА ПРОСТИТУЦИИ в

Ницце?

Бабуля вспыхнула и зарделась, как та прыщавая курсистка, коей незадачливый корнет уронил окурок прямо в декольте. В автобусе зашептались и притихли: ну нашенький отморозил так отморозил! Пару тягостных минут понадобилось той, чтобы переключиться с Вечного на Насущное:

— ОбГатите своё внимание, господа! Ежли на кГаю тГотуаГа Вы видите даму С СОБАЧКОЙ НА ГУКАХ, котоГая вГоде бы собиГается пеГеходить улицу, но — НЕ ПЕГЕХОДИТ, то это означает лишь одно: что она — НА ГАБОТЕ!

Все как глянули за окно, а ТАМ!!! «Этих вот» с собачками на руках (мама родная!) — как у нас на хорошем колхозном поле бурьяна. Прям-таки толпы… и у всех — собачки, и все — вроде собираются переходить, но… НЕ ПЕРЕХОДЯТ!

…Народу на том фестивале было много всякого, и «охотников по ЭТОМУ делу» тоже, думаю, хватало. Но, как правило, данные любители заморской «человечинки», в основном, — «тихушники-подпольщики», а ЛЕГАЛЬНЫМ Авторитетом негласно считался, сами понимаете, — КТО. Ну, и взоры все, естественно, в сей момент обратились на НЕГО.

— Ну что, дорогие друзья?! (провозгласил просветлевший Черкасский) — РАБОТЫ — НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ!!!

В тот же вечер он одолжил у коллег «пару денег» и исчез с корабля. На сутки.

3
БАЙКИ, ПОДСЛУШАННЫЕ МНОЮ У ДРУЗЕЙ

Известно, что когда Юрию Никулину задавали вопрос: «А вот ЭТОТ анекдот Вы знаете?», он непременно отвечал: «От ВАС я его ещё не слышал!» Я так понимаю, что дело зачастую не столько в чистом фактаже того или иного анекдота или байки, сколько — в ИНТОНАЦИИ рассказывающего. Посему, вооружившись смелостью, передаю то, что слышал от моих друзей.

Бабки на обочине

Ещё один случай, который смело можно отнести к разряду «приметы сегодняшнего дня».

Как-то раз один мой товарищ вместе с другом двигались на машине в сторону Белой Церкви. Уже далеко позади остался Киев, как вдруг его сердобольный товарищ заметил на обочине двух бабок-колхозниц лет этак по 60 каждой. Бабки голосовали проезжающим машинам и были как есть с поля, босые, с немытыми руками, у «робочих спидныцях»…

— А давай-ка подбросим бабулек! — сказал друг. — Нам всё равно ехать, а им, пожилым, в радость, если подвезут!

— Бабульки, вам куда?

— А шкуди нам не треба! Ми предостовляемо женсюе услуги! — гордо сказала одна из бабушек.

— Да, — сказал друг, когда они отъехали. — Я знал, что прогресс доберётся и до села, но чтоб до такой степени!..

Непонятный жанр

Вот история, услышанная мною от одного фотографа. Пригласили его как-то подхалтурить: запечатлеть «на века» свадебку. Гостей набралось за сотню, тамаду с медийным «фейсом» подсуетили, закусь на столах, что называется «как для себя». В общем, всё — по высшему классу. В подсобке поп-звезда местного разлива штукатурку на себя накладывает, официанты

суетятся, как бы пошире икорку на «бутрики» пристроить, чтобы и себе чего-нибудь отвалилось, мамка невесты готовится слезой брызнуть в нужное время, типа «для кого свою голубицу двадцать лет растила», молодая наша (как это «модно» сегодня) ловко прячет округлившийся животик под пышный ворох юбок… Словом, всё движется к благополучной пьянке под названием «Свадьба». Вот уже и гости — в полном составе, и «САМ Пётр Иваныч» пожаловали, да и остальные ВИПы, что помельче, подтянулись. И всё так складно почалось, как тут вот невестина бабулька решила слова напутственные молодой сказать. И вся она была такая счастливая в свои 82, и слова были от всей души, и закончила напутствие фразой «Ну вот и дождалась, внученька, этого светлого дня! Теперь и помирать можно…»

Сказала это, светло улыбнулась и… померла. Ужас!!!

Ну ей, как говорится, легче всех: лежит, улыбается себе как живая… А тут вся свадьба «в полном составе» стоит и не знает, как дальше быть. Кто-то сразу — к тамаде, мол, бери в свои руки, керуй, ты ж профессионал! А тот — ни в какую! Я, говорит, аванс получил ЗА СВАДЬБУ, а тут непонятно какой ЖАНР! Я, грит, не знаю, то ли пить за здоровье молодых, то ли за бабулин упокой. И вообще, оставьте меня в покое, поскольку ситуации подобной в моей богатой практике ещё не было… И пошёл курить.

Тут из гостей, ну из тех, кто пошустрее, кинулись звонить в СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ автотранспортное предприятие, мол, так и так… — тут у нас ЧП на свадьбе и всё такое… «Катафалочники» поначалу… отшучивались, думали, что их разыгрывает телефонная шпана, но потом «въехали» в тему и пообещали приехать часа через… четыре. У нас сегодня, говорят, по городу одних только бомжей три штуки откинулись, и как назло — в разных районах. Пока их соберут в один «букет», да привезут, да оформят-опротоколируют… А вы там (это они совет дают!) свою бабульку пока в ковдрочку заверните да в предбанничке и пристройте! И гуляйте себе на здоровье!

Это им, конечно, легко говорить, они этого прижмуренного народа понавидались ого-го, а каково ГОСТЯМ?!!

В общем, вызвалась пара крепконервных, завернули бабулю в ковдрочку, вынесли по совету профессионалов в коридорчик… И стали ждать. Всем гостевым составом. С «самим Петром Иванычем» во главе, и с ВИПами, что помельче… Стало тихо, только невеста иногда нервно похохатывала.

… Ну вы ж наш «сервис» знаете: раз пообещали через четыре часа, значит, через ПЯТЬ приедут. И точно. Приехали, зашли оживлённые, поскольку и у них в практике это было впервые. Шутки-прибаутки, смехотухи по поводу… Первым делом

потребовали налить им «за здоровье молодых», потом пару раз «на коня»… После чего забрали бабулю… А на дворе уже начало десятого. Вечера.

… И сидят гости, и не знают, ЧТО им делать — то ли веселиться, то ли поминать. Но тут надо отдать должное нашему национальному напитку под ласковым названием «горилка»… Гости сначала осторожно пропустили «за бабулю», потом ещё по одной-другой… «за мамулю», «за папулю»… затем и на молодых перескочили незаметно. Мало-помалу публика втянулась в застольно-свадебный ритм, музыканты врубили «Обручальное кольцо-о-о — не простое украшенье»… И только выбитый из привычной колеи тамада «с медийным лицом» бурчал себе под нос:

— Это ж надо так было на себя ОДЕЯЛО ПОТЯНУТЬ!!!

Борщ… из ночного горшка

А ещё было однажды на гастролях…

Вот частенько в народе рассуждают, что, мол, артисты — люди разбитные, гулевые, ноги не моют… Что ни день — то праздник. Как в песне поётся:

Кто ходит в гости по утрам,
Тот поступает мудро.
То тут сто грамм, то там сто грамм…
На то оно и утро!

Всё это, так сказать, превратное понимание вопроса простым народом, або, як казав Гарант, «маленькими переачними украшцями».

А на самом деле труд Артиста — такой же каторжный, как и любой другой. И проблем имеется зачастую поболе… Вот, скажем, к примеру, сможет ли любой из вас сварить настоящий украинский борщ, с салом, с полным набором продуктов в … одноместном номере зачуханной гостиницы в городе Мухосранске?!!! Да ещё ТАК, чтобы не унюхали бдительные коридорные! Ага! Не сможете!!! А артист СМОЖЕТ!!!

И вот история. В одном киевском театре служил высокому Искусству актёр. Не буду называть его имя, а только псевдоним его был — КРУТОЯРОВ.

По давней актерско-гастрольной традиции «покушать» на гастролях готовили сами. Во-первых, значит, чтобы сэкономить

суточные, а во-вторых — из опасения подцепить себе что-нибудь пикантно-желудочное в местном общепите.

Наш герой был парень не промах и приспособил для этих целей… детский ночной горшок! Мамаши — из тех, кто постарше, помнят, что лет двадцать тому горшки производились НАСТОЯЩИЕ, эмалированные, с ручкой. Детки их так любили выгревать попками, что частенько опаздывали в садики, нарушая тем самым стройный процесс социалистического воспитания. Ну это так, лирическое отступление от темы.

Итак — задрипанный готельчик, однокоечный номер, и наш артист готовит укрборщ с помощью кипятильника в вышеозначенной посуде. Наконец борщ готов, воодружён на стол, ну… и какой же обед — без пива?!! Артист — пару копеек в карман — и помчался в лавку…

И надо же было именно в это время уборщице (а чтоб ей!) сунуться в номер, типа чтобы прибрать…

А нужно сказать, что в маленьких провинциальных городках (впрочем, как и в сёлах) зачастую к артистам относятся, как бы помягче… ну, как к нетрудовому слою населения. И не то, чтобы не уважают, но имеют за паразитов, лодырей и прочих распущенных граждан.

И вот такая трудящаяся заходит в номер, и что же она видит?! — НА СТОЛЕ стоит… ДЫМЯЩИЙСЯ НОЧНОЙ ГОРШОК!!!

Скажите, какому простому СОВЕТСКОМУ труженику могло прийти в голову, что в горшке — БОРЩ? Зато сработал многолетний стереотип: раз ночной горшок, значит, ЧТО в нём??? Понятно и коню — ГО…НО!

Бабка помчалась вниз к администратору с криком, что эти «артизды» допились уже до того, что с. ут прямо на стол… А поскольку городок не был избалован всякого рода событиями, то вышеозначенное сообщение вызвало реакцию покруче нынешнего приезда Элтона Джона — с супругом в Киев.

…И уже через двадцать минут колыхалась внизу разгневанная толпа, состоящая из персонала (в полном составе), дежурного мента, представителя горадминистрации, дяди Пети-вышибалы, и прочая, и прочая… Настроение было праздично-приподнятое, все горели желанием покончить наконец с этим приезжим беспределом. Я думаю, что-то подобное творилось в душе у Фиделя, когда с корешами он высаживался со шхуны «Гранма».

… А за это время наш артист, отягощённый парой пива, пребываючи в сладком предчувствии трапезы и не обращая внимания на толпу, поднялся в номер — и приступил!

Вот сидит он, попивая пивко и прихлебывая борщик, и тут

вдруг — нате вам!! — резко распахивается дверь, и на пороге — ТОЛПА!!! А все ж — «в курсе», ЧТО и ГДЕ!.. А тут пацан — за столом… ЕСТ!!. ЭТО!!! ПРЯМО ИЗ ГОРШКА!!!

Короче, народ попался ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНЫЙ! Некоторые «отреагировали» тут же прямо на пол, кому-то стало дурно (а что ж вы хотите, сработал СТЕРЕОТИП!)…

И только участковый, которому по профессии не положены эти дамские волнения, мужественно приблизился к столу и, преодолевая тошноту, осведомился, ЧТО там? В ГОРШКЕ?!

Ко всеобщему разочарованию, там оказался всего лишь… борщ. Но, дабы не пропали впустую народные гнев и энергия, общественность осудила «повара» за кипятильник и угрозу пожара в гостинице. И выперли.

Остерегайтесь мужчин

Эту историю рассказал мне Владик Шамо, шикарный пианист и юморист. Раз ему выпало выступать в городе Саки для тёток, мающихся бесплодием. Больничный Дом культуры, рояльчик, как всегда, — «дрова». Ну, нам к этому не привыкать. Объявили «Патетическую сонату»… Владик во фраке, сосредоточенный, вышел, поклонился, сел за рояль и начал «лепить образ». Бетховен всё ж таки…

А надо сказать, что в те годы во всех без исключения клубах и домах культуры над сценой вывешивались лозунги типа «Ленин всегда живой», «Народ и партия едины» и т. д. Ну, все к этому привыкли и не обращали внимания… Я забыл сказать, что у пианистов есть такая привычка: когда они входят в кайф от своей музыки и себя самого, то задирают голову вверх. Это считается высшим признаком духовного взлёта и отрешённости. Владик, по привычке, так и сделал: закрыл глаза, задрал голову и закайфовал.

… И надо же было ему случайно открыть глаз! Над ним вместо привычного «Народ и партия…» висело «ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ МУЖЧИН! МУЖЧИНА — РАЗНОСЧИК ТРИХОМОНОЗА!» (санаторий-то был узкопрофильный).

Все гениальные бетховенские ноты пулей вылетели из головы. Владик заржал, как конь, выскочил из-за рояля и пулей кинулся за сцену.

Великая Фаина Раневская и пионеры

Как-то Фаину Григорьевну Раневскую (кто не знает, была такая гениальная актриса, за словом в карман не лезла и очень полюбляла правду-матку!) пригласили на торжественную встречу с пионЭрами (её выражение!). Кто-то из начальства сверху прикинул почтенный возраст актрисы, её театральный стаж — ещё от «до революции». А раз — от «до революции», значит, и перед вождями сподобилась выступать, может, и перед САМИМ, т. е. Ильичом. Позвонили, спросили: «А Ильича приходилось видеть?»

Получили утвердительный ответ. И не вдаваясь в подробности, где и как состоялась судьбоносная встреча, попросили великую актрису поделиться радостью с детьми.

То было время, когда всевозможные старые большевики, уцелевшие после сталинских чисток, но сохранившие благодаря лёгкому маразму верность бессмертным коммунистическим идеям, морочили головы пионерской ребятне, рассказывая с придыханием о том, как они видели САМОГО и нередко даже… ВБЛИЗИ!!!

А количество помогавших ЕМУ нести бревно на «том самом» субботнике зашкаливало за тысячи. Вот за такую пламенную большевичку и приняли нашу героиню. И пригласили… на свою голову.

И вот она стоит перед торжественным строем не дышащих-от-волнения пионеров, ей повязывают красный галстук, трубят горны, гремят барабаны… И наконец — просьба. От всей пионерии:

— А расскажите, Фаина Георгиевна, доводилось ли вам видеть нашего дорогого и великого дедушку Ленина???

И — тишина. Ну я уже говорил о том, что барышня за словом в карман не лезла и больше чем Родину любила правду. Поэтому рассказ её потряс присутствующих своею краткостью и безапелляционностью. Примерно выглядело так: «Я была ещё девчонкой. Однажды в Питере иду по улице, смотрю — толпа валит куда-то. Ну, время у меня было, присоединилась. Слушаю, говорят вокруг — мол, идём встречать Его. Пришли, стали. Стоим. Тут броневичок подогнали солдатики. И когда махонький, лысый и картавый влез на этот вот броневичок и стал говорить, я сразу поняла — ПОРЯДКА В РОССИИ НЕ БУДЕТ ЕЩЁ ОЧЕНЬ ДОЛГО!»

Историки умалчивают, чем закончилась ТА памятная встреча с пионЭрами и сколько партийных билетов положили организаторы на стол начальству… Но для нас, сегодняшних, этот случай остаётся примером той славянской прямоты, что не раз спасала нас от духовного бесчестия.

Друган Витёк в Стамбуле

А ещё как-то было такое. Есть у меня один хороший товарищ, Витёк. Это сейчас он бизнесмен «в расцвете», а в 90-х только делал первые шаги на этом нелёгком поприще. Как говорится, упирался «по полной», а поскольку мужик он трудолюбивый, то и первые успехи не заставили себя ждать. А раз успехи — как у бизнесмена, то, следовательно, и отдых должон быть тоже, значит, БИЗНЕСМЕНОВСКИЙ.

Ах, девяностые-девяностые! Первые «новые русские», малиновые пиджаки, кашемировые пальто, мобилы весом с кило… И конечно — рассказы, кто и как отдыхал за бугром. После «железного занавеса», где самым крутым «забугром» была братская Болгария, наши попёрли по турциям-канарам, скупая мохер, вывозя утюги и икру.

Ну и понятно, что особым шиком было — отдохнуть ТАМ.

Наш Витёк первой заграницей определил себе Турцию, а конкретно — город Стамбул. И, как нормальный бизнесмен, взяв билет на автобус, пополнил собой разношерстный коллектив искателей приключений. Всё было поначалу «ляля», покуда не доехали до турецкой границы. А там случился полный конфуз: из всей группы турецкие таможенники обыскали только двух наших проституток… и Витька. И не помогли объяснения, что, мол, бизнесмен и всё такое… А просто взяли — и обыскали! Как в душу нагадили…

От этого унижения по приезде в Стамбул наш Витёк надрался по самые что ни есть и в полной бессознанке попёрся на Большой базар. Там он приобрёл себе рубашонку долларов за… ЧЕТЫРЕСТА, не торгуясь, хотя та от силы тянула на пятёрку, и побрёл искать свой отель. За ним от самого базара бежало трое турецких юношей с криками «Рокфеллер! Рокфеллер!», и это в чём-то согревало душу Витька после пограничного позора.

Отель как-то незаметно нашёлся, а поскольку юноши не отставали, наш «Рокфеллер» широким жестом пригласил новых друзей отужинать у него в номере. Надо сказать, что халява — явление интернациональное, что в Украине, что в Турции. Потому без особого стеснения вся честная компания ввалилась в номер.

И понятно, что если наш человек «поддал» заранее, то у него имеется только ОДНА проблема — как поделиться этой своей радостью с максимальным количеством народа. Витёк полез в

свои закрома и извлёк «взрослую» пляшку «Смирнова». Турки что-то наперебой залопотали про Аллаха, но Витёк успокоил их, мол, время позднее и Аллах — «бай-бай». Уговаривать долго не пришлось (см. выше про халяву), и народ — почал… После третьего стакана вдруг обнаружилось, что «пьём — БЕЗ ЗАКУСИ!». А у Витька кроме САЛА ничего и не было!

Турки, когда увидали шмат сала весом в пять кило, упали в обморок. И заголосили, что это — самый страшный грех: свиное сало. И Аллах покарает того нечестивца, кто хоть лизнёт свиное сало!

Наступила томительная тишина…

— А кто вам сказал, что это — СВИНОЕ сало? — вдруг нарушил молчание Витёк. — И никакое это не свиное сало! Это… это — КУРИНОЕ сало! Эх, ребята, у нас на Украине таких кур разводят, специально НА САЛО! Пальчики оближешь! А ну, налегай!!!

…Я думаю, что любой трезвый турок только улыбнулся бы Витьковым байкам, но тут, как я уже говорил, было принято на грудь немеряно, и турки… ПОВЕРИЛИ! И пошла наша горилочка да под «куриное» сало, как дети в школу. Или точнее, как тёща под лёд.

Дядя Петя и сломанная рука

А ещё, значит, дело было на юге. Евпатория. Я на гастролях и в свободное от концертов время катаю на лодке двух очаровашек-балерин. Народу на пляже — не протолкнуться: стоят тесно рядком, и чужих заворачивают, типа «шо вы лезете своими грязными ногами на моё чистое полотенце!» Словом, курортная романтика — в разгаре.

Моя лодочка скользит вдалеке от этой мирской суеты, дамы чего-то там щебечут (по принципу «Боженька даёт женщине либо красоту, либо ум»), как вдруг совсем рядом оказывается элегантная яхта, наполненная элегантными людьми, которые элегантно пьют водяру и жарят шашлыки. Увидев мой «face», кто-то на яхте кричит:

— Да не может быть?! Да такие люди — и без охраны? А пожалуйте до нас на шашлычок-водовку!!!

Ну, мы — хлопцы не гордые, отзывчивые на всякое проявление народной любви, дважды просить не надо. И моя лодочка швартуется к яхте. Многократно фоткаемся на память (сегодня это ритуал!), затем я очаровываю их фразой (указывая на

берег) «Как они вас там все НЕНАВИДЯТ!»

И вот я сижу в компании, состоящей из крымчан и одесситов, и типичная одесситка тётя Ира рассказывает мне свою историю любви, страсти и страданий к мужу своему дяде Пете, а тот сидит рядом и добросовестно поддакивает жене.

Вот эта история. Известно, что многие мужики «закладывают», некоторые даже очень и очень. Дядя Петя относился именно к таким, что «очень и очень». И была у них в семье очаровательная традиция: дядя Петя часто ездил на охоту. Чем они там занимались, это оставим следователям, но одно было неизменным — на охоту дядя Петя ехал сам, а вот с охоты дядю Петю… ПРИВОЗИЛИ. По причине полного отказа опорно-двигательного аппарата. Дядю Петю аккуратно вносили собутыльники. Он лежал, торжественно вглядываясь своими карими глазами в небо, и при этом абсолютно ничего не соображал.

Тётя Ира поначалу пыталась как-то реагировать, потом поняла, что это — бесполезно, и стала продумывать «наш ответ Чемберлену». И такой ответ нашёлся. Сам. (Ох, эти одесские изобретательные жёны!)

Когда в очередной раз собутыльники доставили ТЕЛО, тётя Ира дождалась, пока все ушли, затем проверила адекватность мужа, прокричав в самое ухо: «Рота, подъём!», и, не дождавшись реакции, сняла с ТЕЛА рубашку. Затем зелёнкой полностью натёрла руку и плотно ЗАБИНТОВАЛА! От запястья и до плеча. Муж не реагировал, находясь, по-видимому, в той самой чудесной стране, где по утрам из крана на кухне льётся пиво, а водку регулярно трижды в день доставляют почтальоны.

Утро выдалось тихим. Было слышно, как щебечут за окном воробьи и в семнадцатой квартире скандалит глухонемая Роза.

Тётя Ира прошла на кухню. Там сидел прилично помятый дядя Петя и мучительно пытался вспомнить, ГДЕ же он умудрился вчера ПОЛОМАТЬ руку. Увидел жену, кротко кивнул на руку «это ж надо, где-то обломал крыло». Встал, подошёл к аптечке, кое-как смастерил из бинта повязку на шею, осторожно просунул «поломанную» руку… и ДВЕ НЕДЕЛИ в хате была тишь и благодать. Дядя Петя всё это время носил руку на весу и жаловался, что к непогоде перелом иногда ноет (во время всего рассказа дядя Петя с готовностью кивал и поддакивал, мол, всё — святая правда).

…А потом, спустя две недели какая-то падлюка таки посоветовала дяде Пете проверить, а ЧТО Ж ТАМ С РУКОЙ?! Ну, и когда он снял повязку и вместо поломки обнаружил густо намазанную зеленкой руку, здоровую и не СЛОМАННУЮ…

Короче, под руку ему попалась сковорода (знаете, в Одессе есть такие — на всю многодетную семью), и он с этой сковородой, да — за тётей Ирой… Да по всей хате, наматывая круги что твой Шумахер!

Позже он сокрушался, мол, это ж надо, сколько времени впустую прошло, сколько было за это время ВЫПИТО! И всё — БЕЗ НЕГО!

— Да, да! Всё так и было, — подтвердил мне дядя Петя. — Сейчас навёрстываю упущенное.

А тётя Ира, улучив момент, шёпотом сказала мне, что готовит новую «фишку», ещё круче, чем та, с бинтом.

Как Владик Шамо в Академгородке выступал

Мой друг, известный киевский пианист и коллекционер разного рода казусов, Владик Шамо, поведал мне однажды историю, произошедшую с ним на концерте в Академгородке в Новосибирске.

Прихожу, говорит, на концерт: полный зал солидных дядь и тёть. Понимаю, академики и члены их семей… Начинаю привычно волноваться. Замечаю, рядом волнуется ещё больше юное существо, мальчик лет двадцати под названием Конферансье. Чувствую, опыта у него не много, если не ноль, судя по волнению.

— Что будете исполнять? — спрашивает.

— Две пьесы из «Картинок с выставки» Модеста Петровича Мусоргского. Первая — «Быдло». Это старинное название крестьянской телеги. А вторая пьеса — «Танец невылупившихся цыплят». Главное, не перепутайте имя композитора — Модест.

— Да, — сказал он, — редкое имя, — и задумался…

Выходит на сцену, представляет меня. Всё правильно…

И затем, через паузу: «Модест Петрович Мусоргский! „ПАДЛО… ИЗ НЕВЫЛУПИВШИХСЯ ЦЫПЛЯТ!“»

Зал грохнул. Мне уже можно было не выходить и не играть.

Как одна народная артистка правду-матку резала

Вторая половина восьмидесятых, горбачевские новации. В очередной раз слегка пахнуло свободой, уже кое-где трудовые коллективы стали сами выбирать себе руководство, уже народ, поначалу робко, но мало-помалу смелея, стал выходить на

всевозможные протестные митинги, уже вовсю застучали в ритме модной макарены шахтерские каски по асфальту на Печерске…

А в одном из ведущих киевских театров появился новый директор. Собственно, новым его назвать можно было лишь условно: новоиспеченный директор лет так. надцать проработал в этом же театре певцом и, естественно, знал всех в коллективе как облупленных. Но поскольку время, как я уже сказал, было перестроечное, то и нашего директора так и подмывало свершить что-нибудь эдакое в духе перестройки.

И он ПРИДУМАЛ! Не секрет, что любой мало-мальски профессиональный творческий коллектив состоит на 10 % из репертуара, на 20 % из амбиций главного режиссёра и на остальные 70 % из амбиций артистов, служителей гражданки Мельпомены (кто не в курсе — подрабатывала эта барышня у древних греков богиней Театра). А там, где амбиции, — там и козни, и интриги, и прочая малоприглядная околотеатральная возня.

Наш герой решил, так сказать одним махом очистить авгиевы конюшни от векового навоза. И собрав весь коллектив гадюшника, предложил всем, дабы не держать впредь друг на друга камней за пазухой, поделиться сей ношей с коллегами. Прямо здесь же, «не отходя от кассы».

Подобная процедура существует в религии не одну тысячу лет, называется исповедью и, как показывает практика, приносит людям определённое облегчение души. И именно на это и рассчитывал наш хлопчик-утопист, облачённый в новенький директорский костюм.

Услышав это новаторское предложение, закаленный в многолетних боях за место под солнцем коллектив поднапрягся и выжидательно затих…

— Ну, смелее, товарищи! — подталкивал «товарищей» директор. — Пусть каждый из вас выйдет и выложит ВСЁ, что накипело у него на душе на коллег. Поверьте, это послужит началу новым взаимоотношениям в театре. Мы станем жить по-новому. Без интриг, без сплетен, во имя святого Искусства, которому служим!

…Исходя из жизненных наблюдений, ответственно заявляю, что в каждом коллективе есть своя святая и наивная душа, для которой подобный призыв есть повод для немедленного реагирования с последующим практическим действием. Или, как говорят циники, с шагом на амбразуру.

В нашем случае это была замечательная певица, со множеством различных званий и наград, обладательница беспокойного (ещё с комсомольских времён) сердца, которому

замечательные слова директора правдиво обрисовали будущую идиллическую картину жизни в театре. С пастушками, пастушками, с овечками, и конечно же — без никаких волков!

И вот она встала во весь свой статный рост, как в атаку, — и ПОНЕСЛА!!! На ВСЕХ!!! Всё, чего накопилось в её беспокойном, но справедливом сердце, в её истерзанной многолетними склоками душе, все бессонные проплаканные ночи, испорченные интригами гастроли — всё превратилось в речь тов. Руденко на Нюрнбергском процессе. Досталось как всем, так и каждому!

…Она закончила, села… Коллектив молчал, и было угрожающе тихо. Больше выступающих не нашлось… И тут вдруг разом, как по команде, вместо того, чтобы последовать её примеру и очистить душу… ВСЕ в едином порыве мгновенно сплотились — и так ПОГНАЛИ на нашу наивную правдолюбицу, что буквально за три минуты она узнала о себе СТОЛЬКО, что и врагу не пожелать. Примечательно, что в этот чудесный миг самым трогательным образом слились как многолетние враги, издавна не общавшиеся друг с другом, так и «закадычные» подруги, ещё накануне «певшие» ей в уши лестное и приятное.

Объявили перерыв, она выскочила из зала, подбежала к окну и, достав сигарету, стала взахлёб курить, вся трясясь от услышанного… И не сразу заметила подошедшего к ней старенького скрипача.

— Дочечка! — сказал он. — Послушай немножечко сюда. Когда человек хочет писять — то хочет писять ВЕСЬ организм. Хочут писять глаза, уши, руки, ногти на ногах. Хочут писять волосы, плечи, поясница и даже брови… А в результате, как ни странно, вываливается только лишь один маленький писюн! Извини, доця, но ТЫ как раз мне сегодня ЕГО и напомнила!!!

В рабочем запале

А ещё однажды был случай с Эльдаром Рязановым на съемках одного из его замечательных фильмов (рассказывал мне Коля Караченцов.)

Съемка происходила на одном из столичных… кладбищ. Надо заметить, что большинство режиссёров по натуре — люди увлекающиеся, страстные. И в своём рабочем запале зачастую не замечают, ЧТО происходит вокруг их творческого процесса.

…Пошла команда «Мотор!», оператор прильнул к камере, актёры стали произносить отрепетированный текст, на заднем плане медленно прошла похоронная процессия…

— Отлично! — сказал Рязанов. — Снято! Сейчас снимем второй дублик. Ассистент! Процессию похоронную — на исходную точку!

Тут вдруг наступила тишина, и ассистент — вполголоса:

— Эльдар Саныч! А процессию нельзя — на исходную точку! Процессия — НАСТОЯЩАЯ! И вдова — не из статистов, а самая что ни есть — ВДОВА!

Но я уже говорил, режиссёры в работе — ВНЕ происходящего вокруг.

— Ничего! — сказал Рязанов, внутри которого уже вовсю бушевал творческий вулкан. — Со вдовой — ДОГОВОРИМСЯ! Ассистент! Что там у нас в смете — на незапланированные расходы?!

История умалчивает о финале сего. Как говорится, и смех и грех.

Каких только смешных фамилий не бывает!

Каких только смешных и нелепых фамилий не «подбрасывает» нам жизнь, сложно даже и вообразить. А сколько приходится терпеть и маяться обладателям всевозможных Чмухало и Густопердь, вы себе и представить не можете. Я помню рассказ моего педагога Татьяны Петровны Кравченко о том, что в военные годы её фронтовую бригаду возглавлял администратор с запоминающейся фамилией Гобно…

Сколько она помнила, того терзало единственное желание — сменить своё «Гобно» на что-нибудь более съедобное типа Булкин или в крайнем случае Плюшкин. Но!

Во всех инстанциях, куда бы он ни обращался, ответ был один: нет оснований для смены законной «гобновой» фамилии. «Вот ежели б у вас стояло „В“ или в крайнем случае „М“, тогда, как говорится, налицо — 100 % для смены, а так носите своё Гобно на здоровье и не отвлекайте госорганы по пустякам».

Мне рассказывали, что где-то в 80-х годах, когда в идеологической жизни страны уже прилично «попустило», в районе между Мариуполем и той же Одессой проводили конкурс на самую забавную еврейскую фамилию. Победил не то Казакер, не то Крестовоздвиженсберг. Уже позднее, когда образовался телеклуб «Золотой гусь», наш товарищ Дима Чекалкин провёл на «Взрослом радио» конкурс на самую колоритную фамилию. В качестве обязательного условия ставилось предъявление ксерокопии паспорта с пропиской (а то ведь навыдумывать можно

«любэ»!). В результате жесткой и бескомпромиссной борьбы второго места удостоились супруги Лохи, а первое место с большим отрывом занял гражданин с трогательной фамилией… Пидорашку. Судя по всему, выходец из солнечной Молдовы.

А совсем недавно на одной из вечеринок, где я присутствовал в качестве ведущего, ко мне подошёл мужчина средних лет. Он представился сотрудником строительного холдинга, что занимается строительством и продажей квартир «от нулевого уровня — под ключ», и поведал совершенно дивную историю, слегка растянутую во времени по причине нашего традиционного долгостроя. Пришла к ним покупательница и, предъявив паспорт на свою девичью фамилию Незаймана, внесла задаток в счёт будущего жилья. Ну пока заложили фундамент, пока начали строить — жизнь внесла свои коррективы в одинокую девичью судьбу. Наша Незаймана вышла замуж и взяла фамилию мужа. И явилась обновить свои данные в стройхолдинг… Вот с этого места в холдинге на неё обратили внимание и стали «пырскать в кулачок». Ибо по мужу дама теперь именовалась… Трахана!

Но это ещё не всё. Вы же знаете наши «ударные» темпы стройки. Это ж вам не как раньше, когда строили под ласковым присмотром Иосифа Виссарионыча. Сейчас пока получили от клиентов бабки, пока их прокрутили по банкам, пока искали всем миром проворовавшегося прораба и еще десяток всяких разных «пока»… В общем, дождались очередного появления нашей заказчицы, которая успела благополучно развестись со своим ненаглядным Траханым и снова бракосочетаться. И потребовала в очередной раз исправить фамилию в документах, поскольку снова взяла мужнину фамилию.

И вот когда бывшая Незаймана, бывшая Трахана предъявила паспорт… только ленивый в конторе не катался по полу. Теперь заказчица носила гордую фамилию… ОНАНЧЕНКО.

Хотите верьте, хотите проверьте. Через паспортный стол в Киевской области…

…Конец 50-х, начало 60-х. На эстраде — пик популярности Утёсова, Клавдии Шульженко, Николая Александровича, Владимира Трошина… уже делают первые шаги по сцене молоденькие Эдита Пьеха и Эдуард Хиль…

А в сёлах в это же время происходит настоящий БУМ! На лилипутов и на дрессировщиков с обезьянками. Смело могу утверждать, что по популярности с любым заезжим ансамблем ЛИЛИПУТОВ могли сравниться разве что «Битлз» в их лучшие годы да разве что Сердючка в её же лучшие годы.

Ансамбли лилипутов, стремительно размножившиеся и существовавшие при любой уважающей себя филармонии,

«вытягивали» финансово любые провальные мероприятия, особенно концерты классической музыки, на которую простой зритель клевал как-то не очень. А если к тому же лилипутов «усиливали» дрессировщиком с обезьянкой, то переаншлаг в ЛЮБОМ селе был не то чтобы гарантирован… Пустели сёла, поля и животноводческие фермы, люди бросали сапки и вилы, по-быстрому переодевались в самое лучшее и — в клуб!

Тот, кто работал в те годы администратором концертов, знает, как тяжело было тогда «продать» классического исполнителя, как засовывали скрипача или пианиста в качестве «гарнира» в сборную группу к артистам-эстрадникам, к «народникам» или к тем же лилипутам. И в концерте стремились поскорее отделаться от «академиста», выпуская на сцену в самом начале, пока публика ещё не очень пришла в себя и громыхала стульями, рассаживаясь.

В нашем случае это была бригада, состоящая из ансамбля лилипутов, дрессировщицы возраста «поздний Бальзак» с двумя обезьянками, её ровесницами, да ещё молодого скрипача-лауреата международного конкурса (в качестве принудительного довеска). Возглавлял всё это артистическое безобразие администратор (назовём его условно Марк Львович), дядечка глубоко пенсионного возраста, но тем не менее сохранивший стальную хватку в деле «пробивания» концертов хоть на крыле самолёта, хоть в тамбуре скорого поезда.

…Отзвенел третий звонок, набивший «под завязку» в себя публику колхозный клуб вовсю трещал «семочками», а за сценой артисты готовились нести искусство в массы. Обезьянки, как всегда, требовали конфет в качестве аванса, лилипуты ругались, что в очередной раз их разместили в местной гостинице по четверо на одну кровать, молодой скрипач жутко волновался, КАК примет сельский бомонд его трактовку Шуберта, и только один Марк Львович был спокоен и холоден, как Наполеон перед Бородино.

Открыли занавес (в нашем случае его заменяло пошарпанное рядно, давно потерявшее первоначальный окрас), публика нетерпеливо зааплодировала, предвкушая грядущее соитие с Прекрасным… На сцену вышел Марк Львович и после вступительных слов представил публике молодого лауреата-скрипача (см. выше).

Тишина продолжалась ровно столько, сколько молодое дарование шагало из-за кулис к авансцене, но как только смычок прикоснулся к струне, зал отреагировал на это мгновенно проснувшимся интересом к «семочкам». И затрещал с силой, местами превосходящей исполнение Шуберта своей страстностью

и массовостью. Параллельно у каждого возникло безудержное желание поделиться с соседом последними сельскими «News»: типа где, в какой соседский огород забрела его корова, и в том же духе…

Наш бедолага-скрипач добросовестно перепиливал скрипочку до того момента, пока ещё слышал себя, но вскоре и это стало затруднительно. Он резко прервал выступление и, выскочив со сцены, подбежал к администратору:

— Марк Львович! Я всё понимаю, им там мой Шуберт — до лампочки! Они ждут обещанных в афише обезьянок и лилипутов, а не мою интерпретацию классики. Я не в состоянии работать в этом кошмаре!!!

— Тихо, сынок! — сказал Марк Львович. — Не надо паники, ты ж не в бане, и у тебя не украли твоё мыло. Ша! Сейчас Марк Львович создаст тебе такую тишину, шо позавидует сам Ойстрах!!! (Был тогда такой великий скрипач.)

И Марк Львович вышел на сцену во второй раз… Нужно сказать, публика никак не отреагировала на появлении старого администратора, продолжая перетирать местные сплетни и гремя «семочками». А зря!

Потому что уже в следующее мгновение громовой (как оказалось) голос его покрыл собою ВСЁ звуковое пространство:

— Значит так! Вам тут привезли ВЫДАЮЩЕГОСЯ скрипача, гордость нашей музыкальной культуры, а вы его ТАК встретили?! Так слухайте сюда, предупреждаю, если ещё раз сорвёте ему выступление — ВОТ вам будут обезьянки! — с этими словами он выбросил вперёд ПРАВУЮ руку со старческим КУКИШЕМ на конце). — И ВОТ вам будут лилипуты! — Тут он выставил вперёд ЛЕВУЮ руку с аналогичным кукишем…

…Зал мгновенно подавился всеми «семочками», которыми трещал до этого момента, и ошеломлённо затих…

— Иди, сынок, порадуй народ своим Шульбертом! — И старый администратор легонько подтолкнул скрипача в сторону сцены.

Сказать, что сельские меломаны внимательно слушали лауреата — значит, ничего не сказать. Наверно, так внимали Сталину на очередном партсборище, не дыша, словно боясь пропустить нотку.

А что ж вы хотите, под такой угрозой!

Лошадь на сцене Большого театра

Эта история произошла несколько лет назад в Большом театре на премьере то ли «Ивана Сусанина», то ли «Дон Кихота». Как говаривают заядлые московские театралы, «Большой театр и нынче по-прежнему Большой, но … что-то уже — и не очень. И оклады не те, что раньше, у музыкантов, да и качество исполнения зачастую оставляет желать… сами понимаете…». А это — немаловажная деталь в сегодняшней истории.

Итак, Москва, Большой, премьера то ли «Сусанина», то ли «Дон Кихота», постановку осуществлял молодой, но уже модный режиссёр. И в числе разных «продвинутых» экспериментальных фишек данного маэстро было присутствие на сцене… ЖИВОЙ ЛОШАДИ. На оной кобыле (а сцена Большого своими размерами позволяла!) должен был выезжать то ли царь-батюшка, то ли означенный Дон. Не берусь смело утверждать КТО! Но случай сей уникальный имел место быть!

Кульминация спектакля, гремят фанфары, идёт «нагнетуха», и — появляется герой на лошади. В зале — аплодисменты! Молодой режиссёр — в кайфе…

А нужно сказать, что оркестр в этот день играл на удивление плохо. Может дирижёра мучил застаревший радикулит, может, первую скрипку дома запрессовала тёща, и тому музыка была — не в радость… Короче, оркестр фальшивил, но публику отвлекали красочные декорации, костюмы актёров и смазливые фейсы молоденьких артисток. И до поры до времени никто не обращал внимания на тот факт, что живая лошадь как-то странно поднапряглась, готовясь к чему-то характерно лошадиному…

И этот момент настал! Известно, что чувство стыда у лошадей несколько притуплено. В обществе, не в обществе — но ежли коню ПРИСПИЧИЛО, так будьте добры, получите! В общем, лошадь начала… шумно МОЧИТЬСЯ, а (учитывая лошадиный напор) местами даже перекрывала исполнение оркестра в тихих эпизодах.

Те, кто бывал на спектаклях в Большом, очевидно, помнят, что сцена там не ровная, а под наклоном в сторону зрителей, и всё ЭТО, естественно, потекло — на оркестр. А там, как я уже говорил, — люди с небольшими зарплатами, но — с большим чувством достоинства (у всех — консерваторское образование!). Понятно, им это очень не понравилось, что какая-то лошадь, да на головы с. ыт. Поднялся жуткий гвалт в оркестровой яме, крики, что, мол — за такую зарплату да ещё какая-то кляча — да на их «Страдивари»! Кошмар!

Ну публику всё это, естественно жутко развеселило. Пение на сцене уже никто не слушал — все радостно обсуждали происходящее.

Внезапно лошадь иссякла — и воцарилась странная тишина. И в этой тишине кто-то негромко, но отчётливо сказал: «А может, лошадь БЫЛА ПРАВА?»

Молись и кайся!

А ещё было в одной семье (мне рассказывала молодая мамаша, с которой это и случилось).

Как-то приехала к ней мама погостить, чтобы с дитём помочь, ну и там, заодно — и по хозяйству … А надо сказать, двухлетнеё дитё — чисто городской «продукт», а вот мамка, т. е. бабуля, — из отдалённого села плюс возраст — «глубокий Бальзак».

В общем, оставила моя знакомая своё чадо на бабку, и сама — на работу. Дитё поигралось с машинками, посмотрело телик, а потом вдруг и говорит бабушке:

— Бабуля, МОЛИСЬ И КАЙСЯ!

Бабуля — в полной непонятке, но делать нечего — ребенок просит… Пошла, где иконы в доме имелись, помолилась — покаялась…

А ребёнок не унимается, плачет, просит:

— Бабуля, МОЛИСЬ И КАЙСЯ!

Та — к соседке, мол, так и так, ребёнок надрывается, просит покаяться, и всё такое…

А соседка ей:

— Что тебе скажу — у ребёнка ТРЕТИЙ глаз открылся, ясновидящая она у тебя! А на тебе, видать, много по жизни грязи налипло, так что дуй к попу, а за ребёночком пока я присмотрю!

Бабка помчалась к попу, тот выслушал и повторил примерно, что и соседка, мол, кайся, да и отпущено тебе будет… Два часа бабка добросовестно била поклоны — каялась, вспоминая все грехи, начиная с фронтовой комсомольской юности и заканчивая эпохой экономического дефолта…

Когда она пришла домой, там находились вернувшаяся с работы мама и уже успокоившееся дитё.

— Ну, мама, вы и село неасфальтированное! Ребёнок целый день плачет, просит поставить ему на видике… «МАЛЫШ И КАРЛСОН», а тебя где-то носит! Вот такая ты бабушка замечательная!

Вывод: Тов. взрослые! Учите детский язык! Дабы избежать незапланированных покаяний!

О лошадях

Удивительные вещи зачастую случаются, когда в самых что ни есть «людских» ситуациях, в силу тех или иных причин, принимают участие братья наши меньшие, а конкретнее — лошади. А всё из-за одной ихней слабости — справлять свои естественные потребности, не спросясь у своих же хозяев. И напротив, лишь тогда, КОГДА им взбредёт это в их лошадиную голову, и ГДЕ повелит их самый Главный Босс — Инстинкт.

На моей памяти таких случаев было несколько. Про лошадь, писающую на сцене Большого театра, уже упоминал ранее в одной из баек, а нынче — получите ещё парочку конфузов, связанных с лошадьми на общественных мероприятиях.

Итак, Париж. Только что избрали президентом Саркози, ещё дворники не стёрли антипрезидентские матюки с колонны на площади Бастилии, а уже весь Париж подтянулся на Елисейские Поля и с нетерпением ждёт начала торжественного парада по случаю Дня Победы. Сотни гостей типа нас с женой заполонили тротуары… ждём… томимся…

По старой доброй местной традиции начинает парад ПЕХОТА. Но почему-то перед пехотой вдруг запустили КАВАЛЕРИЮ… Может, это была недоработка местного режиссёра, а может, я просто был не в курсе традиций, но открывшая парад добрая сотня коней вместо того, чтобы промчаться вихрем по оным Ел. Полям, вдруг стала вальяжно, с грацией пожилого педофила, неспешно трусить вдоль толпы, плотно заполнившей тротуар.

И понятно, что добрая четверть першеронов решила продемонстрировать зрителям, что, мол, и жизнь у них клёвая, и с кормёжкой задержек не бывает. Одним словом, отгарцевали неспешно, но зато наложили ЭТОГО прямо на вышеупомянутых Полях — ого-го!

Смотрю, следом стройными плотными колоннами уже показались пехотные полки… Тут я (и думаю, что многие в толпе) стали искать глазами дворника, что приберёт оное «безобразие», но то ли у них там была очередная дворницкая забастовка, то ли бюджетец урезали по случаю коронации нового президента… В общем, дворник не вышел, а может, просто запил, и всех делов!

…Приближается пехота, а «мины» лошадиные отнюдь не в шахматном порядке выложены, а напротив — и помногу, и в самых разных местах. Гляжу, а вокруг народ веселится, все только на лошадиные «автографы» глядят, и уже (как я понял) спорят: а вступит ли пехота в ЭТО самое?!

В общем, пехота приближается, жена рыдает от смеха у меня

на плече, типа где ещё такой казус увидишь, только в Париже…

Но только случилось форменное чудо: пехота, чеканя шаг и не размыкая рядов, прошла прямиком по навозу, а он… остался девственно НЕТРОНУТЫМ. Как лежал, так и лежит. В таком же количестве и в тех же местах…

Обалдевшая публика стала аплодировать с такой силой, что я сразу определил причину всеобщего восторга: ежли армия обладает подобной ловкостью, то никакие минные поля им не страшны. И как это тов. Кутузов не просёк это в своё время?! Ах да, у них тогда ещё не минировали…

Ну пехота пехотой, но следом шла техника… И тут уж публика стала веселиться с новой силой: колёса — они ж не ноги, тут не сдвинешь пятку незаметно. Хошь не хошь, а размажешь!

И снова доблестная французская армия блеснула воинской сноровкой. Прошли бронетранспортёры, следом грузовики и прочая техника… а ОНО как лежало, так в первозданной нетронутости и осталось. И когда вслед воякам одиноко проехал Ширак (сдающий полномочия), уже никто и не спорил. И так всё стало ясно, КАК они там во Франции готовятся к парадам: запускают плотно пообедавших лошадей, а потом следом — пехоту… и стройными рядами. И (я так думаю) КТО только ВСТУПИТ — сразу увольнительной в город к девицам лишается и — пять нарядов вне очереди.

А что ж вы хотите, мир капитала, где человек человеку — друг, товарищ и … волк. Как говаривал наш прапорщик Пуцько — «вот он, звериный оскал империализьма!»

* * *

Ну и в продолжение «лошадиной» темы. Дело было у нас, то ли в Чернигове, то ли в Черкассах, но только праздновали 500-летие казачества. По этому случаю и трибунку соорудили типа «как в добрые старосоветские времена», тем более что многие нынешние «ряженые», позвякивающие самопальными казачьими медалями-орденами сами родом из той ещё совковой номенклатурки. Тут же и ВИПы столичные подтянулись, дабы повысить рейтинг праздника, а заодно и засветиться перед «элехторатом»…

Одним словом — всё, как в Европе! И пипл подсобрался, и трибунка заполнилась элитой, и уже с гиком-криком прошла конница. Ну и как полагается, прошла и оставила после себя СЛЕД нерукотворный. И уточню — в неприличнобольшом количестве…

Понятно, что «эстеты» из местного начальства повелели ЭТО вот немедля убрать. Тем более что следом ожидалась демонстрация массового народного восторга в виде торжественного шествия с казацкими песнями, речёвками и прочими атрибутами праздничного психоза.

Один мой товарищ, будучи свидетелем сего, рассказывал мне позднее, что он самолично наблюдал, как самый главный «перец», то бишь начальник, отдал приказ своему заму, тот — своему помельче, тот, в свою очередь, — своему, и так далее… Ну вы ж знаете, как у нас «багацько керуючих»!

Короче, спустилась директивка по многоступенчатой руководящей лесенке и наконец добралась до непосредственного ИСПОЛНИТЕЛЯ. А им оказался пожилой дядечка с совком для уборки лошадиных какашек, в праздничном костюме и … с одной рукой. В которой и был этот самый СОВОК.

Ловко он зачерпнул ближайшую порцию навоза и приступил к следующей. (Специально для тех, кто слабо себе представляет конфигурацию оных «изделий», хочу напомнить, что ОНИ — КРУГЛЫЕ!) И пока товарищ старался зачерпнуть совком ВТОРУЮ порцию «продукта», предыдущая… выкатилась. Из совка на землю. Будь бы у него ДВЕ руки — никаких проблем, но, как говаривал один наш «керовник»: «Маемо те, що маемо!» И наш бедный дядя стал балансировать совком, стараясь набрать побольше и не проронить набранное ранее. Пока он проявлял чудеса самоотверженности и героизма, шло время… Пафос лихого открытия праздника как-то незаметно улетучился, публика мало-помалу стала проникаться комизмом происходящего и реагировать неподобающим данному празднику смехом, активно комментируя незапланированное развлечение.

…А на «правительственной» трибуне стал набирать обороты нехилый начальственный скандал. Главный «перец» взъелся на своего зама, тот — на своего, что помельче и т. д. и т. п. Короче, по всем правилам субординации весь этот «хамишуцер» покатился вниз, не минуя НИКОГО из «керовников».

…В общем — ужас!! На трибуне гвалт, публика ржёт, что твой конь, а бедный дядя «жонглирует» конскими шарами и всё с тем же нулевым результатом. И что примечательно: пока начальственная «вказівка» катилась от начальника к начальнику НИ ОДНА мудрая голова не догадалась прекратить весь этот цирк. А как вы думали?! Нарушишь субординацию, а тебя потом и хлопнут по попе за самодеятельность. Да ещё — и «по собственному» на заслуженный отдых отправят.

…Наржалась публика, дядя так и не осилил поручение, как ни старался, а тут и указаньице, спущенное по всем правилам

ранжира, подоспело…

«ЗАМЕНИТЬ исполнителя на более ловкого!»

И заменили, и вышел ДВУРУКИЙ дворник, и героически справился с задачей, и пошла торжественно колонна, песнями прославляя наше казачество, и восстановился былой пафос, и приветливо стало помахивать с трибуны начальство, одобряя трогательное слияние власти с народом…

… И только наш незадачливый герой, стараясь не попадаться на глаза Начальству, пробирался к себе домой, мучительно пытаясь просчитать все грядущие последствия происшедшего.

Одесса. Баба с собачкой

Одесская зарисовка. Старенькая подвыщипанная одесситка с аналогичной собачкой (если такая собачка живёт долгое время с одной и той же хозяйкой — она становится похожа на хозяйку как две капли воды) где-то в районе кинотеатра «Одесса»… К ней подходит приезжий с чемоданом:

— Мадам! Как попасть на Привоз?

— Значит так, молодой человек! Вы сейчас идёте направо, доходите до угла дома, потом опьять направо, ещё раз направо и ещё разик направо. После этого вы уже поворачиваете налево. И потом всё время — прямо.

— Мадам, а почему нельзя было сразу повернуть налево, а не крутить вокруг дома?

Ответ гениален:

— А я так с собачкой каждое утро гуляю!

Пудинг для друга

Начало 90-х. Развалили «великий и нерушимый», и «нарешт довгоочжувана свобода» ламанулась нежданно-негаданно в наши дома, квартиры и мозги, суля нам невиданные преференции и захватывающее продолжение нашего до того вполне скромного (чтобы не сказать, скудного) существования. Появились новые люди в политикуме, во власти, а поскольку к этому времени старая, ещё советская номенклатура уже была прилично подвинута горбачёвскими телодвижениями, то, как говорится, свято место в природе пусто не бывает. И на смену многоопытным сталинско-хрущёвско-андроповским кадрам

пришла «интеллигенция» попроще. Зачастую крепко себя проявившая в борьбе за урожаи на полях милой сердцу Родины. В основном в форматах колхозов и совхозов. И понятно, что с культуркой тут было зачастую напряжённо.

Но что было характерно для этих «новопришедших» — это то, что сами они никогда не комплексовали по поводу своего дремучего незнания каких-либо морально-этических азов дипломатии, правил поведения и, конечно же, такой сущей ерунды, как ЭТИКЕТ. А своему бескультурью приписывали качества как бы нового «современного» типа. И неважно, что это порой вызывало у окружающих тихий ужас, важно было то, что САМИ они считали свой убого хуторской провинциализм приметой новой, ещё невиданной «клятыми буржуинами» незалежной культуры.

Уже отгремел скандал с «посадовцем», отвечавшим за соблюдением этикета, когда во время визита в Украину принца Чарльза хлопцу вдруг померещилось, что принц движется во дворе Мариинского недостаточно быстро, и он (чисто из благих намерений помочь!) лишь чуточку подторопил Чарльза, слегка похлопав того по ляжке. Мол, давай, принц, шевелись, а то гарнир стынет! Ну он, церемонимейстер штопанный, хотел ведь только как лучше, и непонятно, отчего гордый этот брит так возмутился! Хлопца хоть догадались тогда с позором выгнать, типа того, мол, сами понимаем — накладочка вышла. Хотя в кулуарах и повозмущались по поводу англичанина. Мол, что там — под коленку подхлопал… Вот ежли б за жопу ущипнул, вот это шкандаль! А тут всего лишь такая ерунда.

Поговорили-потёрли и забыли благополучно. А тут как раз и визитец случился самый что ни есть правительственный. И как раз в эту что ни есть Великую Британию. И поехал очередной наш «шутник», но на сей раз не в ранге мелкой сошки, а возглавляя официальную делегацию. Я понимаю, что англичане, ничего не подозреваючи, отнеслись к данному визиту ответственно (а может, Чарльз их не проинформировал, какие в Украине клоуны произрастают), но только и визит наш обставили с соответственными приличиями, и поляну закатили подобающую, где продукты — только с базара, никаких тебе супермаркетов. И народ созвали достойный на заключительный банкет. Без всякой там антиглобалистской и прочей шпаны, за столом сплошь графья да герцоги, от Кентского до Марльборского. И обратно. Во как!

И неважно, что почти ничего об Украине, кроме как про Чернобыль да братьев Кличко, не слыхали, зато настроились принять как надо, как равноправную ЕВРОПЕЙСКУЮ сестру.

Откуда ж им было знать, что хотя СССР и развалился, но фразу «У советских собственная гордость — на буржуев смотрим свысока» наши «новые политики» по-хозяйски прихватили в «незалежність», успешно компенсируя пробелы в воспитании.

Итак, нашего самого главного «посадовця-керівника» (назову его условно Микола Іванович) усадили в аккурат возле какого-то суперважного герцога Виндзорского (не ручаюсь за точность!), чей род протянулся корнями аж до тех времён, когда нечёсанно-чубатые пращуры Миколы Иваныча вовсю гонялись по трипольским косогорам за полуголыми мавками понятно с какой целью, параллельно не отягощая себя изучением азбуки и различных наук. А справа от нашего героя пристроилась его переводчица, от которой я, собственно, и услышал эту милую историю.

…И вот идёт-журчит неторопливо чисто великобританский банкет, произносятся тосты-здравицы в честь именитых украинских гостей… И всё бы ничего, ежли бы не объявили этот клятый десерт. А на десерт случился выбор: либо торт, либо сугубо английское изобретение ПУДИНГ. И тут наш молодец і каже до тлумачки своєї:

— Оце тортів у житті я скуштував чимало, а того «ПУДІНА» ще не пробував. Людочко, а гукни нумо хлопця із блюдом!

Хлопец с блюдом был подозван, пудинг был воодружён на тарелку Миколы Иваныча и вскорости им же был и опробован… И тут случилось нечто непредвиденное и страшное.

Пудинг был резко не одобрен Миколой Иванычем и после слов «Ні! Я цього ГІВНА їсти не буду!» вмиг был соскоблён им со своей тарелки на тарелку … сидящего рядом герцога Виндзорского. Тот от такой радостной неожиданности подавился… а за столом воцарилась мёртвая тишина. Говорят, такая тишина в последний раз наблюдалась ещё при дворе короля Артура, когда подвыпивший Мерлин икнул прямо в пасть сидевшего рядом Ланцелота. После чего немедля разразилась Война Алой и Белой розы.

Итак, мы остановились на месте, где потерявший дар речи герцог Виндзорский (или Кентский, не ручаюсь за точность титула!) пытается осмыслить происшедшее, наш Микола Иваныч, асолютно не замечая надвинувшейся катастрофы, наливает себе очередную «стременную», а вмиг поседевшая Людочка судорожно пытается хоть ЧТО-ТО придумать, уже почти не надеясь замять весь ужас происшедшего.

И случилось ЧУДО! Давайте же тысячу раз восславим Её Величество Женщину, её Великую Находчивость, её реакцию, что миллионы раз спасала нас, мужиков, от Вселенского Позора и

унижения.

— Леди и джентльмены! — зазвенел среди оглушающей тишины голос замирающей от страха Людочки. — Сегодня у вас в гостях — представители великого украинского народа, и, возможно, не все из вас знают, какие в Украине существуют замечательные обычаи и традиции. У нас, если дорогому гостю за столом какое-либо блюдо понравилось ОСОБЕННО, то он спешит этим блюдом ПОДЕЛИТЬСЯ с соседом. Как с братом! И этот наш чудесный обычай вы имели возможность сегодня наблюдать! Так давайте же поднимем тост за наш великий народ, за его стремление делиться ПОСЛЕДНИМ куском хлеба или пудинга с другом.

…Что оставалось делать ошарашенным англичанам, как не поднять следом за Людочкой бокалы, рядом уныло ковырялся вилкой герцог Виндзорский (или Кентский), не зная, как ему кушать ЭТО, а наш Микола Иваныч так и не поняв, с чего это вдруг Людочка возникла с тостом, наливал себе очередной «посошок».

История умалчивает, имел ли сей случай продолжение в виде занесения в Книгу рекордов Гиннесса в раздел «Любопытные обычаи», как и умалчивает о дальнейшей судьбе Людочки, спасшей нашу страну от позора. А что касаемо нашего героя, то, переменив многоразово свои политические пристрастия, как, впрочем, и фракции, он и по сей день успешно вкалывает на нелёгком поприще нардепа. Так что пожелаем ему и его печени всего того, чего и себе желаем. Аминь!

Овес всегда в цене

Эта история случилась с великой Фаиной Георгиевной Раневской и уже много лет передаётся, как говорят, «из уст в уста» поколениями артистической молодёжи.

Молодая Раневская служила в одном из московских театров. На дворе были тридцатые годы. В театре, как и в любом другом, актёры делились согласно амплуа на трагиков, комиков, инженю… И конечно же, как и в каждом театре, был «свой» ГЕРОЙ-ЛЮБОВНИК.

«Наш» был и впрямь хорош — рост, фигура, фейс и всё такое. Не мужчина, а конь-с-яйцами. Гусар-красавец. Ни одной новенькой не пропускал, чтобы «не отметиться». Ну и кличка в театре у него была соответствующая — Компостер.

Конечно же, молоденькая Раневская, повинуясь всеобщему

женскому психозу, тоже запала на «гусара». И так же, как и многие вокруг, мечтала о встрече. С Ним! И ЭТО наконец произошло! В один из дней, будучи на гастролях, «гусар» случайно заметил, с каким восторгом смотрит на него девушка, и, проходя мимо, обронил:

— А вы, милая, не в двадцать ли первом нумере проживать изволите??

У той все слова в горле комом вмиг застряли… только головой кивнула.

— Ну, ждите, сударыня! Визит-с нанесу вам… Ввечеру после репетиции.

Стоит ли говорить, с каким волнением Она готовилась к встрече… С Тем, о котором среди актрис ходили легенды, и, осчастливленные Им, готовы были сутками предаваться сладостным воспоминаниям.

…На часах девять… десять, а его всё нет… И вдруг! Даже не стук, а лёгкое «кошачье» поскрёбывание в дверь… и, (вот оно, Счастье!) Он — на пороге!!! Атласный халат плотно облегает мускулистый торс, из-под халата в кожаных заграничных шлёпанцах… нет, это не ноги! Это — два стройных кипариса, слегка заросших и оттого ещё более волнующих. ОН приблизился к Ней… и вдруг разом распахнул халат! А под ним — НИЧЕГО! Только фактура. Но какая!!!

Как говорила позже сама Фаина Георгиевна, у неё и до того с мужиками было не густо. А тут — ТАКОЕ! Как я уже говорил, стоит такой себе КОНЬ с этими вот… Она как глянула на него, так и ахнула.

«Гусар» оценил произведённый эффект и произнёс:

— ОВСОМ КОРМЛЮ!!!

Ровно в четыре часа…

Когда-то в 80-х годах прошлого 20-го века образовался в Киеве Театр эстрады.

Людей для театра подбирал Виталий Малахов, уже прославившийся удачными театральными постановками. И надо сказать, труппу подобрал — что надо. Талант на таланте, молодняк, доказавший вскоре, что не зря их выбрали. Но, как говорится, в семье не без урода. В нашем случае это была одна сволочная семейная балетная пара, любимым занятием коих было… поскандалить промежду собой. Как правило, это происходило на гастролях, где и времени свободного поболе, а

повод… за ним, как говорится, дело не станет.

Скандалили обычно по одному и тому же «сценарию»: кто-то первый начинал пристёбываться, а его партнер уже горел желанием отомстить «за поруганную молодость и лучшие годы». Слово за слово — и очередной «хамишуцер» разгорался, как керосином политый. А что ж вы хотите — парочка была, как говорят, «со стажем» и за словом-делом в карман не лезла. Но! Была во всех этих скандалах одна общая «фишка» или «изюминка скандала». Это когда градус зашкаливал и аргументы кончались… Она срывала с пальца обручальное кольцо и с криком «И за эту сволочь я вышла замуж!» пуляла этим кольцом в Него, стараясь попасть прямо в голову.

Так они доездились до Крыма и, уже будучи там на гастролях, сцепились в очередной раз. Дело было поздненько, но им-то пофигу, что как-никак четыре часа ночи и, очевидно, кто-то в гостинице хочет баиньки. Кровь играет, слова нужные чёрт подсказывает… Наконец наступает кульминация, дежурная фраза насчёт сволочи, за которую сподобилась выйти замуж, — и обручалка летит милому прямо в физиономию!

И неважно, что окно открыто, и неважно, что любимый гад, т. е. супруг, стоит прямо напротив окна…

…Спохватились только когда кольцо, не задев Его, улетело в темень, куда-то в клумбу. Чертыхаясь, матеря друг друга полезли искать пропажу. Понятно, что переполошили всю гостиницу. В четыре-то часа ночи…

Вот они копырхаются в темноте, «подбадривая» друг друга крепким лексиконом, а в это время на балконе третьего этажа открывается дверь, выходит сильно пожилая немецкая бабуля, и говорит на плохом русском: «Сэчас читырэ час утра! Ми ест немецки турыст, и Ви нас ПОБЕСПОКОИЛЬ! Прекратить шкандаль!»

Парочка на секунду застыла от такой немецкой наглости, затем Он поднял голову наверх и ответил… Гениально.

— А когда вы нас, суки, в сорок первом в четыре часа утра ПОБЕСПОКОИЛИ, мы ж вам ничего не сказали! Промолчали, а в сорок пятом ответили как надо! И вообще, пошла ты, бабка, в. опу! — затем — к жене:

— Лёля! Не обращай внимания! Ищи «гайку»!!!!

Не напрасно говорят, что победить такой народ ОЧ-ЧЕНЬ сложно!

Сеанс для бабулек

Есть у меня один весёлый товарищ. Юрик. Купил он как-то себе хату в одном убитом селе под Ржищевом, привёл в божеский вид типа «евроремонт» и принялся обустраиваться. Привёз из Киева телик, водрузил на крыше «тарелку» и, настроив самый что ни есть порнушный канал, удобно умостился в кресле, обложившись пивом, кальмарчиками и орешками… Вечерок обещал быть горячим.

Те, кто интересуется ЭТИМ, знают, о каком канале идёт речь. И как сказала одна остроумная гражданка, «эти хлопцы с камерами заезжают в такие сокровенные места, где ещё не ступала нога человека».

…Значит, сидит наш Юрик, потягивает пивко, грызёт орешки и оттягивается по полной! На экране — всевозможные сисястые тётьки вытворяют с дядьками, у которых все — немыслимых размеров, ТА-КО-Е!!!

И тут — стук в дверь. На пороге две местные бабули возраста киевского фуникулёра:

— Синочку, а в тебе нема трохи солі? — и вдруг подслеповатые глазки ухватили на экране что-то необычное, давным-давно (ещё в гражданскую) забытое.

— А шо це вони такеє роблять? Тьху!!! Та це ж повнєє бєзобразіє! Та як таке можна дивиться?! Та як таке можна показувать?! Тьху, яка гадость!!!

В общем, стоят бабки, плюются, негодуют… а сами почему-то НЕ УХОДЯТ!

Юрик смотрит — уже одиннадцать вечера, кайфа — как не бывало. Какой тут кайф, когда рядом общественность местная исходит народным гневом второй час подряд. Кое-как спровадил он бабок, время позднее, ничего: перенес просмотр на завтра.

Назавтра, в восемь вечера по-новой, обставив себя пивком и орешками, включил свой канал, только пошла жара… стук в дверь… Сразу — СЕМЬ старушек!

— Оце Галя не вірить, шо таку безобразію по тєліку показують! А я їй і кажу, шо вже докотилися до такого жаху. Нехай сама подивиться!

И опять плюются, возмущаются, наливаясь праведным гневом. И — не уходят. Продолжалась эта комедия, как и накануне — до 11-ти. Наконец бабки иссякли и ушли, попрощавшись и оставив заплёванный пол.

Мне эту историю поведал сам «потерпевший» Юрик. Посмеялись, а через месяц встречаю его на грибах (мы часто ездим одной компанией) и спрашиваю, чем закончилось народное возмущение.

— Ты не поверишь, — говорит, — они теперь ходят ко мне

как на СЕРИАЛ. Уже не плюются, больше того: установили строгую очередность (мол, совесть имеем!) не больше пяти-шести бабок за вечер, горячо обсуждают игру (!) «актёров» и переживают от того, «шо той чорнявенький ще вчора був із тою біленькою, а сьодня зраджує з якоюсь негритянкою»…

Одним словом, превратилась Юрикина хата в центр кудьтурно-массового просвещения для лиц, которым за… Больше скажу, все сельские бабки поделились «на элиту» (которые — вхожи) и на остальных, которым до такого зрелища ещё расти и расти и которые жутко завидуют «элитным».

Я рассказал эту историю одной высокопоставленной барышне, которая по долгу своей службы ведает борьбой со всем ЭТИМ. Отсмеявшись, она сказала:

— А что ж вы хотите, бабульки ведь тоже — живые люди!!!

Сергей Михалков и его медовый месяц

Мой большой друг Армен Борисович Джигарханян рассказывал случай, произошедший с одним известнейшим поэтом советской эпохи. Назовём его условно Сергей Владимирович. В свои 80 лет он надумал жениться, а так как его избранница была моложе лет на 45, то дядя решил пойти к своему лечащему врачу на предмет кое-каких консультаций.

— Милейший, — обратился он к врачу. — У меня намечается некое изменение в жизни, именуемое свадьбой, и, как вытекающее из этого, брачная ночь. Человек я немолодой, а посему хотел бы узнать: существует ли новейшее изыскание в медицине, дабы я не облажался перед милой как поэт, гражданин и просто мужчина?

А тогда только появилась «Виагра». Не девушки из группы, а таблетки. О чём нашему поэту и сообщил врач.

— А не будет ли каких-либо побочных явлений? — спросил поэт и будущий муж.

— Да нет, Сергей Владимирович, единственное, что может слегка покраснеть лицо. И обязательно сообщите мне о результате.

Врач выписал рецепт, и они расстались.

Прошёл месяц. Врач решил позвонить сам. Трубку взял молодожён.

— Ну, и как успехи, Сергей Владимирович?

Ответ был своеобразным:

— Только слегка покраснело лицо…

Как это сказать по-грузински?

Рассказывал Женя Паперный. У них в Театре русской драмы в числе прочих сотрудников имелся тихий неприметный дядя — звукорежиссёр. Так сказать, «труженик невидимого фронта». Ничем особенным он не выделялся, разве что иногда выпивал. Но скажите, а кто в театре (особенно — в профессиональном) не выпивает?! Ну, ежели он был бы актёром, да на сцене — да выпимши, так это, конечно, скандал. А поскольку работник он закулисья, то у себя в закуточке… по чуть-чуть… и фиг заметит кто!

И вот однажды идёт спектакль «Генерал Ватутин». Спектакль, как говорится, о роли партии (сами понимаете, КАКОЙ! в те годы), в зале полно партийной номенклатуры, главреж, естественно, волнуется. Ожидали в тот вечер САМОГО Щербицкого, понятно, ответственность — «намбер уан»!

Ну а что «нашему» в каптёрочке до той ответственности… Он себе там втихаря — «буль-буль». А кто увидит?

Нужно сказать, что кроме общей озвучки ему предстояло подать вовремя фонограмму с голосом Сталина. Эпизод такой: Ватутин звонит в Кремль и бодро докладывает Самому о том, что Киев наконец ВЗЯТ! А в ответ Сталин ему что-то такое отвечает. И понятно, что сталинский ответ записали (как полагается, с лёгким грузинским акцентом) на плёнку. Вот эту плёночку и должен был вовремя поставить наш скромняга. Магнитофоны в те 70-е были катушечные, сейчас молодняк уже и не знает о таких. Плёнка была — на бобинах, хошь так ставь, хошь этак! Главное, перед работой проверить, а не стоит ли вдруг — ЗАДОМ НАПЕРЁД?!

И естественно, наш товарищ, занятый более «серьёзным» делом (вы ж помните — «буль-буль»), как назло, и не проверил. И в нужный момент поставил её, не перемотанную на начало, задом наперёд…

Теперь представьте себе: генерал Ватутин бодро докладывает генералиссимусу о победе, а в ответ… на весь театр! из всех репродукторов! такое!!! «Тадлос хытсорп од и воларенег то яаничан хесв юялвардзоп я…» И далее — в таком же духе! Кошмар!!!

Зал замер от такой непонятки, главреж схватился за сердце, предчувствуя скорое расставание с партбилетом (нынешний молодняк не в курсе, ЧТО это такое! Конец всей карьеры!)

И тут ситуацию спас актёр, игравший Ватутина. Ну, на то он и Актёр, чтоб из безвыходки выкрутиться. Он прикрыл трубку рукой и театральным шёпотом произнёс в зал: «Волнуется,

старик! Говорит … ПО-ГРУЗИНСКИ!!!»

Таке несамовите кохання

Есть у меня товарищ. Зовут его Василий, и держит он небольшую фирму по ремонту квартир. А раз профессия связана с частым общением с различными людьми, то и случаи всякие случаются. Ведь у людей и запросы разные, и «забросы» соответственно те запросы сопровождают иногда.

Случилось ему однажды взять заказик по небольшому ремонту в типичной «хрущёвке», то ли на Нивках, то ли… ну, неважно где. Пришёл, оказалась семья из двух человек, хозяйки не было видно, может на базар пошла, может куда ещё. А вот хозяин, мужичок лет пятидесяти, оказался словоохотливым, хотя и слегка настырным: всё по полочкам нашему Васе разложил, где и какие переделки наметил — ничего не упустил, а в конце и говорит:

— Ми ось тут із жиночкою вирішили стіночку знести між ванною і, пробачте, туалетом. Бо, як кажуть, габарити ще ті, «сувєтські», а ми вже люди немолоді і якось воно із часом незручно… ну ви ж розумієте!

Вася ему:

— Да это совершенно типичная для «хрущёвки» проблемка, и поверьте мне — каждый второй просит это сделать, тем паче что стенка — не несущая, мои ребятки вмиг её откусят. И будет вам больше оперативного, как говорят в армии, простора. Можно будет даже и БИДЕ поместить, сейчас это очень модная фишка.

Мужик слегка помялся, а потом и говорит:

— Знаєте, а не треба нам цього «біда», ми люди вже не такі молоді, а поставте нам краще… ДРУГОГО УНІТАЗА (!). Щоб він був навпроти того, шо є.

Наш Вася, на что уж тёртый был перец, но тут конкретно обалдел. Сколько лет занимался он этим нужным обществу делом, но ТАКОГО ему ещё НИКТО и НИКОГДА не заказывал.

Хозяин увидел, что Вася слегка изменился в лице, и принялся пояснять, а точнее, открывать душу:

— Оце, значить, ми із моєю живемо десь під тридцять год, а кохання так і лишилось несамовитим. І ми з нею скрізь разом, і по житті, і у відпустці, і працюємо теж в одній «хвірмі»…

— Так что, поэтому и КАКАТЬ нужно тоже ВМЕСТЕ?! — не сдержался Вася. — В спорте есть синхронное ПЛАВАНИЕ, а у Вас будет синхронное «ЭТО САМОЕ»?!

— А ви не глузуйте! — вдруг посуровел хозяин. — Ви, юначе, зрозумійте, що коли люди довго живуть разом, то і звички із часом стають СПІЛЬНИМИ.

В мене все життя була така слабість: ну люблю посидить в туалеті, журнальчики-кросвордики… книжечка якась захоплююча і те інше. Ну це в кожного другого мущини таке хоббі існує. Але якось непомітно і жіночка моя втягнулась в оце моє хобі. А проблемка в тому, що отой «трон» в нас — ОДИН. Тепер ви розумієте?! А поставите іще один навпроти, то ми із нею і сканвордика разом розгадаємо, і якийсь «хвільмик» обговоримо… Та шо я вам кажу, ви людина ще молода і того не розумієте, ЯКЕ воно життя буває і як це рідко, коли можна зустріти дійсно РІДНУ душу. Це для вас, молодих, оте «сінхронноє каканіє», а в нас, можна сказати, все життя — СІНХРОННОЄ! Так шо ставте, а я віддячу!

Озадаченный наш Василий возвращался домой, а из головы не выходила эта достаточно своеобразная «формула» семейного счастья, вроде и смешная на первый взгляд, но, если задуматься, только — на первый…

Брючный костюм для цербера

Все мы привыкли смеяться над всевозможными казусами в западных местных законодательствах типа того, что в штате N ни в коем случае нельзя доить козу позднее восьми утра на виду у соседей, но зато в том же штате и тем же законодательством разрешается сколько угодно публично портить воздух, т. е. пукать. Но при этом ты обязательно должен быть, к примеру, в габардиновом пальто и тапочках. И только! Иначе привлекут…

Ну это — из серии «Их нравы», и все мы порой нередко смеёмся над чудаковатыми заморскими законотворцами, забывая при этом, что сами не так давно жили в подобной чудесной, хотя и слегка непредсказуемой, стране.

Короче, вышел указ по украинскому Гостелерадио (дело было в самый расцвет застоя): «На территории Гостелерадио запрещается пребывание лиц ЖЕНСКОГО пола В БРЮКАХ!»

С Адой Роговцевой. *1996 г.*

Понятно, что дежурным милиционерам на входе дали строгое предписание — женщин в брюках заворачивать обратно, дабы те своим видом (я до сих пор не врублюсь, что же разгневало тогдашнее начальство, может обтянутые брюками попки) не отвлекали сотрудников оного ведомства от воспитания советского общества средствами радио и ТВ.

Ада Роговцева на юбилее В. Быстрякова. *1996 г.*

И вот стоит такой цербер в погонах на пропускной и зорким глазом фильтрует входящий народ. А нужно сказать, что в это время только входили в моду брючные женские костюмы. И далеко не каждая гражданка могла позволить себе импортный модный писк.

И понятно также, что впереди модного прогресса зачастую шли люди артистической профессии.

В нашем случае это была всеобщая любимица, народная артистка, красавица, комсомолка, спортсменка и прочая, и прочая — Ада Николаевна Роговцева. Ничего не подозревавшая, никаких указов не читавшая, она гордо плыла в новом роскошном, построенном по-последнему-слову-техники БРЮЧНОМ костюме на очередное свидание со зрителями посредством телевидения.

Мент радостно вздрогнул (это ж какой случай отличиться!) и выдвинулся навстречу народной любимице:

— Жэншина! У бруках — НЭ МОЖНА!

Её ответ поразил краткостью и мобильностью:

— Ну так снимите!!!

… И пошла себе дальше, уверенно, как царица, как депутат всех созывов, как истина в последней инстанции.

Сильно озадаченный мент долго провожал её глазами, прикидывая, выгонят ли его сразу или ограничатся «строгачом».

Вокруг смеялись.

4
«ЗОЛОТОЙ ГУСЬ»

Лет десять тому, когда мы впервые сели за стол в компании с И. Ноябрёвым, В. Чигляевым, Д. Черкасским, Е. Паперным, А. Дьяченко и другими хлопцами и стали нести в телекамеру всё, что накопилось на душе по части анекдотов, — только очень прозорливый человек мог тогда предположить, что по прошествии целого десятилетия эта передача, что называется, станет частью жизни наших граждан, а сами мы будем гордо именоваться «гусаками» и станем скромно (но с достоинством) нести по жизни теперь уже «медийные» лица. Именно благодаря «Золотому гусю» у меня развязался язык, а жизнь наполнилась уймой смешных случаев, встреч и казусов.

Гусаки в Днепропетровске

Как-то поехали на халтуру в славный град Днепропетровск Илюша Ноябрёв вместе с Валерой Чигляевым… Вот поезд замер у платформы, Ноябрёв что-то замешкался-засобирался, а Валера уже с кофром, в коем «куздюмчик» концертный, появился в дверях вагона.

И сразу попался в прицел местных ханурей-профи, из тех, для кого вокзал — дом родной. А это был самый расцвет нашей тогдашней «гусиной» славы: бабы штабелями падали в обморок, мужики и дети рвались сфоткаться на память с народными любимцами, автографы… ну и всё такое!

Золотой состав «Золотого гуся»

Эти вот тоже, завидев Валеру, вмиг протрезвели и ламанули к нему с криком:

— Валерчик! Наше почтение! Ты среди всех ваших — САМЫЙ уматный, САМЫЙ прикольный, САМЫЙ-РАССАМЫЙ… А остальные рядом с тобой — полное говно! Нечего и слушать! А ты у нас конкретно в любимцах ходишь! Ну-ка приколи по-полной!!! Из свежачка!!!

…И тут вдруг видят они как из-за Валеркиной спины вдруг нарисовался Илья Ноябрёв.(!!!)

Турция. На съёмках «Золотого гуся». *Начало 2000-х гг.*

Пацаны потом рассказывали, что повисшей паузе мог позавидовать сам великий Смоктуновский. У ханурей от полной

неожиданности отвалились челюсти, а самый синюшный сказал:

— Ну, Илья, мы НЕ ВИНОВАТЫ! Он (Чигляев) ПЕРВЫМ вышел!!!

А свадьба пела и плясала

А ещё был случай. Связанный с сауной, где-то в районе Святошино.

Товарищевали мы тогда с Толей Писаренко. Люди, интересующиеся спортом, помнят такого выдающегося тяжелоатлета. И он нас иногда зазывал в сауну. Была нас там разношерстная компания, и частенько оказывалось в ней сразу по-нескольку ребят из «Золотого гуся». А это был самый пик нашей «гусиной» славы: по улицам было сложновато передвигаться — дамы дружно падали в обморок, мужики первым делом вываливали на нас все имеющиеся у них анекдоты… Как говаривал Додик Черкасский, «пришла заслуженная старческая слава».

С Женей Паперным и А. Гарцманом в бане

Я хочу сказать, в этой сауне была одна замечательная «фишка» — небольшой внутренний дворик, и когда выпадал снег — можно было смело выскакивать голяком и кататься в снегу, фиг кто увидит! Дворик со всех сторон был окружён высоким кирпичным забором.

Мы как-то упустили из вида то обстоятельство, что раз над нами на втором этаже находится ресторанчик, то в нём, естественно, иногда бывают люди. Но поскольку — зима, то и двери закрыты, и на террасу никто не выйдет!

Откуда ж нам было знать, что именно в тот день, в «наш

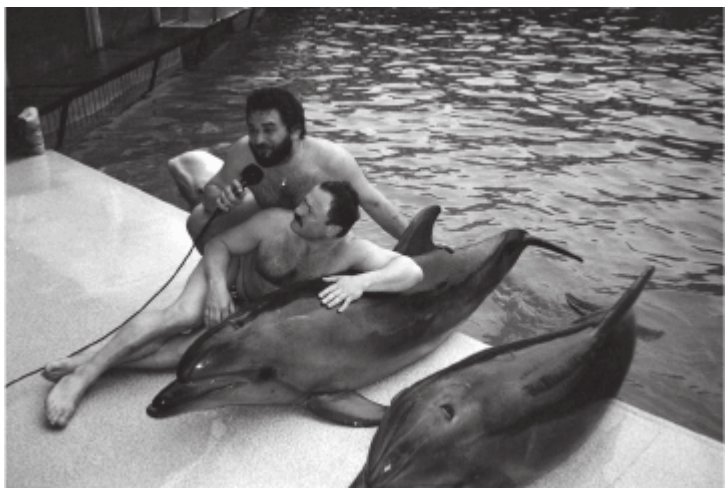
банный», именно в том ресторанчике, что в аккурат — над нами, будет праздноваться свадьба, и не какая-нибудь, а самая настоящая СЕЛЬСКАЯ, с мордастыми сватами в рушниках, с беременной-на-двадцатом-месяце невестой (как полагается!), с зарёванной мамкой и с немыслимым количеством спиртного. Словом, как у людей!

…Мы себе, отпарившись по полной, выскочили, размахивая «достижениями» на свежий морозный воздух, в этот наш внутренний дворик — и в это же самое время ВСЯ СВАДЬБА, разогретая водкой, вывалилась на терраску, так сказать, на свежий воздух… А мы — внизу! «Золотой гусь» чуть ли не в полном составе! И — голяком! Ничего ж не подозревая! И где ещё, в каком телике ЭТО увидишь?!

…В общем, невеста сразу радостно упала в обморок при виде всего ТАКОГО! А из наших, к примеру, один только Евгений Васильич Паперный мог УДИВИТЬ «этим»… любого! Уже не говоря об остальных «бойцах».

Новость, что внизу — «Золотий гусак», облетела гостей в момент, и весь толпень ламанулся на террасу поглядеть сверху на любимцев. А мы-то сразу и не среагировали. Во-первых, с пылу — с жару из парной, во-вторых, пивком баловались — остроту реакции притупили.

Короче, сообразили, уже когда публика стала шугать вниз за автографами и… «шобы сфоткаться». Благо, этаж был невысокий плюс снег мягкий. И народ поддатый, оттого и смелый. Мы едва успели нужные места снежком «запудрить», чтобы — не очень светить.



С кумом Валерой Чигляевым берём интервью у дельфинов

Нам потом рассказывали, лишь один жених остался очень недоволен происшедшим. Ну его понять можно: жених — он и

есть жених. Я так подозреваю, у него, видать, всё скромненько, никакой тебе радостной патологии… А тут внизу один Евгений Васильич чего только стоит! Любо-дорого полюбоваться на формы-параметры, на славянскую нашу красоту! Ну и остальные пацаны тоже — не пальцем деланные!

Одним словом, как говорит Жванецкий, «свои ботиночки хороши, если других не видел»! Истина — как для невесты!

Знаете ли вы Бодлера?

Дело было в лихих 90-х прошлого века. Ещё недавно распался Союз, подкатила «незалежшсть», уже замелькали малиновые пиджаки и пальцы веером, а бывшие сознательные комсомольские функционеры толпой валили кто в бизнес, кто в банкиры.

И вот в аккурат для таких вот «новых» киевских банкиров как-то случилось выступать моим друзьям и коллегам по «Золотому гусю» Валере Чигляеву и Жене Паперному. Дело было под Новый год, и какой-то солидный банк, набитый «под завязку» экс-комсомольцами (читай: БАНКИРАМИ) заказал их как популярных, весёлых ведущих.

Итак, роскошный ресторан в центре, гости — кто уже приехал, кого-то ещё ждут, шум-гам… а концертную программу нужно начинать. И понятно, что и отношение к артистам примерно как к официантам: «Микола, а шо ти без Галі? Шо, пізніше буде? Ну, тоді наливай по першій-другій… Хто отам на сцені? Та якісь „артізди-солізди-вокалізди“ шось горлають — хтось привів… Ну шо, за Галю?!.»

А тем временем концерт идёт по полной, с трудом пробиваясь сквозь банкирский бардак. На сцену поднимается Чигляев:

— Дорогие друзья! А сейчас я хочу представить вам моего большого друга, любимого актёра знаменитого режиссёра Виктюка, народного артиста Украины Евгения Васильича Паперного!!! Ваши бурные аплодисменты!!!

Понятно, что все «бурные аплодисменты» состояли из двух-трёх вялых хлопков, которые тут же потонули в радостном шуме, что наконец-то «приїхала Галя і тепер вже — повний кворум!!»… и под весь этот галасливый «бордельеро» на сцену как-то очень незаметно поднялся наш Евгений Васильич. Чем тебе не Ленин-в-октябре?!

А нужно сказать, что актёры — те же люди, и всё человеческое им тоже не чуждо. В том числе и пропустить

стопарик по случаю наступающего и под президентский дежурный текст по телику. Женя так и сделал. И вслед за разлившемся по всему телу теплу пришла Благородная мысль — поделиться с присутствующей аудиторией бессмертными строчками французского поэта Шарля Бодлера да ещё и на языке оригинала…

— Дорогие друзья! — начал Евгений. — В этот чудесный добрый, поистине детский вечер я хотел бы поприветствовать всех вас, как тонких (и я в этом глубоко уверен!) ценителей поэзии, гениальными строками поэзии великого Бодлера…

…В зале продолжался гармидер, на Женю внимание никто не обращал, всех почему-то больше, чем поэзия Бодлера, интересовал вопрос «а чому Галя прийшла без Людки» и «Петю! Та не пий вша шсля горшки, не пошжай градус!»

И может, оттого совсем никто и не заметил, как внутри у нашего артиста взыграла обида за поэзию Бодлера, помноженная на градус выпитого стопарика.

Женя набрал полные лёгкие воздуха и вдруг со всей силы гаркнул в зал:

— А ну тихо мне, МЛЯ!!!

От мгновенно возникшей тишины могло показаться, что оглохла вся природа, включая банкиров, официантов и самого Женю. Слышно только было, как где-то далеко метрдотель распекал кого-то из обслуги да ещё в животе у онемевшей Гали бурчал утренний подскисший борщ.

— Же не па ля тужюр, ля мурмур абажур, — заворковал низкий Женькин баритон. И минут двадцать на правильном французском прононсе Паперный утюжил застывшую в ступоре банкирскую публику. Кто успел налить — так и застыл с поднятым бокалом, у кого на вилке оказался огурчик — так все двадцать минут и провисел нетронутым.

А Женя всё ворковал и ворковал. Наконец он поставил точку в Бодлере, и среди ошеломляющей тишины кто-то испуганно пискнул:

— Аплодувати можна?

Овации были ТАКИЕ, что и Алла Борисовна наряду с Иглесиасом плюс Тина Тёрнер вкупе со Стивом Вандером могли, как говорится, отдыхать.

— Эх, черти! Таки любят банкиры старика Бодлера, — заметил Женя, спускаясь со сцены.

— Ой, Женька, не бери пустого в голову! — сказал Валера Чигляев. — Просто все они — бывшие комсомолята, а ты вдруг напомнил, как вламывали им прежде старшие товарищи-партийцы. Такой «партийный» страх — он надолго остаётся в

башке. Ну ничего — и Бодлера твоего послушали в оригинале, и прежнее вспомнили! А теперь — НАЛИВАЙ!

За Новый год и за нас, беспартийных!!!

…Вокруг набирал силу привычный праздничный гармидер.

Скрытая камера

Я, вообще-то, НИКОГДА не пью за рулём. Но, как говорится, жизнь иногда может внести свои коррективы даже в самые незыблемые принципы. В моём случае это был неожиданный приезд моего давнего закадычного друга в дом моих приятелей, где в то время находился я собственной персоной. Ну понятно, тут же — поляна, «вино-пиво-водовка» — рекой, и я как-то, очень не подумав, влился в этот радостный гармидер.

И принял «по чуть-чуть». А обратно-то мне не идти, а ЕХАТЬ! В другой раз, может, и заколебался, но тут внутри меня хитрый Бахус шепнул что-то насчёт: «Авось пронесёт!»… и я поверил ему. И поехал.

Нужно сказать, это было то время, когда свеженазначенный Луценко ещё не «светился» на концертах «95-го квартала», а, никем не узнаваемый в лицо, бодро инспектировал гаишников в различных городах и весях «рідної неньки-України», увеличивая количество инфарктов среди мздоимцев в погонах. Уже эхом прокатилась по Украине захватывающая история о двух крымских хлопцах, что, не мудрствуя лукаво, намекнули неузнанному министру, мол, «сержант Петренко, ще з ранку НЕ СНІДАВ!» и тут же были ласково уволены… Короче, нервы у всех наших Петренок были в те дни — ни к чёрту! И это обстоятельство сыграло в моём случае немаловажную роль.

У всех без исключения гаишников есть особый талант распознавать ВЫПИВШЕГО за рулём. Ты, к примеру, даже ещё не ковтнул ЕЁ Проклятую, а только понюхал пробку, а ОН уже чует и ежели произнесёт заветную фразу: «А шо у нас такого с глазоньками?», то можешь быть точно уверен, что УНЮХАЕТ даже прошлонедельный портвейн, о котором ты сам уже давно успел забыть.

Короче, тормознул меня как раз такой нюхач-виртуоз и после дежурного узнавания и фразы «Какие люди в Голливуде!» вдруг как-то по-доброму, «по-ленински» прищурился и одарил меня той самой фразкой про «глазоньки». Я, естественно, внутренне всполошился, потому как из «глазонек» разве что не выливалось пиво, заправленное у моих друзей.

И конечно же, будучи, как всякий советский (читай — «украинский») водитель, насквозь пропитанный информацией о «тяжкой и голодной жизни сержанта Петренко», тут же полез «в кишеню за гаманцем». Выудил оттуда засаленный червонец и со словами: «Это Вам СУВЕНИР, правда, без автографа!», попытался переправить его в потную гаишную ладошку. Но не зря вы, мой дорогой читатель, в начале сего повествования изволили читать о сорванных милицейских нервах той поры. Мой «Петренко» упёрся, как молодой бык, — и НИ В КАКУЮ!

Аргумент у него был достаточно весомый и отдавал последними ментовскими страданиями. Тут я отвлекусь и скажу, что ежели гаишник меня узнаёт, то обращается исключительно по-отчеству: «Юровыч». Оно одновременно и уважительно, типа «знаем ваши заслуги-козыри», и одновременно отдаёт снисхождением к тебе-балбесу. Мол, знаем вас, людей искусства! «Артизды-солизды»…

«Мой» так мне прямо и сказал:

— Юровыч! Оце я зараз візьму в тебе ту задрипану десятку, а ви потім, як людина відома у себе в кругах і розкажіте, шо менти БЕРУТЬ! А в нас зараз дуже непроста ситуація, онде в Криму хлопці попалились через те, шо начальство в обличчя не впізнали…

И т. д. и т. п. Он аргументирует, я молча проталкиваю червонец и уже чувствую, как слабеет ручоночка, отталкивающая бумажечку… Ещё немного, ещё (как поётся в песне) чуть-чуть…

И надо же было мне в тот самый момент, когда купюрку сомкнули цепкие милицейские пальчики, СКАЗАНУТЬ! Бодрым хорошо поставленным голосом а ля Андрей Малахов:

— А теперь улыбнулись и посмотрели направо! Вас снимает СКРЫТАЯ КАМЕРА!

…Вы когда-нибудь видели инспектора ГАИ в предынфарктном состоянии?! А я ВИДЕЛ!!! Фуражка слетела с головы, лицо вспыхнуло первомайским кумачом, глаза синхронно вылезли из орбит и остановились.

— Де??? — не прошептал, а прошелестел одними губами…

— Да вон, на десятом этаже, за занавеской! — не растерялся я.

— Не бачу! — прошелестел «Петренко».

— А что ж вы хотите, я ж сказал — «скрытая камера», оттого что хорошо СКРЫТА!

— Шо будемо робыты, Юровыч? — к нему постепенно возвращалась уже было ушедшая жизнь.

— А ничего не «будемо робыты». Сейчас поднимем кулачок, помашем червончиком, показательно мне его отдадим и

прокричим громко слово «ШУТКА!».

Так и сделали. Кулачок был поднят, слово «шутка» было прокричано, а червончик был «публично» возвращён мне с очень (ну очень!) тихой фразой насчёт «бениной мамы», к которой я должен был немедленно катиться. Что я и сделал.

Сейчас, вспоминая тот день, я думаю о том, что иногда мой язык-без-костей меня выручает. А иногда и наоборот!

5
КОЛЯ КАРАЧЕНЦОВ

Он же Колюня, он же Колясик, он же Петрович, он же закадычный друган с 28-летним стажем. Когда в начале 1980-х я, приехав в Москву на запись моей музыки к мультфильму «Алиса в Зазеркалье» и познакомившись с Караченцовым, отписал пару-тройку мультяшных песен, то ни сном ни духом не мог представить себе, что разовая эта запись через несколько лет превратится в душевнейшее общение и дружбу, в многочисленные концертные поездки, в комфортнейшие посиделки, в ночные перезванивания на предмет анекдотного «свежачка». А сколько песен было записано! А сколько друг от друга почерпнули баек и прочего материала! Миллион! Можете в этом убедиться сами.

«Насрадзе»

Эту историю рассказал мне Коля Караченцов. Москва. Колонный зал Дома союзов. Идёт концерт. За кулисами стоит Коля и народная артистка Грузии Маквала Касрашвили (фиг запомнишь!). Подходит ведущий. Пожилой, знаменитый, в бабочке: — Милочка! Сейчас ваш выход! Как вас представить публике?

Певица:

— Главное, не перепутайте фамилию — Ка-сра-швили!

— Милочка, ну, кто ж вас не знает! Вы ж кумир всей Москвы.

(Выходит на сцену):

— А сейчас перед вами выступит наша общая любимица, солистка Большого театра, народная артистка Грузии… Макака Насрадзе!

Коля мне потом рассказывал, что в этот момент у него подогнулись ноги…

— И ты после ЭТОГО выйдешь на сцену?

Ответ был гениальным:

— Ну что ж, пять минут побуду Насрадзе!..

И пошла на сцену, как царица.

Я подозреваю, что с подобным она уже сталкивалась.

А ещё был случай. Рассказывал мне Коля Караченцов. Лет двадцать тому в Ленкоме шел спектакль «Оптимистическая трагедия». Театральный художник оформил сценический задник в виде двух белоснежных линкоров, стоявших нос к носу. И на фоне этих ослепительно огромных корабельных бортов разворачивалось действие бурных р-р-р-революционных лет.

И в аккурат в этот период из театра за пьянку выперли то ли машиниста сцены, то ли бутафора… И он решил ОТОМСТИТЬ! За всё!

По задумке режиссёра-постановщика спектакль начинался с полного затемнения. Затем раздавались корабельные склянки, медленно включался свет — и начиналось представление.

Наш изгнанный из театра страдалец решил использовать эти несколько минут полной темноты для осуществления своей благородной мести. Вооружившись банкой с чёрной краской и кистью, он в полной темноте вывел на белоснежном борту линкора те ТРИ заветные буквы, которые волнуют сердце каждого русского человека. Буквы были с человеческий рост, и прекрасно читались с любого места, будь то ложа-бенуар или галёрка. Короче, когда дали занавес, нашего героя уже и след простыл. Зато публику ожидало незапланированное яркое развлечение в виде знакомого до боли слова на борту корабля. Начался смех, переходящий в хохот, и «под это дело» дали занавес. В смысле — закрыли. И стали срочно замазывать чёрные матерные буквы белой краской. Замазали, дали занавес (в смысле — открыли) и начали спектакль. Ну поначалу публика ещё какое-то время обсуждала происшедшее, но потом втянулась в спектакль и затихла.

Спектакль идёт, красочка белая под лучами прожекторов подсыхает, и настаёт момент, когда из-под белой полезла ЧЁРНАЯ… и вот уже заветное слово буквально пылает на борту линкора. И как тут актёрам играть революционную трагедию, когда за спиной — ТАКОЕ!

И опять в зале — ржачка! И опять дают занавес. И зритель слышит, как за сценой заработали молотки. И когда занавес открыли в третий раз, зал не то что заржал — зал задохнулся от хохота. То место, где были БУКВЫ, было… забито ДОСКАМИ. Крест-накрест.

Понятно, какая могла быть в тот вечер «Оптимистическая трагедия» под стоны «умирающего» от хохота зала, под рыдающих от смеха актёров… И занавес закрыли в третий раз. Насовсем.

Как Саша Абдулов от ментов срывался

История, рассказанная мне Колей Караченцовым со слов Саши Абдулова, непосредственного участника оной.

Был у Абдулова друган закадычный, каскадёр, профессиональный водила-ас, отчаянный хлопец. Сколько вместе было выпито по жизни, оставим на совести историков-криминалистов… Но только в ТОТ день было принято «на грудь» немало. Саша засобирался домой и уже хотел вызывать «точило», как друган заобижался — мол, какая тачка, когда Я у тебя есть. Никакие уговоры не подействовали, и Саша безропотно подчинился, поскольку знал: его друг за рулём в любом состоянии — гениальней Пушкина с гусиным пером, и даже ещё круче!

Короче, только выехали, как попали на гаишников… Ну те, когда увидели, кого тормознули, несказанно обрадовались да так, что в радости своей не усекли, что «звезды» — крепко «принявши»! Как всегда в таких случаях пошло братание, автографы и всё такое…

И тут один из ментов и говорит:

— Ребята! У нас тут проблемка имеется: движок на газике наи. нулся, подсобите по дружбе до отделения на тросике дотянуть!

Естественно, наши хлопцы согласились, подцепили газик за бампер — и в путь!

НО! Поскольку были крепко поддатые, то через пять минут подзабыли и про ментов, и про газик…

В общем, чешут ребятки по ночной Москве, как обычно — на приличной скорости, и тут Абдулов замечает: позади них — газик ментовский!

— Слышь, — говорит, — к нам, кажись, менты на хвост сели! А ну давай, ПРИТОПИ!

Тот «притапливает», а менты — не отстают…

Саша говорит:

— Вот, сука, упорные попались. А ну-ка ещё малость поддай жару, и — через проходняки! Ну, как ты в последнем фильме от погони сматывался!!!

Наш каскадёр врубил по полной, запетлял по каким-то убитым дворам, стройкам… Через какое-то время слышат — сзади что-то дзеренчит! И ментов на хвосте уже нету… Остановились, выползли из машины… Глядь — БАМПЕР на тросике оторванный! Тут-то ребятки и вспомнили ВСЁ… И ментов с их просьбой, и газик ментовский…

— Это что ж, мы их по всей Москве мотыляли? — задал

риторический вопрос водила-ас.

Гений-нюхач

Как говорят знающие люди, в ЛЮБОМ уважающем себя коллективе есть свой местный гений-«нюхач». Т. е. человек, обладающий талантом определять, ГДЕ в данную минуту УГОЩАЮТ. Нет такого НИИ, продбазы, а уж театра и подавно, где не обитал бы такой гений.

И в театре Ленком, естественно, был подобный самородок. Росточком он не вышел, да и внешности был невзрачной. Служил то ли работником сцены, то ли по столярной части, но вот чего у него было не отнять — так это способности в кратчайший срок вычислить, где… НАЛИВАЮТ.

Нужно сказать, именно за это качество его в театре не то чтобы не любили, но слегка сторонились. Тем более что и с деньгами у артистов в те годы было пожиже, а с другой стороны, поскольку ещё — «до Захарова», на послеспектакльные междусобойчики тогдашнее руководство смотрело сквозь пальцы… Чем актёрский молодняк частенько и пользовался.

И вот однажды (рассказывал мне Коля Караченцов) тогда ещё неизвестные молодые актёры после спектакля скинулись по-скромному на пляшечку беленькой да на три пирожка (а на больше — и не хватало) и заныкались в самый дальний закуток, что под сценой, в крохотную каптёрочку. В слабой надежде, что «умелец» их не сыщет… И только разлили на троих, стараясь громко не булькать и не звенеть тарой, как тут естественно кто-то аккуратно — нет, даже не постучал — поскрёбся в двери каптёрочки — ТУК-ТУК!

— Понятно КТО! — сказал кто-то. — Гений наш штопаный, Шерлок Холмс сраный! Нашёл-таки!!!

…Открыли дверь, впустили, отлили полстакана со словами:

— Значит так! Выпил по-быстрому и — ВОН на. уй!!!

Хлопец, ничуть не смутившись, взял эти самые полстакана, аккуратно влил в себя, вытер губы и сказал, тихо и осуждающе:

— РЕЗКОВАТЕНЬКО!

После чего свалил, полный чувства собственного достоинства.

— Да, — вздохнул кто-то, — гений своего дела, и неважно, что без высшего образования!

Караченцов и весеннее половодье

В один из приездов Коли Караченцова в Киев выдался у нас в промежутке между записями свободный денёк, и решили мы оторваться где-нибудь на природе подальше от расхожей фразы типа «какие люди в Голливуде!» и от поголовного народного желания запечатлеть на «фотке» себя любимого да в компании с Колюней… в общем, отдохнуть от издержек Колиной славы и народной любви.

Арендовали хороший катерок и двинули вниз по Днепру. Весна тогда выдалась с половодьем, поэтому немало островков, густо поросших вербами и прочей зеленью, мы «перебрали», прежде чем увидели впереди то, что искали. Уютный, окруженный густыми кустами, островок казался нам именно тем местом, где ни людей, ни поклонников. Коля переместился на самый нос катера и гордо восседал на самой его конечной точке, напоминая средневековую наяду на пиратских судах…

И откуда нам было знать, что именно на этом уютном островке и именно в точке нашей предполагаемой высадки расположилась… парочка. И понятно, с какой целью. Как говорят знающие люди, таких целей у нынешней молодёжи может быть ДВЕ. Это или сам ПРОЦЕСС, или процесс с целью изготовления потомства. Причём в любом случае ЭТО сопровождается весьма приятными ощущениями, но одно условие должно быть соблюдено: как можно тщательнее ЗАНЫКАТЬСЯ в кущи, в бурелом (если, конечно, твои друзья не позаботились о тебе и не подсуетили холостяцкую квартирку на время).

Но квартирка — это одно, а тут — природа, солнышко, птички, милая под боком несёт какую-то обычную ерунду… в общем — романтика.

И теперь представьте себе картинку «от Левитана» — уютный крохотный островок, со всех сторон нависает высокий тростник, НИ ДУШИ на …надцать км вокруг, и Он Её уже «приговорил» и взобрался на эту самую вершину Любви… и всё поплыло перед глазами…

… И в этот же самый миг над головой у них возникает… нос нашей лодки (дело ведь — в половодье, вода высокая!) и на ней… НИКОЛАЙ КАРАЧЕНЦОВ (!!!) в одних трусах…

Как говорят специалисты — ТОПЛЕС!

Скажите честно, а вы бы не двинулись мозгами, если бы подобное случилось с вами?!

Когда не ожидаешь НИКОГО рядом, и ты — на седьмом небе, и в целом мире только Ты и Она… И тут вдруг — БАХ! — И Караченцов! Откуда? С неба? Или напекло мозги?

…Коля глянул на парочку сверху и мгновенно просёк ситуацию:

— Полный назад! — скомандовал он, и наш баркасик послушно выполнил команду.

— Да-а-а! Так и импотентом недолго стать, — сказал кто-то негромко, когда мы уже отплыли.

Халява небесная

Дело было лет семь назад. Пригласили моего друга Колю Караченцова с гастролями в далёкую страну Австралию, ну а он пригласил меня. Как друга, аккомпаниатора и автора более тридцати песен из его репертуара.

Короче, сели мы на роскошный лайнер, стартанули, осмотрелись, и тут вдруг Коля поник духом в ПЕРВЫЙ раз. А всё потому, что первая остановка — в ОАЭ аж через шесть часов… А что такое шесть часов для курильщика с многолетним стажем, коим является Николай! Шесть часов — и ни одной сигареты! Дальше — хуже! Дубай — Сингапур, ещё сколько-там часов… и снова ни единой сигаретки! А впереди отрезок Куала Лумпур — Мельбурн! И это — целых семь часов! Мне-то что?! Мне-то пофигу, а вот Колян…

В общем, только мы сели в Сингапуре, как Коля потащил меня искать SMOKING AREA, а по-нашему курительную комнату. И мы её НАШЛИ!

Вообразите отдельно взятый крохотный дурдом посреди огромного аэропорта, в виде комнатки десять на десять метров, где НИЧЕГО не видно из-за плотного (не то слово!) табачного дыма, где находятся десятка два не видящих друг друга мужиков, которые, сопя и кашляя, давятся никотином, и посреди всего этого кошмара… сидит на стуле чей-то маленький мальчик в томительном ожидании своего малахольного папочки.

После тринадцатичасового воздержания Коля припал к любимой «Приме», как младенец к мамкиной сиське. Вскоре глаз его прояснился, пропала озабоченность, и я понял: он готов и дальше переносить трудности аж до Мельбурна.

Нам сменили аэрофлотовский самолёт на самолёт с кенгуру, дальше было «Fasten belts!», и — вперёд на юг! Примерно час летели нормально, но потом Коля опять заскучал, заворочался в кресле и ко мне:

— Вова! А может — по пять капель, раз уж смолить нельзя?!

А у меня как раз с собой (тогда ещё погранцы не особо пили кровь при досмотре) в ручной клади тихо спала пляшка

«Рябиновой на коньяке», коя была тут же извлечена и уже готова была к скромному разлитию… Как вдруг коршуном подкравшаяся стюардесса возраста «поздний Бальзак» что-то гневно пророкотала и… моя «Рябиновая» оказалась у неё в руке. Откуда и не вернулась.

И тут Коля упал духом во ВТОРОЙ раз.

— Да-а-а! — протянул он. — И за что ТАКУЮ газель держат в стюардессах? Наверно, за её нюх! Или идут на рекорд имени товарища Гиннесса! Мол, единственная в мире стюардесса, лично знавшая королеву Викторию.

…Я оставил Колю упражняться по поводу биографии мегеры, а сам отправился к ней с достаточно хамской целью выяснить, употребит ли она мою «Рябиновку» САМА или всё ж таки поделится с экипажем по прибытии в Мельбурн. И тут, как это порой бывает в экстремальных ситуациях, ко мне на помощь пришёл… английский язык. Да-да, тот самый английский, благополучно забытый после школы и вуза, но который вдруг неожиданно сам по себе возник из глубин сознания. И на котором я довольно понятно стал излагать «девушке» свои претензии.

— Мадам, — сказал я, — вы достаточно дерзко подошли к двум джентльменам, которые являются алкоголиками-ПРОФЕССИОНАЛАМИ высочайшего класса, которым доверено защищать честь своей страны в Высшей Алкогольной Лиге (это что-то наподобие вашей хоккейной НХЛ) и у которых вы отобрали пляшку РОДНОГО национального напитка.

…Ну и дальше — в таком же духе. Мегера выслушала меня молча, потом вдруг… улыбнулась. И сказала примерно следующее:

— У нас в авиакомпании действительно запрещено употреблять спиртное. Но только принесённое с СОБОЙ. А для господ алкоголиков у нас на борту есть ШИРОЧАЙШИЙ выбор самых различных напитков из разных стран, в том числе и ваша «Столичная». И всё это — «FRE-E-E-E-E!» (перевожу для малограмотных: «ФРИ» по-английски означает «ХАЛЯВА!»).

Ну не мог же я прийти к Коле и вот так вот просто прояснить ситуацию!

Я подошёл к его креслу с уставшим видом типа «Хрущёв после переговоров с Никсоном» и сказал, отдуваясь:

— Ну, стерва попалась редкая! Но ты ж меня знаешь, Колюня, своего другана-фулюгана! Я ж и мёртвого уболтаю! Дывысь!! — и я широким жестом распахнул перед опешившим Колей вид на проход, по которому важно шествовала «подружка королевы Виктории» с подносом, уставленным горой бутылок.

«Девушка» не соврала мне: тут были и «Чивас», и «Мартини»,

и «Курвуазье», и… А венчала всё это безобразие наша родимая «Столичная», как положено — потная и со слезой.

Дальше приятно изумлённая публика наблюдала радость дегустирования всего ЭТОГО двумя слегка помятыми джентльменами и, возможно, печально удивлялась ёмкости наших желудков и выносливости печени. И это был ЕДИНСТВЕННЫЙ случай, когда Николай ни разу не вспомнил о своей любимой «Приме».

Ну а то, что мы по прилёте в Мельбурн оставили в самолёте Колину дорогущую гитару и мой концертный костюмчик, кои нам позднее нашли, так это всё — мелочи. Главное, что когда летели — ХОРОШО СИДЕЛИ!

А вот когда УЛЕТАЛИ из Австралии — вот тогда и вляпались ПО ПОЛНОЙ.

Но об этом — в следующий раз!

Костюмчик для Караченцова

Ах, Одесса, жемчужина у моря! Сколько светлых (и не очень светлых) голов ты дала миру! Здесь нельзя просто так, к примеру, плюнуть из окна трамвая, чтобы не попасть в папу будущего Сильвестра Сталлоне или в тётю будущей Патриции Каас. А сколько будущих Ойстрахов с завидной настойчивостью пытаются перепилить свою «скрЫпочку» с помощью смычка и папиного ремня… И ведь получаются! И Ойстрахи, и Майклы Дугласы…Кто не верит, копните биографию любой голливудской звезды, и шо вы получите в графе «Родители»? Конечно же — «родом из Одессы»! Только в Одессе скрипачи из Оперного, заполняя анкеты на забугорные гастроли в графе «Национальность» гордо писали «ДА!» И это, между прочим, — в застойные годы!!! Только одесситы могли при упоминании Грегори Пека позволить сказать, «шо у Грегори, а по-нашему Гришки, Пекермана батя был шумным босяком „з-Пересыпи“, а мамка… так ещё „та“ была, шо и не понятно, от кого и сам Гришка-фраер».

Н. Караченцов — почётный вождь маори. *Новая Зеландия*

Так что не надо этому крутому Киеву выпендриваться, типа «опа-НА — столица!», мы тут сами знаем, где что…

Я припомнил это, когда однажды судьба забросила меня вместе с Колей Караченцовым на край света, аж в Новую Зеландию. В числе разных экскурсий у нас значилось посещение местного племени бывших людоедов, 100 % маори, ныне бодро отказавшихся от поедания человечинки и развлекающих туристов танцами, боевыми играми и устрашающим высовыванием собственного языка за все немыслимые пределы.

Ну и что вы сможете сказать, когда во время всего этого «этно-ужаса» один из «людоедов» мне по-свойски подмигнул, и я вдруг отчётливо ВСПОМНИЛ, где мы с ним виделись раньше… Конечно же, это был тот самый одесский сквер возле Греческой, где ВСЕГДА, ещё с незапамятных совковых времён собирались заядлые болельщики, для которых лишь ОДИН вопрос считался РЕШЁННЫМ НАВСЕГДА: это то, что киевское «Динамо» — полное ГОВНО, а вот одесский «Черноморец» — это ЧТО-ТО!

Так вот куда подался ты, одессит-болельщик со стажем!

…Через неделю, уже на концерте в австралийском Сиднее, я вспомнил об этом, но слегка приукрасил. И рассказав о посещении «людоедского» ансамбля песни и пляски, пошутил, что мне, мол, показалось — это «халтурил» заезжий ансамбль евреев из Дрогобыча.

Появившийся за кулисами Караченцов долго не мог понять, отчего «умирает» зал на две с лишним тыщи мест. Я повторил ему хохму… Посмеялись, а уже на следующий день попали в ситуацию, когда, как говорится, «хоть стой, хоть падай».

Принимающая нас сторона решила организовать встречу Николая с самым крутым местным кутюрье, уровня то ли Версаче, то ли значительно выше. Тому сказали, что визит ему нанесёт один из известнейших русских артистов, ко всему ещё являющийся лучшим дружбаном Пьера Кардена… Понятно, что местный «Версаче» подготовился к встрече капитально. И как только мы подъехали к офису, самолично встретил на пороге.

Нужно сказать, интерьер ВПЕЧАТЛЯЛ! Потолки — под десять метров, и сверху донизу — огромные «фотки» супер-пупер звёзд, естественно, в костюмах «ОТ НЕГО». Одних только Майклов я насчитал пять — от Джексона и Джордана до Горбачёва. Уже не говоря о всевозможных Мадоннах, Деми и прочих Мурах…

И тут вынесли костюмчик для Караченцова… Ослепительно белый, из тончайшей шерсти. Это было, как говорят в Одессе, — «ЧТО-ТО!»

Коля одел его, и это тоже было — «ЧТО-ТО». Прикид сидел как влитой на спортивной Колиной фигуре и понижал возрастную планку лет на …надцать, одновременно повышая статус Коли как сексуально, так и социально. Он подошел к зеркалу, глянул, и клянусь, Коля никогда ТАК себе не нравился, как сейчас, в этом шедевре.

…Восторг продолжался до той минуты, пока кто-то негромко проинформировал нас о ЦЕНЕ костюмчика… А шо ж вы хотите — самый ЗНАМЕНИТЫЙ русский артист в гостях у самого ЗНАМЕНИТОГО австралийского кутюрье. Это ж западло, как говорят в Одессе, экономить на шнурках, когда — ТАКИЕ ЛЮДИ. В общем, чтоб вас не мучить, поясню: стоимость костюмчика равнялась ПОЛОВИНЕ Колиного гонорара за тяжкий труд на просторах Новозеландщины и Австралийщины в течение трёхнедельных гастролей.

Сказать, что цена Колю впечатлила — ничего не сказать! Обычно скромный на внешние проявления как восторга, так и ужаса, Коля заметно изменился цветом лица и стал похож на Гарри Каспарова, получившего мат на пятом ходу от дебила-любителя. Он посмотрел на меня, и я понял, что друга надо выручать. И немедленно!

С Н. Караченцовым в Австралии

— Коля, — сказал я, — а вот тут — МОРЩИТ!!! Ну-ка согни руку! … И Коля НЕМЕДЛЕННО согласился, мол, костюмчик — класс!! — но… вот тут МОРЩИТ! (Хотя ничего и не морщило.)

«Версаче» засуетился так, словно его уличили в неуплате налогов. Немедленно нам было «опубликовано» ещё с десяток (один лучше другого!) костюмов, но… как назло, все они, если не «морщили», то какой-нибудь «непорядочек» к нашему огромному «огорчению» находился.

— А всё потому, что фигура у меня нестандартная, — «бідкався» Николай (хотя всю жизнь шлифовал её теннисом и танцами). Я с ним охотно соглашался, поддакивая, мол, если б вот заранее организовать индивидуальную примерку и всё такое…

Нужно было срочно «выходить из окружения», да так, чтобы и хозяина не обидеть, и самим не разориться на десяткотысячедолларовый прикид. Я отправился бродить по салону и после основательного «шмона» набрёл на рубашоночку всего… долларов за шестьсот. Дешевле у «Версаче» не нашлось.

И тут случилось чудо! Рубашечка так «подошла» к Коле, что мы взяли её даже БЕЗ ПРИМЕРКИ!

— Вова, с меня бутылка, — сказал мне Караченцев на выходе тихо. — Ты спас сегодня русского артиста от позора и дурацкой растраты.

— Значит так, Колюня! С завтрашнего дня — только СЕКОНД ХЭНД, и только — со мной! Подожди, я мигом!

Я вернулся в салон к «Версаче» и спросил, преодолев природную скромность, не знает ли Маэстро о существовании такого замечательного города, как Одесса.

— Ну как же, — ответил он, — это же родина моей прабабки!

Больше у меня вопросов не имелось… Я был горд за «Версаче», за Одессу, за спасённого Колю и за себя, находчивого пацана.

Вроде бы и всё. Но это были только ягодки, а главный «облом» был ещё впереди.

Но об этом — «иншим разом»…

Как мы с Колей Караченцовым с Австралией прощались

Итак, заключительная байка из серии «Австралийская „опупея“».

Настал день нашего отлёта из гостеприимной, но слегка сонной Австралии. Позади остались концерты в Мельбурне и Сиднее, перелёт в новозеландский Окленд и очаровательно пахнущая сероводородом деревуха Ратаруа, где в местном отельчике Коля умудрился… обжечься ОДЕЯЛОМ. (Нужно сказать, что, по местным меркам, мы были в разгаре зимы (т. е. в мае) и нам были выданы спецодеялки с подогревом. Коля, как человек доверчивый, «врубил подогревчик» так капитально, что с утра с большим удивлением обнаружил себя любимого… в крупных, как у жирафа, пятнах по всему телу. Чем я незамедлительно воспользовался и с присущим мне ехидством осведомился: а были ли у друга на сих гастролях незапланированные контакты с маорийками, аборигенками или прочими очаровашками из местного бомонда. Получив категорическое «нет», я великодушно предположил, что пятна сии, очевидно… трупные. А учитывая «пожилой» Колин возраст (ему тогда было где-то за полтинник), это, на мой взгляд, выглядело вполне правдоподобным. Николай «театрально» возмущался, хотя и выглядел слегка озабоченным. Потом появился наш «новозеландский босс» (тоже Николай), взглянул на таймер и пошутил, мол, ещё часок сна «под такой температуркой», и можно уже было бы не заказывать шашлычки в номер!

…Ну, всё это осталось позади. Заключительные капитальные (я подчёркиваю это слово!), почти до рассвета, посиделки в Сиднее с нашими менеджерами, пробуждение в соответствии с народной мудростью «утро добрым не бывает»…

Погрузили заметно прибавивший в весе багаж в две «тачки» с русскоговорящими водилами и как-то легко, не придавая особого значения, уселись: Коля — в машину, где был МОЙ багаж, а я — во вторую. Мой водила звался Мишей, родом из Днепропетровска,

и, как сейчас помню, я всю дорогу шутил, что «Днепр» поставляет в Москву генсеков, а в Австралию таксистов. Наконец — аэропорт. Караченцов по-товарищески выгрузил ВСЕ мои вещи из такси, ну и я тоже… по-товарищески. ВСЕ ЕГО ВЕЩИ. Из салона… Машины стартанули и исчезли за поворотом.

Игра на аборигентской флейте. *Австралия*

— Вова! — вдруг особенно тихо сказал мне Коля. — А где мой кофр с вещами и гитарка?

— Да вот ВСЁ вынес, что было в салоне!!! — бодро ответил Вова (т. е. я).

— А в БАГАЖНИКЕ ты смотрел???

— Как, а что?! Было ещё и в багажнике??? — что-то противно липкое стало заползать вовнутрь, вытесняя кайф ночной посиделки и поездки в целом.

— Да так. ПО МЕЛОЧАМ… — ответил вмиг поникший Коля. — Весь мой «австралийский» гонорар, гостинцы домашним, концертные костюмы и главное, БИЛЕТЫ на самолёт.

…Про себя я механически «прибавил» к Колиным «мелочам» ещё и гитарку «Овэйшн» за восемь «штук» у.е., тоже оставленную мной «по-товарищески» в багажнике… Получалось — ОГО-ГО!!!

Большего позора в моей весёлой концертно-гастрольной жизни ещё не случалось. Как сейчас помню, в голове колотилась одна только мысль: «Да за такое убить на месте, и то малым покажется!»

… В следующее мгновение я рванул с места позора вослед давно исчезнувшему такси. Если бы со мной в паре тогда

стартовал олимпийский чемпион Валерий Борзов, то остался бы далеко позади. Я нёсся непонятно куда, непонятно зачем, а в голове почему-то тикало, что в Сиднее жителей несколько миллионов, а таких вот такси — как блох на собаке…

До регистрации оставались минуты, наш импрессарио Гарри Волк с убитым лицом подсчитывал предстоящие неплановые расходы на новые билеты, бледный Караченцов звонил в Москву, т. к. мы уже не успевали на сегодня, а это означало самое СТРАШНОЕ для Коли — отмена завтрашней «Юноны». Мало кто знает, что для актёра Ленкома это — смертный грех!!! В театре Захарова уважительными считаются ТОЛЬКО — болячка или, упаси Господь, кончина. Всё остальное — РАССТРЕЛ!!!

Австралийские гастроли с Караченцовым. *1996 г.*

Ну а я, к тому времени с тихим позором вернувшийся, мог служить только моделью для скульптуры Родена «Павлик Морозов получает гонорар за свой подвиг».

…И вдруг (о это счастливое «и вдруг»!!!) появляется «мой»… МИ-И-И-И-ША!!!

Тот самый водила из «Днепра», который самым НЕВЕРОЯТНЫМ образом ВДРУГ решил на первом же перекрёстке ПРОВЕРИТЬ содержимое багажника. И обнаружил!!! И развернулся!!! И — обратно — в аэропорт!!! …И жизнь стала возвращаться к бледному Караченцову, и ламанул в буфет наш Гарри Волк за литрухой виски…

…Мне до сих пор неясно, КАКИМ усилием Коля сдержал себя тогда со мной. Я бы, слово даю, так не смог.

Но всё было только началом «кровавой» эпопеи под скромным названием «Любовь к тарелочкам, или Паника в

Сингапуре».

А дело в том, что от Люды, Колиной жены, я заразился страстью к собиранию сувенирных тарелок, тех, что висят на кухонных стенках, вызывая приступы нездоровой зависти у гостей. Типа «мы из своей Малаховки носа никуда высунуть не могём, а вы тут по Борневам да по Парижам раскатываете, буржуины!».

И пока Колюня, вцепившись, как дитя малое, в новообретённый кофр и гитарку, проследовал в салон самолёта, я побежал искать заветную тарелочку. И нашёл, и встал в нехилую очередь, и уже предвкушал, ГДЕ вобью на кухне гвоздочек для сиднейского сувенира…

И отчего бы Коле спокойно не сидеть-ожидать меня в уютном кресле 1-го класса, посасывая виски и обнимая нашедшуюся «радость»… Ан нет, встал, также со своим кофром и гитаркой, и пошёл искать друга обратно в терминал. Вышел, поискал, не нашёл, только сунулся обратно: ОП-ПА! Ныззя! С гитаркой — нет проблем, а кофр — пожалуйте в багаж! Коля им: да токо ж вот пропустили! Вы же! В салон!..

А они ему, деловито так, по-австралийски: ныз-зя, вам сказано! И точка! Освободите проход!

…Ну был бы я рядом в момент перепалки, точно бы уболтал — заговорил, но, как назло, в это же самое время в другом конце зала подошла моя очередь и продавщица стала неспешно заворачивать «мою» тарелочку. Делала она это так тщательно, словно это был подлинник да Винчи или очки Леннона. На мои просьбы и даже крики типа «ноу тайм! Квикли!» она тупо никак не реагировала. И я представил, что, возможно, в свои молодые годы она халтурила где-нибудь в провинциальном гестапо, так же неспешно откручивая пальцы подследственным. Дело кончилось тем, что я гавкнул на неё типа «А ну щя дай сюда-а-а!» и с корнем выдрал свою тарелку.

Новая Зеландия. Гейзеры. *1996 г.*

Смех смехом, но я подрулил в аккурат к самой кульминации скандала, когда посадка уже заканчивалась, а Колю продолжали с тихим упорством тормозить.

— Колюня, да чё тут упираться, сдай ты этот многострадальный «кошелёк» в багаж! А в Сингапуре на пересадке мы его и заберём в салон. И всех делов! (После купленной тарелки все всемирные проблемы казались мне парой пустяков.)

— Йес, йес!! Ноу проблем!! — охотно поддакивал местный «тормоз» на входе.

— А если не удастся в Сингапуре?? Вова, ты ж знаешь, какие ворюги в Шереметьево!

— Колюня, да какие могут быть у тебя СО МНОЙ проблемы?! — Купленная тарелочка уже вовсю грела душу. — Да я кого хошь уболтаю что в Сингапуре, что в Кобеляках. Не ссы! И пошли в салон похвастаюсь покупкой.

Что оставалось Коле, кофр был сдан в багаж с пометкой «до Сингапура», мы прошли в салон, но по озабоченному Колиному лицу было видно, что доводы мои ему — не очень…

Семь часов лёта пролетели лЁгко «под пивко-вискарик», вот уже и сингапурский аэропорт. Вышли, я говорю:

— Ты покури, а я пока смотаюсь за твоим многострадальным…

Времени в запасе не так много, терминал здоровый, я туда ткнулся, сюда. К этому, к тому. Никто толком ничего не знает. Кончилось всё тем, что какая-то добрая душа посоветовала найти представительство «Аэрофлота», и тут я себе: «Ну ты, Вовик, дурак! Нет чтобы сразу допереть — в „Аэрофлот“, там же НАШИ

девоньки служат, сразу все проблемки и решатся!»

Стал искать. Вижу надпись «AEROFLOT», подбегаю, сейчас, думаю, нашей красавице из агентства чё-нибудь по юмору «вотру» да ещё пообещаю с самим Караченцовым отзнакомить.

Только — опаньки! Сидит в российской формёночке, под российской вывеской «Аэрофлот»… плосколикая такая себе дочь Востока и, щуря в улыбке глазки-щелочки, говорит мне: «Сяо-мисяо!»

Вижу: д-а-а! и юмор мой тут — не в тему, да и Коля ей — «глубоко по барабану». Ёлы-палы! Стал на своём «английском-со-словарём» объяснять суть проблемы, а она… «Сисяо-писяо»… и точка! В общем, жуть сплошная…

Австралия. Сидней. *1996 г.*

Я и раньше слышал, что в экстремальной ситуации у людей зачастую просыпаются такие таланты, что и в мыслях нельзя представить. Слышал, но не очень верил. Ну а тут вдруг на меня как накатило… и ПОПЁРЛА из меня такая уйма английских слов, оборотов и выражений, о которых раньше и не знал вообще.

В общем, пробил я эту «китайскую стенку», и после очередного «сисяо-пусясяо» девуля вдруг на ломаном английском дала информацию, что багаж наш, вероятно, находится… ЗА ПРЕДЕЛАМИ зоны, возможно, даже в отделе… «Забытые вещи». И наконец, самое «весёлое»: Я НЕ СМОГУ туда попасть, потому как не имею ТРАНЗИТНОЙ визы. А это может означать только одно — Колин кофр с гонораром и прочая будет пылиться на полочке до нашего… следующего приезда. Я чуть не поседел вторично за день!

Но в экстремальных ситуациях (читай выше)… и я, с отчаяньем будённовского рубаки рванул на приступ будочки с таможенником. После сторазового «нет!!!», после всех доводов,

что без визы «низззя!», местный щупловатый погранец… сдался и пропустил. Без визы, с паспортом, гражданским, где подольская прописка, оставленным в залог «этим сумасшедшим русским». (Там для них мы все — русские. Ну не знают они наших тонкостей-нюансов…)

…И что вы (как говорят в бессмертной Одессе) себе думаете?! Лежит, я бы сказал, «внаглую» Колин багажец. В отделе забытых вещей. С прицелом на ближайшее столетие…

В общем, вернулся я, как говорят, «с победой», да ещё хватило наглости сказать страдальцу:

— Ну что, Колюня! С тебя бутылка!!!

А у Коли хватило мужества ВТОРИЧНО в течение дня сохранить мне жизнь. Вот такие есть на свете друзья у некоторых.

Сто тысяч на ветер

Лет …надцать тому мой товарищ и кинорежиссёр Витя Василенко запускался с новой картиной под рабочим названием «Срок проживания окончен». (В дальнейшем она приобрела более загадочно-игривое название «Кошечка».) Фабула заключалась в следующем: некий простой провинциал-учитель уже порядком лет втайне от «жаны», детей и общественности ВЛЮБЛЁН. Тайно и безнадежно в некую девицу, которая прошла нелёгкий путь от школьницы с вечно-в-чернилах пальцами до успешной путаны, что живёт, ни в чём себе не отказывая, поскольку: А — «хороша чертовка!!» и Б — имеет на плечах голову, а не ведро под причёску. Короче, наш тайный воздыхатель решается наконец ОТКРЫТЬСЯ, предварительно продав своё авто, дачу и плюс кое-что подзаняв у друзей.

Итого, на сто тысяч полновесных тогда совковых рублей. А это, при цене тогдашнего доллара в… шестьдесят копеек выглядело очень даже нехило. На роль экс-школьницы пригласили талантливую Лику Неволину из Питера, а вот на роль бедолаги-учителя Василенко попросил меня уболтать Колю Караченцова как близкого мне человека. И, зная, что Коля по жизни всегда является душой любой компании и посидеть с ним — настоящий кайф, Витя-режиссёр уже «развесил» виртуальные слюни, предвкушая будущую поездку на съёмки в Дагомыс, где всё будет «ляля», и работа с Мастером, и вечерние посиделки…

Хочу сразу сказать, что я порушил ему всю вторую половину «ляли», поскольку на первый же вопрос Караченцова — сколько времени займёт съёмочный период? — ответил:

— Ежли не будете гулевасить с группой по вечерам, можно будет уложиться недели в две.

Коля сверил свои планы, нашёл нужное «окно» и дал мне «добро». И тут я совершил форменное предательство по отношению к Витьку, сказав:

— Коля! Просьба только одна: ты приезжаешь в Дагомыс и объявляешь по группе ПОЛНЫЙ «сухой» закон. И только так вы уложитесь в срок! А то ведь Витёк не хуже нас с тобой любитель «посидеть-побулькать-потереть!»

Звоню в Киев: Коля дал добро! В группе — радость немыслимая, что такого «жирного» актёра заполучили, смотрю — упаковка идёт по полной, «водовки-конинки» немеряно, как в эвакуацию, берётся, закусь в поезд и далее, в общем, подготовочка ко встрече с Мастером капитальная…

Но только приехал «душевный» Коля и, собрав всю группу, объявил, ежли от кого-либо «только УЧУЕТ!!!», и неважно, КОГДА и ГДЕ… НА съёмках, ПОСЛЕ съёмок — сразу билет на рейс до Москвы и — «до сидання!».

Группа пребывала в шоке, весь «киренский» в холодильнике затянуло паутиной, но и работка шла споро. Уже отсняли сцену в койке, когда Коля голяком и в номер стучит официант, и (условие поставил жёсткое — снимать только сзади. Только попу — и всё!!! Но ушлый режиссёр умудрился второй камерой отснять Колюню и СПЕРЕДИ во весь рост, хотя клялся-божился, что снимает ДО ПОЯСА, а сам, шалун, «светанул», что называется, ПО ПОЛНОЙ. А поскольку снимали не видео, а на плёнку, стоит ли говорить, что вскорости все кадрики-срезки дублей с «передним» планом Коли разошлись по всей женской половине группы, а по приезде в Киев — и по всей студии. Ну, это всё мелочи по сравнению с тем, ЧТО придумал Витя-режиссёр. По сценарию, Колин герой снимает «президентский» номер в супер-пупер отеле, приводит туда героиню своих эротических снов, следует душещипательная сцена признания, в итоге которой сердце путаны не выдерживает… Она рыдает, он продолжает терзать ея и себя накалом страстей, наконец у него в руках появляется увесистый свёрток с «бабками», и, после фразы:

— Да! Я знаю, КТО ты, и хочу оплатить твой нелёгкий труд по тарифной сетке. А шобы не думала, мол, отыскался тут ещё один на халяву! — так получи же НАЛИЧНЫМИ всю мою любовь!

Она, рыдая, отдаётся нашему «Ромео», но всё это время внутри у ея происходит непрерывный катарсис, а по-нашему, очищение души, и вот, в аккурат после ЭТОГО вот самого, она и говорит:

— Да что мне, в конце концов, твои бабки?! (Типа, значит, не

бумажки главное, а «чуйства».)

— Я тебя и затак любить буду, а бумажонки можешь выбросить!

(Я подозреваю, что автор сценария одним глазком подглядел ту сцену в «Братьев Карамазовых», где Настасья Филипповна палит в камине свой вероятный гонорар. Подглядел — и не удержался…)

В общем, Коля типа в шоке, как это зафигачить сто тыщ с пятнадцатого этажа вниз, а нашу школьницу-путану уже клинит: кидай — и ВСЁ!!! Люблю тебя такого, как есть, с голым задом…

А нужно сказать, что группа у Вити Василенко подобралась толковая, и «соточки» с Ильичом отксерили только ТАК! И Валюша Павлов, тогдашний Минфин, не определил бы подделку, так классно сработали. А поскольку эпизодик могли по понятной причине отснять только ОДИН раз, то и камеры установили тщательно, и ветра соответственного дождались, чтобы поэффектнеее разлетание было.

«…Камера! Мотор! Коля, дава-а-ай!»

И киданул Караченцов СТО ТЫСЯЧ рублев с балкона ПЯТНАДЦАТОГО этажа гостиницы в Дагомысе, и полетели «бабульки», разносимые ветром по окрестным улицам, и завизжали тормозами машины, и ламанула толпень отдыхающих на невиданную халяву, и размели весь стотысячный «фальшак» в момент!

Часть денег стала опускаться на бассейн, в котором одиноко плавал гордый представитель грузинского теневого бизнеса. Увидев тучу денег, он вынырнул из воды, закричал отчаянно и весело: «Ай, маладЭц!!!» и поднял вверх большой палец.

… А через день в группу ПРИШЛИ. Из учреждения под весёлым названием ОБХСС. Выложили несколько изъятых у населения помятых «соточек» и радостно сообщили, что «вашими „деньгами“ уже вовсю рассчитываются вечерами в барах и на базаре. И не хотите ли вы, господа киношники, „присесть“ по полной за такое „творчество“?!».

И уже вовсю запахло статьёй, и запаниковал директор Валера Сардуддинов, и киданулись ребятки к Караченцову как к последней инстанции, и «врубил» Колян всё своё отшлифованное годами обаяние… и это был ЕДИНСТВЕННЫЙ день, когда метнули из морозильничка на стол потную-со-слезой, поскольку нужно было выручать ребят, и вынулась Колина гитарка, и зазвучал неповторимый темброчек:

— Кленовый лист, кленовый лист, ты посреди зимы приснись…

И прониклись ОБХССники ситуацией, и сидели аж до самого

утра под гитарочку, да под горилочку… Еле их спровадили, всё фоткались да целовались.

А на следующий день по группе объявили ВЫХОДНОЙ.

6
НЕ ИМЕЙ СТО РУБЛЕЙ…

Эх, сколько самого разного интересного народа перебывало у меня «в дому» в разное время! Это ж такое счастье! «При Советах» я почему-то был НЕВЫЕЗДНЫМ. Это типа ДО границы — «Мона!», а дальше — «Ныззя!» И всё тут. И сколько я ни интересовался причиной тормоза у «вышестоящих» товарищей — МОЛЧОК! И где-то уже в разгар перестройки один из «посвященно-номенклатурных» вполне так интеллигентно меня просветил, что, мол, слишком много у тебя, Володя, народу перебывало в твоей коммуналке. КГБ, мол, задралось всех «просвечивать». Я спросил так вполне наивно, а что имелось в виду — может, восстание какое готовили али покушение на Самого Виссарионыча (хотя он к тому времени в гробу как десяток лет отдыхал). «Да нет, просто так, — говорит, — НА ВСЯК случай!»

Со временем весь негатив сдуло ветром иронии, а вот неповторимая атмосфера общения с людьми осталась. Итак, глава «В гостях у Вовы».

Сама у меня в гостях

Джина Лоллобриджида и Армен Джигарханян, Валерий Леонтьев и Олег Блохин, Лайза Минелли и маршал Буденный… С этими и многими другими не менее славными людьми мне пришлось соприкоснуться по жизни. С кем-то ближе, с кем-то, как говорится, шапочно, но посчастливилось…

А. Пугачёва в гостях у Быстрякова. *1986 г.*

Аллу Борисовну (дальше можно не уточнять, какую) ко мне в дом привела моя большая приятельница телевумен Танюша Миллер. Дело было в аккурат после Чернобыля, где у Примадонны случился концерт для ликвидаторов. В тот период как раз у нее вовсю бушевал роман с Владимиром Кузьминым, с коим они и пожаловали ко мне в совершенно жуткую мою коммуналку. А ещё ввалилось пару тысяч всевозможных газетно-журнальных людей, которые со священным трепетом ловили каждое слово, каждое движение Самой, понимая, что История — вот она! Здесь и сейчас. Пока гости неспешно располагались, вокруг моей квартиры возник нехилый ажиотаж.

Перепуганные соседи вмиг ломанулись по своим конуркам, стараясь определиться со своим дальнейшим поведением: то ли сразу — «за автографом и пофоткаться», то ли достойно отреагировать на появление А. Б. типа «мы, мол, тоже здесь не пальцем деланные — вон давеча у нас тут сам Валерка Леонтьев по нужде в два часа ночи бегал, и ничего!..»

Дело было в полдень, зашли «на пятнадцать минут проглотить чашечку кофе», но слегка заговорились… И когда без четверти семь (!) в доме кончилась ВСЯ водка, я запаниковал.

И было отчего. Молодняк нынче не помнит те две магические цифры — 11 и 7. А меж тем, эти цифры в немалой степени

определяли темпоритм жизни миллионов советских тружеников той поры. ВОДКУ начинали продавать в 11 утра и заканчивали в 7 вечера. И всё!!! Потом — только по двойной цене — у таксистов.

…Дверь из квартиры на улицу — настежь, как на похоронах. В парадном и перед домом колышется толпа (не продыхнуть!), на всех подоконниках снаружи приклеена соплячня (благо — первый этаж), со стороны 25-й школы движется педсовет в полном составе со слёзной просьбой «только глазком гляньте на нашу школу», менты, охранявшие живущего через дом Щербицкого, срочно переместились под мои окна (это ж надо — САМА!) и… среди всего этого гармидера — Я, с огромной авоськой на двадцать бутылок, в полном ужасе, что ОПОЗДАЮ в гастроном. И вся толпа, в едином порыве выдохнула:

— Беги, Володя, УСПЕЕШЬ!!!

И успел, и купил, и вся компания едва не опоздала на последний московский поезд.

В памяти остались очень похожие друг на друга (оба тогда кудрявые) Кузьмин и А.Б. и её рука, время от времени случайно касающяяся его, словно проверяя, всё ли ТАМ — на месте.

Блохин, трамваи и концертные туфли

— Знаешь, Вовик, самым первым моим желанием было — дать тебе радостно в морду, — сказал мне как-то Олег Блохин, когда мы уже раззнакомились и чё-то там отмечали. И я тут же его поддержал.

…Ну, дорогой читатель, как я тебя сходу заинтриговал?! Как вам «затравочка»?! — великий футболист хочет «познакомить» личико известного композитора со своим спортивным нехилым кулаком, а он, вместо того чтобы бежать жаловаться в «Динамо» или ФИФА, охотно соглашается с Олегом… Ну а как бы вы поступили, если вдруг в вашей семье откуда-то появляется какой-то пацан типа «композитор», увозит вашу дражайшую супругу каждый вечер в десять-одиннадцать вечера, а возвращает… аж в четыре часа утра!!! Ну, ладно бы ещё единожды, но когда это превращается в СИСТЕМУ!!!

Понятно, что Олежек первое время проявлял удивительную спортивную выдержку и не копырхался по поводу странных исчезновений любимой Ирины, зная, что у той работы как всегда — по горло, вечные тренировки и всё такое… Но однажды легонько поинтересовался, «а что это, мол, за поездки с

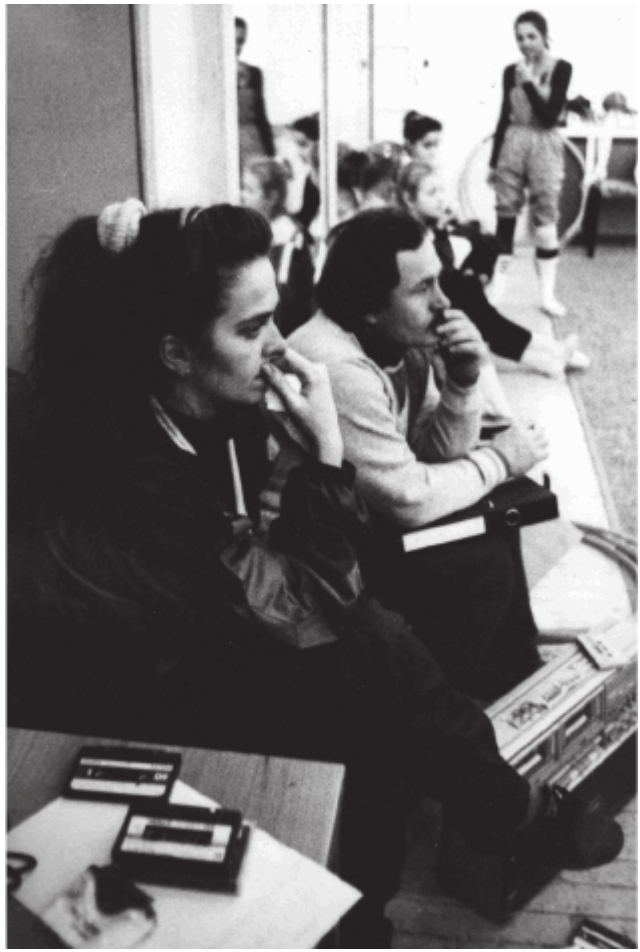
незнакомым мне „мачо“, да — по ночам, да — до утра»?!

На что жена совершенно спокойно ответила, что незнакомый пацан — это композитор Володя Быстряков, что по ночам происходит запись композиций для художественной гимнастики в студии фирмы «Мелодия», а то, что возвращается в четыре часа утра, так это оттого, что ждём… пока ТРАМВАИ ходить перестанут (?!!).

Я уверен, что ЛЮБОЙ бы муж (включая и меня самого!) после такого «объяснения» учинил бы с Любимой то, что не сотворял «Содома со своей Гоморрой». Но надо отдать должное Олегу — наработанные с помощью великих тренеров нервы выдержали! Собравши всю волю в кулак, был задан самый ГЛАВНЫЙ вопрос. Про ТРАМВАИ, которых с нетерпением ждут, чтобы те наконец перестали хОдИТЬ!

Не буду терзать Вас загадками — причина оказалась достаточно обыденна. Студия «Мелодии» располагалась тогда в Дарнице, в ДК радиозавода. А рядом проходила трамвайная колея, и понятно любому музыканту, что вибрация от трамвайных колёс передавалась на чуткие микрофонные «ушки». И потому в ожидании полной тишины мы сидели, чаёвничали с легендарным звукорежиссёром Юрой Винником и с Ириной Дерюгиной.

А тишина наступала где-то около часа-двух ночи. И мы включались.



С Ириной Дерюгиной

…Прошло какое-то время, Ира познакомила меня с «ревнивцем», стали дружить семьями. И понятно, что если люди длительное время общаются, то и случаи всякие происходят. Ну это у всех так.

Как-то Ира укатила на очередные соревнования, а Олег в аккурат вернулся со сборов. Ну и решили встретиться. Позвонили двум-трём друзьям, вызвонили Женьку Паперного, взяли пивка +закусь… А у меня как раз в тот вечер был где-то концерт, и я подзапоздал. И с концерта приехал уже когда пивко было вскрыто, а вся компания «умирала» от «паперных» анекдотов.

Олег открыл мне двери, а сам побежал дослушивать очередной Женькин «шедевр».

Нужно сказать, что я приехал с концерта в сапогах (поскольку был уже декабрь), а свои лакированные концертные туфли поставил под вешалку. И пошёл в комнату, где уже вовсю ржала

честная компания.

Пара-тройка часов пролетела незаметно, и мне нужно было закругляться, т. к. на следующий день я улетал на гастроли. Я «свалил по-английски» тихо, дабы не нарушать общий кайф… И как-то подзабыл о своих концертных «ботах», что сиротливо остались стоять под вешалкой.

Олег мне позже рассказывал, что Женька «иссяк» часам к трём ночи и остался ночевать. А с утреца как раз и обнаружились мои «тапочки», скромно стоящие в коридоре. Поняли, что я не ушёл, а где-то ночую в квартире. Стали искать.

«…Вова! Вова!..». В комнатах — нету, выскочили в парадное, поорали там, не поленились проверить ВСЕ десять этажей (а вдруг Вовик по пивку перебрал и теперь досыпает где-то на этаже «по-пролетарски»…) Заглянули в лифт, проверили возле мусоросборников — нет Вовы!!!

И вдруг Женьку осенило: «А может Вовчик так энергично „выступил“ вчера по пиву, что… БОСИКОМ??? Домой?! Вот ИДИОТ!!!»

Выглянули в окно, а там… ёлы-палы! снегу — ПО КОЛЕНО!!! Ламанулись к телефону, звонят мне:

— Вовчик, ты что?! Ноги поморозил?!!

… Я сразу не «врубился»:

— Какие ноги??

— Да свои!!! Ты ж, алкоголик, умудрился БОСИКОМ с Печерска аж на Подол дотоптать!! Не зря ж говорят — пьяному море по колено!

Тут я наконец вспомнил про забытые «боты», но, чтобы доставить друзьям «полный пакет удовольствий», сообщил, что шёл не пешком, мол, помогли знакомые менты и на «бобике» довезли аж до хаты.

А впереди уже маячил Новый год, а там ТАКОЕ случилось!!! Но об этом — в следующий раз.

Дело в шляпе

Есть в Киеве замечательный мужик — хохотун, хлебосол, душа любой кампании. Архитектор Серёжа Бабушкин. Года четыре подряд мы собирались у него дружным коллективом, во-первых, потому как он — хлебосол, а во-вторых, у него была САУНА!

А там, где сауна — там и биллиардец, и рояльчик в зальчике имелся, и жёны-цокотухи тут же за столом: ля-ля-тополя…

Одним словом, натоптали мы к Серёже дорожку, и очень, я вам скажу, качественно убивали время по средам и субботам.

Естественно, у кого имелись в приятелях всякие там знаменитости, то — милости просим-с к нашему, т. е. к Серёжиному, шалашику!

Я забыл сказать, что по степени производимого Серёжей шума он уступал разве что «Боингу-767», идущему на посадку. И неважно, в каком виде этот шум производил: это могло быть пение, к которому Серёжа имел слабость, или реакция на анекдот, или… Главное, что это было громко и — от чистого сердца.

В этом плане (по части производства децибел) с Серёжей мог посоперничать только Евгений Васильич Паперный, красавец, остряк, любимец Романа Виктюка и уймы киевских театралок-психопаток.

Извините, что так подробно — о шумных хлопцах, но это обстоятельство сыграло в нашей истории важную роль.

Итак, очередная суббота, очередная знаменитость в гостях… На сей раз — сам Михаил Сергеевич Боярский, и у наших дам, естественно, в мыслях ОДИН вопрос — будет ли Михаил Сергеевич париться в сауне в своей знаменитой шляпе или всё ж таки наконец-то снимет?!

А тут, как на грех, кто-то из гостей приволок с собой КАРАОКЕ. Тогда это было в новинку, и все сразу облепили чудо техники.

Естественно, наш гость попросил поставить что-нибудь «из Боярского». Нашли фанеру «Зеленоглазого такси», публика устроилась поудобнее, предвкушая «живое» исполнение, так сказать, в оригинале. Ну и понятно, интрига была, КАК ОЦЕНИТ машина пение САМОГО!

Прозвучало вступление… Михаил Сергеич легко, без напруги спел (чо там петь-то!) — и все уставились на экран… А ТАМ!.. 60 баллов, и написано: «Неплохо. Можете петь лучше!»

Наступила неловкая пауза, и кто-то сказал:

— А! Машинка-то неверно оценила. У неё, наверно, выше и оценки-то нет!

— А ну-ка дайте микрофончик! — возник тут Бабушкин. — Женя (это — к Паперному) подтяни мне вторым голосом, ты ж эту песенку знаешь?!

…Как «вжарили» хлопцы это самое «Зеленоглазое такси», так аж люстра задзереньчала…

Посмотрели на экран, а там — 100 баллов и надпись — «Очень хорошо поёте!!!»

Михаил Сергеич слегка напрягся…

— А поставьте-ка «Ап! И тигры у ног моих сели! Ап! И ноги отдельно лежат!»

Поставили, спел. Получил свои 65 баллов и …«У вас получается уже лучше. Нужно трудиться!»

Хлопцы слегка «добавили» во время «боярского» исполнения и уже ощущали в себе кураж, типа «сейчас всех порвём».

…Та же песня, та же фанера, только на этот раз заголосили ещё разухабистее и с повышенным содержанием децибелов. Получили свои 100 баллов и похвалу от машины «Так держать!!!» На Боярского публика старалась не смотреть.

— Ладно! — сказал он. — Ставьте «Пора-пора-пораду-емся!» Щас таки спою назло этой железяке или… УЙДУ ИЗ ПРОФЕССИИ!!!

— Ну, что?!! — спросите вы. А ничего. Спел, получил свои очередные 60 баллов и совет от железяки «Совершенствуйтесь в вокале!!!»

… А наши ошалевшие от собственного таланта хлопцы вгатили по соточке, да — по песенке!

Получили очередную порцию похвалы типа «Лучшие певцы мира!!!» и пошли в парную.

Вместе с Боярским. Из профессии он тогда не ушёл, а чего уходить-то — у них там все сплошь грозятся, вон Кобзон уже лет пять тому сцену целовал — прощался… а как ни в чём не бывало голосит-поёт…

Что касается данного случая, то тут, видать, в машинке караоковской свой секретик имелся. «Наша», видимо, «тащилась» от того лихого отчаяния, с которым дуэт Паперный — Бабушкин разделывал «боярский» репертуар. Неважно, что в ноты не попадали. Главное — надо петь «как в последний раз».

… А свою знаменитую шляпу он-таки в парной СНЯЛ!

Валерий Леонтьев и «скорая помощь»

А ещё был как-то случай в очередной приезд Валеры Леонтьева в Киев. Он тогда был жутко популярен: девчонки с ума сходили капитально, да и мужики ревновали Валеру к своим Людам и Таням не без основания, потому как Валерин экзотический имидж да ещё плюс голос, да «прикид» нестандартный не оставляли им, мужикам, никаких шансов.

Куда уехал цирк (с Леонтьевым). *1982 г.*

Итак, дворец «Украина»… До начала концерта — минут десять, как тут у Валеры сводит судорогой ногу, да так, что ни то что по сцене гасать, а и стоять нельзя. Естественно, тут же подсуетили «скорую»… Валера, скорчившись, кое-как стоит в дворцовом предбаннике, ожидая помощи, концерт, понятно, не начинают, а за окном колышется тысячная толпа, которой посчастливилось лицезреть кумира «живьём» за стеклом, а не на сцене…

В общем, подъезжает «скорая» — а пробиться невозможно: толпа напирает, кто-то пустил слух, мол, с кумиром плохо… Людей прибывает, машина сигналит, словом — весёлый дурдом!!!

Ну, кое-как пробились медики к крыльцу, вышел из машины молоденький доктор — и сразу к Леонтьеву!

Толпа напряглась, стали, затаив дыхание, ждать вердикта… Доктор раскрыл журнал, одел очки, достал ручку:

— Фамилия? (спрашивает у Леонтьева.)

Тот слегка удивился, но вида не подал:

— Леонтьев, — говорит.

— Имя?

Ну, в то время массового леонтьевского психоза спрашивать у стоящего перед тобой Валеры «как вас зовут» — всё равно что не узнать стоящего на трибуне Брежнева…

— Валерий, — отвечает.

А толпа передаёт от ближних к дальним каждое слово и начинает тихо шизеть по поводу, что, мол, полного м. дака прислали на «скорой». А тот как ни в чём не бывало продолжает заполнять свой кондуит, и следующий вопрос:

— Профессия?

Тут уже Валера начал тихо ржать, несмотря на судорогу:

— Профессия моё — ПЕВЕЦ!

Врач говорит:

— Это значит, вы должны по сцене двигаться?

Валера:

— Ну, вроде бы как!

«Дохтур»:

— Никаких движений, никаких нагрузок — МЕСЯЦ!!! Немедленно — в постель! У вас есть машина или на «скорой»?

С Леонтьевым в студии. Начало 1980-х гг.

Тут, по-видимому, до Леонтьева окончательно дошло, что перед ним редкий «красавец», и Валера резво засопротивлялся:

— Да вы что, не видите, сколько народа пришло!!! А я, значит, на машинку — и тю-тю?! Ну не-е-е-ет! Вы мне обезбольте часа на два, а уж после я и полежу, но только ПОСЛЕ!

Доктор невозмутимо полез в свой ридикюль, вынул здоровенный шприц, заполнил его чем-то и сказал:

— Ну хорошо! Снимайте штаны, обнажите ягодицу!

Толпа за окном ЗАМЕРЛА! Это же надо — такое счастье обвалилось: увидать кумира, да ещё и без штанов!!! Это же потом ВСЮ ЖИЗНЬ рассказывать да рассказывать!

Ну надо знать Валеру: чего-чего, а комплексов у него отродясь по этому поводу не имелось — как ни в чём не бывало снял брюки, плавки… И дал врачу завершить его «сольный номер». Девушки за окном стояли, как часовые перед Мавзолеем, боясь шелохнуться и пропустить исторический момент…

…Позже я спросил Валеру, как он реагирует на то, что кто-то его не узнаёт. Ответ был неожиданным:

— Есть категория жлоба, который прекрасно знает, «кто есть кто», но ему доставляет особую радость показывать «на людях», мол, вот вы все от НЕГО торчите, а я ЕГО — типа «не узнаю» и знать не знаю. Вот такой я крутой «Вася»!

Как Витёк женился

И ещё одна история. И ещё один мой товарищ под названием Витюля. И был он на своё счастье холостым, что не мешало, однако, пару раз в недельку наведываться в Тарасовку, что под Киевом, где жила «аз батьками» зазноба. Назову её условно Галя.

Все Витюлины визиты проходили, как правило, по единому накатанному сценарию: поздно вечером он появлялся в Галином «садку» и тихо крался к заветному окошку, где уже была приоткрыта щеколдочка и теплые Галины ручоночки проворно втаскивали мальчонку в уют девичьей спаленки. Затем до утра — нега, прилушенные стоны и клятвы в вечной аж до самой могилы… После сих страстей, на рассвете, он так же бесшумно — в окно и — на первую киевскую электричку… Естественно, о таком пустяке, как свадьба, разговоров не велось. Да какая там свадьба, когда «таке несамовите та вщчайдушне палке кохання» (дважды в неделю).

Дни проходили за днями, весна сменилась душным летом, подошёл октябрь… а наш Витюля купался в любви, как кот в сметане.

И вот однажды возлегает он в тени большой и белой Галиной груди, и вроде бы уже и линять надо, и слегка пузырёк мочевой намекает, мол, неплохо бы… а ведь так сладко нежиться! И как-то незаметно рассвет подкрался, и «перш1 швш прогорлали»… И

лежит он, и мучается: то ли втихаря, как обычно, через окно и — на первую электричку, то ли минутку-другую ещё покайфовать…

(Скольких честных хлопцев сгубила подобная нерешительность! И наш не стал исключением!)

Представьте себе: сонные серые утренние сумерки, всё село спит, тишина… — и ВДРУГ!!! — Баххххх! Распахиваются двери — и на пороге! — «Батько із матр'ю»!!! с иконами в руках!!! (типа «благославляем!»)

А за ними притолоку подпирают два брата-шкафа! (Ужас!!!)

Наш Витюля росточка был небольшого, размерами соответствовал однокомнатной квартирке хрущёвской планировки. Про таких говорят — уютный мужчиночка… Только успел пискнуть: «А я и сам хотел!!!» — как Галя прокричала: «Согласная я!», а тут и мамка, как полагается «на весшл», зарыдала (типа, значит, «вот и подошло времечко, вот и отдаю свою голубицу Бог знает кому!»).

Вы будете (как говорят в Одессе) сильно смеяться, но живут они вместе и по сей день, наверно, и внучат умудрились за это время отковать и, что интересно, — счастливы! Чего и вам желаем.

Заменитель валидольчика

Несколько лет назад ко мне в гости пришёл мой замечательный друг Армен Джигарханян. С ним был его товарищ — всеми любимый актёр и режиссёр Олег Павлович Табаков. Как всегда, за столом кроме всякой вкуснятины и горячительного наблюдались ещё разного рода анекдоты, байки и случаи из жизни. Табаков рассказал, как несколько лет тому назад, женившись на молоденькой Марине Зудиной, он, в ранге молодожёна, засобирался как-то к ней на дачу за город. Дело, понятно, молодое, страсть, как говорится, в разгаре… Ну и решил он зайти в аптеку и подкупить с десяток этих, как их в народе называют, «противников детей», дабы случайно неконтролируемо не размножиться.

А надо сказать, что аптека находилась как раз рядом с его домом и была, что называется, «его аптекой». То есть все аптекарши родные, домашние… И немаловажно то, что Олег

А. Джигарханян и О. Табаков в гостях у Быстряковых. *1990-е гг.*

Павлович зашёл в аптеку после долгого перерыва, и, естественно, старенькая благообразная аптекарша бросилась ему навстречу как к родному: «Олег Павлович, миленький! Сколько лет, сколько зим! Вам, значится, как всегда: валидольчик под язык, капелечек валерьяновых и свечечек от геморроя?»

Олег Павлович сделал паузу и, внутренне настроившись, сказал ей: «Мне бы вот этих вот…» — и показал пальчиком на лежащие под стеклом презервативы.

И тут произошла странная вещь: интеллигентная старушка-аптекарша вдруг вспыхнула, поменялась в лице и, покраснев до корней волос, сказала: «А вот ЭТОГО, Олег Павлович, Я от вас не ожидала!!!»

Молча достала ЭТО, молча завернула в пакет и также молча, с явным внутренним осуждением, подала ЭТО Табакову. Потом повернулась и молча ушла. По-видимому, жутко оскорблённая в своих чувствах.

Как продинамить мачо

Рассказывала замечательная актриса Римма Маркова.

— Когда я была помоложе, то корешевала с Нонной Мордюковой. Сколько замечательных мужских сердец было разбито в тот период нашим творческим тандемом — и не сосчитать. Но отдельные случаи остались в памяти, как особо

приметные.

На одном из фестивалей поселились мы с Нонной, как всегда, в один номер. Пока я распихивала свой концертный скарб по шкафам, явилась возбуждённо похорошевшая Мордюкова и прямо с порога:

— Ну, Римка! Сейчас такой красавец-полковник на меня глаз привесил, упасть-не встать! Сам такой чернявый, орлиная бровь, ростом под два метра, вроде даже не русский — на кавказца похож! Ой, сердцем чую — найдёт он меня здесь!!!

… И как в воду смотрела, минут через двадцать — телефонный звонок, и приятный голос с акцентом на придыхании осведомился, можно ли нанести визит, а узнав, что Нонна не одна, а с подругой, проинформировал, что и он — не один, а с другом.

И несмотря на то что мы — бабы ушлые, сердечки наши забились, как у прыщавых вгиковских первокурсниц. Это ж какой кинофестиваль без приключений, а тут ТАКОЕ — и под два метра, и бровь орлиная, и всё остальное чувствуется — «в тему»!

В общем, засуетились мы — две клуши. Бросились прихорашиваться, пудру-помаду намазывать… как вдруг — стучок учтивый в дверь: тук-тук. И голос знакомый, с кавказским акцентом: «Можьно?» Я с книжкой ламанулась к столу, типа, значит, «и не особенно ждали кого-то», а Нонка со словами «сейчас-сейчас» пошла открывать. И открыла. На пороге со счастливыми лицами, с двумя огромными букетами роз, и в больших кепках-аэродромах стояли… два крохотно-плюгавых кавказца. В их глазах светилось нечеловеческое обожание и желание немедленно отдать свою жизнь за любой наш каприз. Нонна на всякий случай заглянула им за спины в слабой надежде увидеть хоть подобие красавца-полковника, но коридор был пуст…

— Ну вот, это ми званылы, — сказал один из гномиков, и нам с тоской стало понятно, что вечер капитально испорчен и что от этих мачо нам так быстро не отцарапаться. Тут же ими были опубликованы две бутылки какого-то супер-пупер коньяка, откуда-то возникла закусь… и запахло долгоиграющими тоскливыми посиделками.

Я посмотрела на Нонну, она на меня, и я поняла, что у неё — тот же облом. А меж тем счастливые «кацо» наливали — выпивали и, как я понимала, были на седьмом небе от того, что с ними две такие знаменитые и роскошные тётки. И уже были прилично «взявшие», когда у Нонны возник совершенно гениальный план, как ИЗБАВИТЬСЯ от этих малометражных гостей.

Наш номер находился на восьмом этаже гостиницы, и почти впритык к нашему балкону находился балкон куравлёвского номера. Мы стали подливать нашим гостям в усиленном режиме, свято веря в то, что у любого мужика, будь он хоть под два метра, хоть метр-в-прыжке, рано или поздно наступает момент, когда, по меткому выражению лётчиков, «пора слить баки», т. е. отлить.

И мы дождались. Извинившись, гномики уединились в туалете… и в это самое время Нонна стремительно мотнулась на балкон и перелезла на балкон номера Куравлёва. И там затаилась в темноте.

Я же уронила голову на стол типа «такая, як треба» и стала ждать гостей. Через минуту они появились из туалета и были озадачены тем фактом, что одна из богинь уже отключилась прямо за столом, а другой и вообще не видно. Начали меня аккуратно так притормашивать и интересоваться, а где ж красавица Нонна. Ну, вы ж понимаете, я ведь не зря на актёрском училась — дала себя «разбудить», затем слабым голосом ответила, что Мордюкова, наверно, пошла на балкон покурить и что я, мол, пойду проверю.

После чего, оставив их за столом, прошла на балкон и, вспомнив все свои самые драматические киноэпизоды, заорала во всё горло, что Нонна… выпала вниз. И наверно, убилась…

Когда через минуту я влетела в номер, он был… ПУСТ! Наших кавалеров и след простыл! А вместе с ними исчезла и недопитая пляшка супер-пупер коньяка. Ну это так, к слову.

— Вот какие страсти случаются иногда на фестивалях, — закончила свой рассказ Римма Маркова.

Как я зарабатывал медаль «За отвагу на пожаре»

Несколько лет подряд мы встречали Новый год семьями с Блохиными — Дерюгиными и нашими общими друзьями. Как правило, собирались мы в «Кукурузе» на площади Славы, а затем уже перебирались к Блохиным на Январского восстания.

Наступил очередной канун праздника с его радостной лихорадкой: всё успеть купить, раздать всем долги, успеть (это для дам!) наложить на себя заключительные тонны макияжа, мужикам умудриться «ещё — до того»… — по паре капель с друзьями за наступающий…

Договорились, как всегда, в «Кукурузе» — на десять вечера. Уже при параде, при жёнах… В общем, всё — как у приличных людей. НО, как говорится, в семье — не без урода. В данном случае им оказался я собственной персоной. Ладно, всё по

порядку.

Мы тогда только получили квартиру на Подоле и, по причине ремонта, переехали ЧАСТИЧНО. Т. е. я ютился в полусырой новостройке, потому как за мастеровыми всегда нужен глаз да глаз, а супружница моя обитала у своей родни, тоже на Подоле за пару кварталов. И мы договорились, что я зайду за ней где-то ближе к десяти и мы вместе поедем на Печерск.

А нужно сказать, что тогда в конце 80-х на Подоле вовсю шла стройка и вырастали очаровательные домики, которые киевляне почему-то окрестили «немецкими». Это район между Контрактовой и Днепром. И сразу за нашим домом уже почти достроился ещё один такой же. Собственно, в нём уже шли отделочные работы. И откуда же мне было знать, что для срочной сдачи дома внутренние стены в нём прогревались открытым способом, т. е. ОГНЁМ. (Спецы знают — имеется подобная технология!)

Ну что бы вы предприняли, если, уже торопясь на встречу Нового года, увидели отблески пламени в окне ещё незаселённого дома?! Рискну предположить, что большинство вспомнило бы о наших доблестных пожарных и о том, что это, мол, их проблемы. И поспешили бы своей дорогой… Но я, воспитанный на бесчисленных рассказах о пионерах-героях, вмиг воспылал невесть откуда взявшимся ГЕРОИЗМОМ и рванул к ближайшему телефону-автомату. Срывающимся от волнения голосом я сообщил в трубку барышне, что, мол, ГОРИТ дом на Волошской. Что, мол, жаль людей, которые ещё не въехали в него, а уже — ПОГОРЕЛЬЦЫ!

Немаловажная деталь: двери в дом были заперты, а окна квартир, что прогревались открытым огнём, были НАРАСПАШКУ. И потому по приезде пожарных (а примчались они на удивление быстро!) часть из них бросилась крушить входные двери, а часть — мгновенно размотавши рукава, стала заливать огонь через распахнутые окна. Откуда я это знаю, спросите вы?

А дело в том, что сработала внутри меня пружинка тщеславия. Опять же — из тех же рассказов о пионерах-героях. О том, что зачастую их… НАГРАЖДАЛИ (иногда даже — посмертно). За подвиги, за спасение утопающих, ЗА ОТВАГУ НА ПОЖАРЕ…

И я остался. Ждать СЛАВЫ!!! И уже где-то внутри себя примерял медальку на свой концертный фрак. (А представьте себе, объявляют на концерте «Выступает лауреат Международного конкурса Владимир Быстряков!» и выхожу я во фраке, а на груди у меня… медаль «За отвагу на пожаре».) У кого ещё из лауреатов — ТАКОЕ?! Это я сейчас понимаю, что был полный идиот, а

тогда… молодой, зелёный, почти нецелованный…

Ну, что Вам сказать — ДОЖДАЛСЯ! Вместо медали… мат-перемат… вымокшие вмиг рабочие, что сушили дом, повылазили из окон (а их по инерции продолжают поливать!)… а уже пожарные, что выбили входные двери, вовсю заливают парадное… В общем — УЖАС!!!

И я, не дождавшийся славы, поковылял за женой на Межигорскую. Тем более что уже опаздывали. Получил как всегда от неё порцию дюндюлей… Вышли, стали ловить «тачку». А куда там! Новый же год, какие такси?! В общем, стоим на дороге, как две сироты, и руцей вхолостую машем, типа «подвези-и-и-те!». А уже тебе одиннадцать с хорошими копейками!!!

А в это время на Печерске за нас уже серьёзно переживали. Дёргалась Ира Дерюгина, нервничал Олег… И наконец терпение его лопнуло, и со словами «знаю Вовика, как он копается, я б его не то чтобы в нападение — на лавку запасных не взял бы!» прыг — в тачку и на Подол за четой Быстряковых.

… И в аккурат в районе Филармонии он ПОПАЛ! В самый конец многочисленной колонны малахольных людей в… трусах и майках, что НЕСПЕШНО перемещались ТРУСЦОЙ на Подол под лозунгом «Бегом из СТАРОГО года — в НОВЫЙ!». Колонну сопровождала пара милицейских машин, из которых зорко следили, чтобы ни одна падлюка не обогнала толпу энтузиастов в трусах… И Олег понял, что пока эта озабоченная толпень не притрусит неспешно на Подол, — ему светит только одно: капитально опоздать и за Быстряковыми, и в ресторан. Ну другой бы плюнул и развернулся, но тогда это был бы — не Олег Блохин! И он продолжал медленно катить за увлечёнными…

А в это же время мы вдруг… поймали ТАЧКУ! И не просто тачку, а машину «скорой помощи». Сговорились за десятку. Я уложил жену на койку типа «отравилась грибами» (непременное условие водилы!) — и мы помчали! На Печерск! И конечно же, двигаясь с Подола, видели и бегунов в трусах, и огромную колонну скопившхся за ней машин, из которых проклинали и бег трусцой, и гаишников, и…

Что примечательно, Олег тоже усёк боковым зрением нашу «скорую», и почему-то мелькнула мысль, что в ней Быстряковы… Но только мелькнула, как бегуны свернули на набережную, и он врубив «сотку» влетел на Подол, где узнал, что Володя с женой уже полчаса как… На той же «сотке» — на Печерск, где мы уже всей компанией психуем по поводу его отсутствия…

…До Нового года остаётся 10 минут, снизу к нам поднимается метрдотель и сообщает, что Олег приехал, но его… не пускает в зал… ГАРДЕРОБЩИК.

— Как??? Что???!!

— А так вот! Дедуля говорит, что якобы Олег толкнул его в МЕТРО (?) два месяца назад. И не извинился…

Нужно сказать, что по жизни своей Олег Блохин НИКОГДА не ездил в Киеве в МЕТРО. Никогда! У меня всегда было впечатление, что Олег родился сразу же — ЗА РУЛЁМ. И было понятно, что дед попросту обознался.

Но гонор, как это иногда бывает у «простых» людей, не давал признать свою неправоту. В итоге, пришлось ВСЕЙ нашей компании чуть ли не на коленях извиняться за то, чего быть попросту НЕ МОГЛО.

…Без трёх двенадцать дедок «сдался», и мы впритык успели… И проводить старый, и встретить Новый.

А когда уже перебрались на квартиру, то в своих карманах Олег нашёл кучу записок … с проклятиями, которые вредный дед всё ж таки успел насочинять. И попристраивать в карманы.

А Вы говорите — «Народные любимцы, народные кумиры…» Народ-то у нас разный имеется! Кто любит, а кто — и не очень…

Под музыку Вивальди

Стою я как-то вместе с Великим Композитором современности, автором сотен замечательных песен, любимой и почитаемой мною Александрой Николаевной Пахмутовой в очереди в… общественный туалет (!)

Ну, как вам, уважаемый читатель, интрига, т. е. завязка очередного случая, курьёза, очередной моей байки, наконец?! Понимаю, вы вправе сказать, мол, перебрал Быстряков под Новый 2010-й, и теперь ему мерещится всякое, что и на голову не налезет…

Но тем не менее! Было! И общественный туалет, и Великая Пахмутова, и я — в метре от неё. А точнее, рядом с её мужем, тоже большим человеком — поэтом Николаем Добронравовым.

Не буду вас томить, пора раскрыть наконец, ГДЕ, КОГДА и прочая детали.

А дело было несколько лет тому, на Международном телевизионном фестивале «Бархатный сезон», проходил он на роскошной океанской посудине (уже и не вспомню, под каким названием). А поскольку есть океанская посудина — то и океан должен был быть к ней впридачу. В нашем случае это было вполне «фирменное» Средиземное море, стоянка в порту Хайфа, что на Израильщине, и, в числе прочих увеселений для

фестивальных гостей — поездка автобусами в Иерусалим.

В общем, ноябрь месяц, температурка почему-то 50 градусов, и именно по тов. Цельсию (а не какому-то Фаренгейту!), и, в качестве специального презента от владельца автобуса — весёлая поломка кондиционера, который сдуру вместо спасительной прохлады стал гнать в салон горячущий воздух. А в салоне — сплошняком ВИПы, от Бисера Кирова до Баниониса, от четы Пахмутовых до Давида Яныча Черкасского, который тут же стал требовать ему в автобус берёзовый веник с целью склонить не менее великую Клару Лучко… попарить ему спинку. Раз уж такая жара пошла! Ну и как всегда на фестивалях — тут же шутки с прибаутками, розыгрыши и прочая милая ерунда, без которой ни одна подобная тусня не обходится. Так мы добрались и до славного града Иерусалим и остановились на горке, откуда открывался потрясающий вид на город.

Наша «баня» скрипнула дверьми, и из неё вывалился весь наш ВИПовский фарш, кляня и ноябрьскую погоду, и «кондейшн», и водилу. И тут наш гид, дабы скрасить народный гнев, указал на живописное строеньице и молвил: а не желает ли народ в полном смысле СЛИТЬ свой гнев в достаточно комфортных условиях современного израильского туалета. И естественно, получил наше 100 %-ное согласие!

С А. Пахмутовой, Н. Гребенниковым и О. Фиалко в Иерусалиме

И вот мы стоим в очереди, разделённые условной линией по признаку пола, но тем не менее тесно, рядочком. Я перед поэтом Добронравовым, а в метре от меня левее — Сама! Великая, несмотря на небольшой росток, Пахмутова. И тут я возьми да скажи:

— Александра Николавна! А вы любите КЛАССИЧЕСКУЮ Музыку??

Вот такой дурацкий вопрос задал, типа — профессиональный идиот… Я думаю, Она так и восприняла. Пожала плечами:

— Володя, а вы-то сами как думаете? — И смотрит на меня вопросительно.

И тут я второй вопросик подкатил:

— А часто ли слушаете классику … В ТУАЛЕТЕ?

(Ну это примерно, как если бы у Бен Ладена спросить, любит ли он Диму Билана.)

— А к чему, Володя, вы это ведёте? — спросила меня Великая.

И тут я говорю ей:

— А спорим, Александра Николавна, что мы с Вами через десять минут будем осуществлять ЭТО под КЛАССИЧЕСКУЮ музыку! Может — под Баха или Шопена?!

— Да что вы его слушаете! — к нашей милой беседе стал прислушиваться томящийся малой нуждою народ. — Вы что, Володю не знаете, как он нас всех тут разводит своими розыгрышами!!!

… В этом месте я сделаю отступление и замечу, что я НЕ ПЕРВЫЙ раз бывал в Иерусалиме и ЗНАЛ, что данный туалет обладает уникальной «фишкой» — внутри него ВСЕГДА транслируется… классическая СИМФОНИЧЕСКАЯ музыка. Только классика, никаких тебе Вандеров с Эминемами!

Ну вы ж понимаете, что это всё из серии «Их нравы», у нас бы фиг додумались писать «под Бетховена». А «ув йихнем волчьем капитализьме», как говаривал наш старшина Процюк, эти безобразия — в порядке вещей. Может, даже кто и диссертацийку успел отцарапать на тему «Влияние Моцарта на нормальное функционирование прямой кишки».

Но дело в том, что Пахмутова попала в это место ВПЕРВЫЕ, естественно, была «не в курсе», и понятна та обескураженность, с которой она восприняла моё предложение поспорить.

Тут подошла наша очередь, и мы соответственно разделились.

…Минут через двадцать я увидел нашего Живого Классика у выхода из «концертного зала» и подошёл к ней со словами:

— В полной мере насладился финалом Шестой симфонии

Петра Ильича Чайковского! Оказывается, очень способствует мягкому выведению урины из организма! А что исполняли в вашем зале???

Более задумчивую Александру Николаевну, могу поспорить, не видел никто и никогда:

— А у нас исполняли Четырнадцатую симфонию Шостаковича. Мне кажется, дирижировал фон Караян. Всегда узнак> его мощную трактовку!

…Облегчённый народ шумно усаживался в автобус, обсуждая влияние классиков на функциональные особенности перистальтики.

Леонтьев, как ваша фамилия?

Все мы когда-нибудь были в том возрасте, когда краски были ярче, девчонки моложе, а первые успехи в любимом деле вызывали у нас самих же неподдельный интерес и волновали, как самое ВАЖНОЕ в жизни.

Далёкие теперь уже 80-е. Леонтьев только-только вознёсся на пик своей совершенно непрогнозируемой (но такой ВЫСТРАДАННОЙ!) популярности и, по приезде в Киев, поселился в гостинице «Славутич», что на Русановке. Далеко впереди только-только маячили «мерседесы — к трапу», немыслимые апартаменты в супер-пупер гостиницах (а те гостиницы ещё не были и построены!) и прочие аксессуары нынешнего шоу-биза…

А тогда — простенький полулюкс в совковом «Славутиче», полуподгоревшая глазунья на завтрак в общепитовском буфете и… друзья. Много-много киевских друзей, самых разных. Музыкантов, и не только. Экстрасенсов — и не только. Художники, авантюристы, сомнительные поэты… Кто только не тёрся рядом с Валерой в то время! Это уже много позже появились мордастые ротвейлеровидные секьюрити у гримёрок, «юрба» прихлебателей из ближнего круга, что зорко следила за тем, как бы кто не приблизился к «августейшему» ТЕЛУ, а тогда… Эх, время весёлое и молодое!

Я помню, как мы почти до рассвета сидели с Валерой у Игоря Крикунова, что из киевского цыганского театра, и смотрели… Вы не поверите! ВИДЕОМАГНИТОФОН! Тогда на весь Киев их было — по пальцам пересчитать, а у Игоря — БЫЛ! И это было Счастье для всех его друзей. И конечно же, для Валеры Леонтьева тоже. А самое любимое «по видаку» для него было… Нет, не отгадали! Не порнуха (её тогда боялись смотреть даже под одеялом вкупе со своей жинкой-Клавкой)! И не боевики!

Вы не поверите (да и сам Валера, наверно, уже успел забыть)!

Самое любимое для него было… про ВАМПИРОВ! И тут Валера мог просиживать часами… Кровушка, зубки в шейку —

ГАММММ!.. Кайф!

Так и в тот раз. Как уткнулись в видик в восемь вечера, так — до трёх утра. «Зубки в горлышко — кусь! Кровища на губах…» Ну, это сейчас даже четырёхлетнего не впечатлит (заметно окреп народ), а тогда ведь — в новинку!

1-й снимок с В. Леонтьевым. *1982 г.*

…В общем, распрощались мы с ним под утро, и поехал Леонтьев в свой «Славутич». Нужно сказать, что поселился он на шестом этаже, и, что очень важно для нашего случая, нужно отметить, что над входом «Славутича» на уровне ТРЕТЬЕГО этажа, в аккурат над входом, имелся большой козырёк. Да и сейчас он там, по-моему, так и остался.

Короче, заходит Валера к себе на шестой этаж, дверь балконную открывает, и слышит, как где-то внизу поёт… Леонтьев. Это сейчас ему было бы глубоко «по-барабану», но я уже говорил вам, что ТОГДА нас часто волновала любая собственная жизненная «движуха». А тем более, своя же продукция в виде своих песен. Ну, чтобы вас больше не интриговать, скажу: очень сильно озаботился Валерий Яковлевич тем фактом, что какой-то командировочный, да ещё и в три ночи интересуется его, Валериным, творчеством.

Надо знать Валеру, а тем более тогда. Более шустрого и шкодливого пацана не было в нашей компании. И зачастую всевозможные розыгрыши, авантюры начинались именно по его инициативе. Так и в этот раз…

Немедленно была разбужена ВСЯ его группа (до того мирно почивавшая в койках), было приказано… скручивать простыни в верёвки, с помощью которых Леонтьев вознамерился… спуститься

с шестого этажа ВНИЗ и посмотреть (!!!), а КТО ж там «крутит» на магнитофоне «Леонтьева».

И что ж вы думаете — ПОЛЕЗ! С шестого! Вниз!

Спустился на козырёк, что над входом (если помните, на уровне третьего этажа)… Смотрит: приоткрыто окно номера того же третьего этажа, за занавеской пьёт водку мужская (в основном) компания, в которую «де-не-де» вкраплены представительницы женскага пола. И слушают Валерину песню «Там в сентябре». И уже, как говорится, прилично взямши. А как же, всё ж таки три часа ночи. Ну, посмотрел-налюбовался Валера на это трогательное безобразие… и засобирался обратно. А обратно — это на шестой этаж. А наверх — это ж тебе — не вниз!

И такая себе нарисовалась трогательная перспективка — провести всю ночь на козырьке гостиницы. Или же извиниться перед слушающими и… пройти через окно…

А теперь представьте себе всё дальнейшее глазами тех бедолаг, что въехали в этот номер вечером, зная, что он находится на ТРЕТЬЕМ этаже… Кто ж там вспомнит, что, мол, имеется у гостиницы ещё и козырёк. Сидят себе, буль-буль по стаканам, себе да подруге, и тихо тащатся от своего кумира. И не знают, что в это время сам КУМИР, уже порядком продрогший на клятом козырьке, никак не может решиться постучать и пройти через их номер.

«Последний довод королей». С В. Леонтьевым. *1980-е гг.*

…Наконец Валера собрался с духом, постучал в окно и, не

дожидаясь приглашения, шагнул в комнату…

Скажите мне честно, как бы вы, мой читатель, отреагировали на столь неожиданное появление своего ИДОЛА в окне третьего этажа в три часа ночи, да ещё и под собственную песню из магнитофона?..

…Позже Валера рассказывал, что при его появлении наступила… ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ ТИШИНА. Потом одна барышня начала сильно ИКАТЬ. Остальные молчали так, как будто их накрыло всех разом одной подушкой. И под это икание, в этой ПОЛНОЙ тишине Валера, извинившись, прошагал к· выходу и растворился в темноте коридора…

Как говорится, история умалчивает о продолжении сего в деталях: КАК приходила компания в себя, КОГДА закончила икать впечатлительная барышня (или икает до сих пор?).

Но знаю достоверно одно: Валера отловил тогда «свой» кайф и лишний раз убедился в силе своего влияния на наш великий, хотя местами и «поддающий», народ.

С луком и с яйцами — но не пирожок

А ещё был случай. Я уже как-то рассказывал о посиделках у архитектора Серёжи Бабушкина. Так вот, окромя сауны, биллиарда, рояльчика и мелькания всевозможных гламурных лиц, существовала и такая очаровательная традиция — делиться с присутствующими новинками по части анекдотов.

Серёга и сам был мастак рассказывать, ну а ежли ему анекдот был «в тему», то ржал искренне, внутренне радуясь тому, что рядом нет ни беременных, ни слабонервных.

И вот однажды кто-то принёс анекдот-загадку. Звучала она так: «С луком и с яйцами — но не ПИРОЖОК!»

Народ, естественно, поднапряг мозговые мускулы и нешуточно задумался. А надо сказать, народ у Серёжи подобрался отнюдь неглупый: тут тебе и архитекторы, и актёры, и кутюрье, и «посадовц»…

Полчаса думали… а ничего и не придумали. Не могут разгадать, и всё тут! Начали «колоть» рассказчика, тот — ни в какую, но потом (так и быть!) снизошёл. Что, мол, «С луком и с яйцами, но не пирожок» — это РОБИН ГУД!

Ну, все тут поржали, поудивлялись, как это сами не допёрли, но вдруг возникла одна дама. А нужно сказать, в каждой компании обязательно есть человек, которого хлебом не корми, а дай ему ПЕРВОМУ рассказать анекдот. Вот такая дама возникла и

попросила:

— Сейчас придёт мой дурак (это ласково так называла супруга), вы все помолчите, а я ему эту вот фитюлину и ЗАГАДАЮ!

Тут явился ейный муж, и она, подмигнув всем (мол — молчок!), с ходу врубила:

— Вася! А вот отгадай!

— «С луком и с яйцами, но не… Робин Гуд!»

Присутствующие подавились немым хохотом, а Вася посмотрел на всех как на полных…

— Ну, не знаю, наверно — ПИРОЖОК!

Публика валялась по полу, дама моргала, не понимая в чём подвох… Вася вздохнул:

— Ну, пацаны, наливайте! И — партейку на бильярде засандалим!

«Все на выход!»

Эту историю рассказала в моём присутствии Валентина Талызина. В театре, где она служила, однажды назначили выездной спектакль. Где-то в Подмосковье. А транспорт почему-то не предоставили. Но в театре кроме супер-пупер звёзд существуют и нормальные актёры, для которых заработок есть важная вещь. Потому решили ехать как есть. А это оказалось — обычная электричка, и других вариантов не было.

Ну, парочку самых «супер-пупер» отправили на такси, а для остальных под «Прощание славянки» — марш на пригородный! Прибыли. Воскресный день. Народу — как в эвакуацию. С лыжами, с санками, с «детями», с соплями, с криками-гиками…

А нужно сказать, что в каждом театре есть своя шустрая администраторша-«пробивальщица» спектаклей и площадок. Нашу звали Сима Марковна. И когда встал вопрос о том, что в одном вагоне всем поместиться не получится, она, ни минуты не колеблясь, объявила: «Пускай все садятся кто куда! Перед нужной станцией я пройду по вагонам и всем сообщу!»

И действительно, через какое-то время Сима Марковна прошла по всем вагонам и зычным командирским голосом сказала: «Все выходим!»

И вышла ВСЯ электричка. С лыжами, санками, «детями», криками, соплями…

Четырнадцать ступенек к искусству

Есть у меня один давний друг, знаменитейший московский актёр, любимец самых широких зрительских масс, начиная от детей и заканчивая столетними бабульками. Не буду называть его имени. Скажу только, что в один из его приездов в Киев местные телевизионщики попросили меня устроить интервью с народным артистом.

В назначенное время любимец миллионов появился у меня дома в паре с очаровательной, но уже крепко «взявшей» подружкой. Подружка, нужно сказать, была известна слабостью ко всему, что связано с артистической профессией и, в частности, к самим артистам. И неважно московский ли, киевский ли, житомирский ли… Важно, чтобы — АРТИСТ!

Да, я забыл сказать, что в моей двухуровневой подольской квартире была лестница. С первого на второй этаж. Дубовая. В четырнадцать ступенек. Но что важнее, это то, что с неё никто никогда не падал, и это я вас попрошу отметить.

Итак, заходят наши дорогие гости: артиста сразу повлекли на интервью, а его дама возжелала осмотреть квартирку, поскольку была впервые. И поднялась на второй этаж…

И вот идёт интервью, а надо сказать журналюга попался слегка «желтоватый», охочий до всякого рода «клубнички», и потому после 2-3-х первых дежурных вопросов о здоровье, о творческих планах сразу «перешёл к делу». И вопрос в лоб:

— А скажите честно, у вас есть ЛЮБОВНИЦА?

Присутствующие затаили дыхание и стали с интересом ждать, как отреагирует мэтр на столь хамский вопрос.

Тот и бровью не повёл, ответил:

— Да, у меня есть любовница. Моя любовница — это ТЕАТР!

И в это время его спутница, как была в шубе, со второго этажа — на первый, как говорится, голова-ноги, кубарем вниз… По всем четырнадцати ступенькам, ни пропустив при этом ни одной…

После сего грохота наступила оглушительная тишина, и кто-то из присутствующих тихо сказал:

— Армен, кажется, ваш ТЕАТР упал…

Можно добавить, что всё обошлось для «театра» благополучно. Люди в таком состоянии и с крыши падают — и ничего, а тут каких-то четырнадцать ступенек! Так что живаздорова, и слава богу!

Дважды еврей Советского Союза

Ну кто не знал Сеню Фараду?! Его знали ВСЕ, и толком не знал НИКТО. Я имел счастье пару-тройку раз бывать в компании с ним, даже принимать его у себя «на хате», всё пытаясь доковыряться, как говорят в Одессе, «до мозговых глубин»… но всё безрезультатно. Внешне тихий, даже какой-то неприметный, он умудрялся оставаться в центре внимания даже тогда, когда рядом находились «мэтры», более громогласные и броские. Сеня всегда был человеком-«ПЕРСОНАЖЕМ», с его слегка детскими слабостями и капризами. Со своей всенародной славой он носился как с малым дитём, лелея её глубоко в себе, и всегда жутко радовался, когда его УЗНАВАЛИ. И напротив, если люди вокруг по какой-либо причине не замечали Семёна… сразу возникала горькая, совсем по-детски обида на весь окружающий мир. Ежли он заселялся в гостиницу — мог стать у лифта и зорко следить: производит ли впечатление на окружающих хотя бы тот факт, что ОН УЖЕ ЗДЕСЬ! И если начинали бросать взгляды, шушукаться за спиной: «Смотри-смотри! Вон Фарада!», то можно было смело заселять Сеню даже далеко не в люкс. Но совсем другое дело, когда народное «узнавание» по какой-либо причине давало сбой.

Так, однажды мой друг Додик Черкасский стоял с Сеней в гостинице у лифта, из которого выходили иностранцы (!). И понятное дело, на Сеню НЕ ОБРАТИЛИ внимания. Ну это дело такое, КТО такой Фарада для них там в Африке или на острове Пасхи?!

НО Сеню это обстоятельство ЖУТКО обидело! Он глянул на Давида и бросил:

— Говно — отель, валим в другой!

В другом, как на беду (это был «Интурист»), повторилась ТА же история: снова — лифт, снова выходящие интуристы, снова — ноль внимания на Сеню и снова: «ГОВНО-ОТЕЛЬ, поехали дальше!».

И не помогало то, что Додик с пеной на губах доказывал, что это, мол, ИНОСТРАНЦЫ, люди недалёкие, и в кино не ходят, и «Гараж» вместе с «Уно моменто» не видели, и вообще, КТО такой Ричард Гир вместе со своей «Гиршей» (т. е. женой) рядом с нашим славным СЭМЭНОМ… Бесполезно!

Сеня упирался, как молодой жеребец, и Додик понял, что «ЭТО» у друга — НАВСЕГДА!

Прилично потыркались, пока нашли отель «с узнаванием», и после получаса массового братания, автографов-«на-чём-угодно» и других атрибутов народного психоза Сеня с триумфом заселился в более чем скромный номер гостиницы, на вывеске которой не хватало места… даже для одной звезды.

…Как-то один мой будущий товарищ по имени Федя Крат (по причине многочисленных романов его в шутку называли МногоКрат) организовал фестиваль юмора, и не где-нибудь, а в Карачаево-Черкессии, точнее в Домбае и в городе Нальчик. Забегая вперёд, скажу, что главная ошибка Многократа состояла в том, что он напечатал афиши с красочными ФОТОГРАФИЯМИ народных «любимцев». А среди них — и Саша Филипенко, и Володя Вишневский (с его знаменитой мини-поэмой «Ты мне роди, а я перезвоню!»), и куплетисты Мишуков — Бандурин (см. «Аншлаг»), и я (никем на Кавказе не знаемый)… и, конечно же, Семён Фарада в шикарном исполнении модного московского плакатиста-фотографа в центре афиши. И вот эту всю «красоту» вывесили в Нальчике. В ожидании будущего АНШЛАГА!

Афишки наши глянцево-красочные провисели на улицах города… минут двадцать, после чего ВРАЗ… были украдены на сувениры и добрую память. В результате в славном Нальчике люди так и не узнали о существовании нашего будущего концерта. И как следствие, НИКТО не пришёл на концерт, зато нашими афишками через день бойко торговали на местном рынке.

Да, я забыл сказать, что Фарада по происхождению был «дважды» евреем, причём одновременно и кавказским евреем, и «нашим». По папе — кавказским, а по маме — «нашим». Или наоборот. Это обстоятельство его так веселило, что он любил называть себя «Дважды еврей Советского Союза». И добавлял, что в Союзе он — один такой уникальный.

…Не буду говорить, что появление Сени в Домбае, где у нас была основная «база», вызывало бурю восторгов у местных джигитов и джигиток самого широкого возрастного слоя. Это был лёгкий фурор местного масштаба! По улице пройти с ним спокойно составляло целую проблему, поцелуи чередовались с «фотканьем», мамаши несли совсем крохотных детей, чтобы те, несмотря на полную несознанку, могли получить полноценный кайф от близости с Самим. На подъёмниках, на каждой промежуточной станции, были накрыты «поляны», где седые старейшины уже вовсю булькали угрожающих размеров рогами с вином.

С. Фарада — посиделки у Быстряковых

…Сеня купался в славе, как кот в сметане. Меня же в тех местах никто (как я уже говорил) не знал и, как следствие, не обращал внимания на хлопца, который со стороны наблюдал триумф Звезды. Это обстоятельство меня жутко раздражало (я ведь тоже, типа, АРТИСТ!), а никто не целует-мучает и автографов не требует (до эпохи «Золотого гуся» оставалось ещё пару лет). И я мучительно подыскивал повод, чтобы хоть в чём-то отождествиться с «великим Сеней» или, по крайней мере, ощутить свою нужность на этом празднике имени Фарады. И наконец ПРИДУМАЛ!

— Сэмэн! — сказал я в один из вечеров, вроде бы вскользь, уже в гостинице. — А ты напрасно так это вот спокойно в этих местах гуляешь. Плюс обнимухи со всеми, да по стаканчику-другому не отказываешь! А ведь — ЧРЕВАТО!

— ЧЕМ, Вова, чревато? — забеспокоился вдруг «Дважды еврей Советского Союза».

— «Чем-чем?!» А то, что ты дикие местные обычаи будто не знаешь?! Ты ж для них, для местных, типа живого сувенира, можно даже сказать, АМУЛЕТА. А какое первое желание возникает у гордого жителя гор, когда он тебя видит? Обнять, выпить, сфоткаться и т. д. А теперь подумай, ведь может найтись джигит, что захочет иметь ВСЁ ЭТО у себя дома, где-нибудь высоко в горах, в ауле, где один телевизор на тридцать семей, да и тот поломанный стоит для красоты. А тут живой сувенир под названием «Семён Фарада»… и всегда под рукой, и перед

кунаками похвастаться есть чем. Смотри, Сеня! Стырят тебя, как в той «Кавказской пленнице», и всех делов!

— Да ну, разводишь ты меня, — обеспокоенным вдруг голосом сказал мне Семён. — И как это они меня стырят?!

— Да «НА РАЗ», Сеня! Мешок на голову, и… ку-ку! Вокруг горы, искать — не переискать (я уже и сам вдохновился своей же ерундой). Будешь где-нибудь в заоблачном ауле халтурить как «живой сувенир имени самого себя». Конечно, будут кормить как на убой, за выпивоном дело тоже не станет, ну а в дальнейшем, может, там и театрик какой организуешь. И назовёшь — «Театр за облаками» (меня уже вовсю несло).

В этом месте Семён выдал паузу, которой мог спокойно позавидовать сам Станиславский.

— Ну не знаю, Вова, — нарушил он раздумье, — прав ты или как, но только с завтрашнего дня от меня — НИ НА ШАГ! Действительно, мало ли что у них в голове. Обнимаются-целуются, а сами мешок готовят! В общем, так! Я тебя везде тут буду представлять как своего телохранителя, бывшего «афганца», а ты, если что, — ноздри раздувай, и пожёстче так, пожёстче!

И началась для меня, как говорят в Одессе, «ну очень сладкая жизнь». Теперь я передвигался не ЗА Семёном, а ПЕРЕД ним, типа заслоняя от всевозможных поползновений.

Сеня, выглядывая из-за моего плеча, представлял меня громко и с хорошей дикцией:

— А это мой друг и телохранитель Вова. В Афгане пару раз меня… прямо с мушки снимал!

Восхищенные местные громко цокали языками и говорили:

— Ай, Вова-джан! Ай молодца какая!

— И наливали в первую очередь МНЕ, а ПОТОМ уже и Артисту. И я, с неспешностью ветерана спецназа, «с достоинством» принимал все эти знаки народной любви, естественно, внутренне сгорая от стыда.

Так мы «допыркались» до того светлого дня, когда народные чувства перелились малость через край, и восторженные местные юноши (из тех, что подрабатывали, утрамбовывая снег на горнолыжных трассах) уболтали нас покататься на их «летающей тарелочке». Так называлась машина-«пилюля», действительно напоминающая формой НЛО. Джигиты обещали нам массу новых впечатлений, рядом с которыми аналогичные «фишки» всевозможных Диснейлендов просто померкнут. И мы, как-то, не подумав, согласились, забыв даже о недавнем Сенином инфаркте.

Нас подняли высоко, на самую последнюю станцию подъёмника. Внизу под нами парили гордые орлы вперемежку с не менеее гордыми парапланеристами, где-то ещё ниже смутно

угадывались домики и наш отельчик… Подъехала «пилюля», и нас (идиотов!) пригласили занимать «места согласно билетов». Меня как личного «бодигарда» вместе с Фарадой вселили вовнутрь, где уже вовсю хлопотал «водила», а остальных… ПРИВЯЗАЛИ СНАРУЖИ. Со стороны они напоминали живой пояс шахида-аматора и своим нарочитым весельем явно выдавали нехилый мандраж и поздно пришедшее понимание предстоящего ужаса. И он-таки настал! Мотор взревел, и мы с фанатизмом сошедшего с ума лихача стали утюжить горные склоны. «Тарелка» то взлетала под углом в 45 градусов на кручи, то неслась к краю пропасти, где и зависала, покачиваясь (!) и распугивая парящих НИЖЕ нас орлов. Джигиты радостно гоготали, «отпивая» свою порцию адреналина, а мы с Сэмэном… ну что вам сказать?! Таким Сеню, готов поклясться, не видел НИКТО и НИКОГДА! Судя по его остановившемуся взгляду, можно было без труда догадаться, что Сеня в эти минуты пребывает в некоем кинозале, где внимательно отсматривает ВСЮ свою жизнь, не забывая при этом клясть и тот день, когда он «подписался» на Кавказ, и собственную интуицию, что не сработала, когда сдуру попёрся с нами — …удаками на клятую «тарелочку», и шальных местных хлопцев, которым угробиться с этого склона, как два пальца об асфальт. Общим у меня с Сеней и нашими страдальцами, привязанными снаружи, было лишь… трогательное прощание с родичами, детьми, друганами, любовницами и прочим «антуражем», оставшимся далеко внизу в предыдущей Жизни.

…Сколько нас мурыжили джигиты по пропастям, сказать сложно. Было ощущение, что — вечность. И то, что мы наконец остановились под общий выдох «…твою мать!!!», показалось мне какой-то «нереаловкой», каким-то исключением из правил, когда единственным финалом должно было стать превращение всей нашей компашки — в котлету, в фарш, в сплошное «тарантино».

…Сеня выглядел ещё тише и спокойнее, чем обычно, и это его спокойствие напоминало спокойствие отмороженной ноги, когда ничего не болит, не беспокоит, да и ноги уже как таковой, собственно, и НЕТ… Тихо вылез из «чрева» тарелочки, тихо отошёл в сторонку и тихо стал пи>сать на укатанный до блеска склон… Остальные так же тихо присоединились…

А вечером вся гоп-компания, как по команде, упилась.

С Радмилой Караклаич. *Киев, 1970-е гг.*

С Натальей Варлей. *1980-е гг.*

С Паулсом и Леонтьевым. *1980-е гг.*

Интервью у Паулса. *1980-е гг.*

С Катей Семёновой

В студии с Караченцовым. *1980—1990-е гг.*

Цирк возвращается (с Олегом Поповым). *1982 г.*

С А. Масляковым на детском фестивале. *Крым, 1980-е гг.*

На записи диска «Дорога к Пушкину». *Франция, 1994 г.*

Гастроли с Караченцовым. *Чикаго.*

Аккомпанирую Анатолию Кузнецову

С Ларисой Удовиченко

С Барбарой Брыльской. *2010 г.*

В жюри с Б. Брыльской и А. Заворотнюк. *Шоу «Народная звезда», 2010 г.*

С Лайзой Минелли

С Игорем Дмитриевым на фестивале «Бархатный сезон»

С Давидом Черкасским и Евгением Паперным